This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕ

В. Битнеръ.

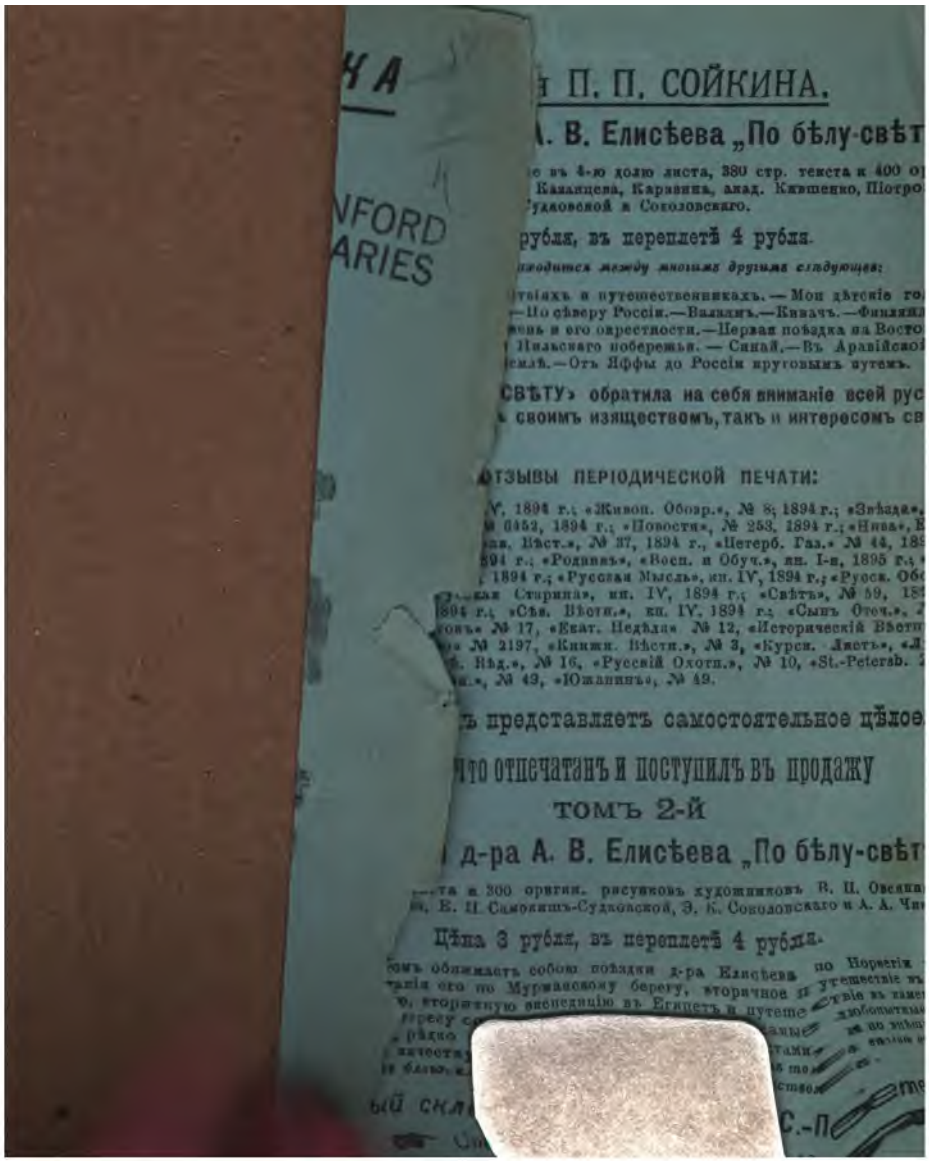
Первые обитатели Москвы.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ СѢДОЙ СТАРИНЫ.

DK599
B58
1894

HOOVER LIBRARY

Петербургъ, Стремянная, 12.


П. П. СОЙКИНА.
А. В. Елисѣева „По бѣлу-свѣт
рубля, въ переплетѣ 4 рубля.
СВѢТУ» обратила на себя вниманіе всей рус
ОТЗЫВЫ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ:
ТОМЪ 2-й
д-ра А. В. Елисѣева „По бѣлу-свѣт
Цѣна 3 рубля, въ переплетѣ 4 рубля.

Bitner, V.

ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ

МОСКВЫ.

Разсказъ изъ временъ сѣдой старины

В. Битнера.

Съ 18 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1894.

HOOVER LIBRARY

AQF 4285

I.

Лѣсная драма.

Было это, примѣрно, лѣтъ тысячи три тому назадъ. Уныло шумѣлъ вѣтеръ въ вершинахъ громадныхъ деревьевъ. Смутнымъ, тяжелымъ гнетомъ ложился на сердце этотъ однообразно-заунывный шумъ, эта спокойная, но грустная пѣсня стараго, уже Богъ вѣсть въ который разъ засыпающаго на зиму исполина—лѣса, этого безмолвнаго свидѣтеля нашихъ радостей и бѣдствій. Внизу, подъ густымъ, едва проницаемымъ для косыхъ лучей заходящаго солнца сводомъ было тихо; ни одна вѣтка, ни одинъ листикъ не шевелились, и только глухой шумъ въ вершинахъ, будто тяжелые вздохи стараго исполина, словно предчувствовавшаго свою кончину подъ топоромъ современнаго барышника,— нарушалъ это безмолвіе....

Вдругъ, среди кустовъ съ пожелтѣвшею или покраснѣвшею отъ мороза листвою, пріютившихся около гигантскаго ствола стараго, обросшаго сѣрымъ мхомъ дуба, раздался сильный трескъ, потомъ топотъ и какое-то отрывистое хрюканье, какое обыкновенно издаютъ свиньи, чѣмъ-либо испуганныя. Черезъ мгновеніе на поляну выскочилъ большой кабанъ, въ сопровожденіи двухъ волковъ.

*

Завидѣвъ волка съ его добычею, воины стали приближаться къ нему, держа наготовѣ дротики. Звѣрь оскалилъ свои зубы и повременамъ съ угрожающимъ видомъ щелкалъ ими, но, когда люди приблизились настолько, что могли пустить въ ходъ свое оружіе, волкъ со свирѣпымъ ворчаніемъ поспѣшно удалился. Два или три копья, брошенныя ему въ догонку, не достигли своей цѣли и были подняты ихъ владѣльцами.

Въ это время подошло и остальное племя. Всѣхъ, считая женщинъ и дѣтей, было болѣе полутораста человѣкъ. Ими предводительствовалъ высокій старикъ съ большою сѣдою бородою. Въ его карихъ глазахъ свѣтились умъ и проницательность, а форма губъ и довольно правильнаго, съ маленькою горбинкою, носа придавала всему его лицу выраженіе энергіи и достоинства. Одѣтый, подобно остальнымъ людямъ племени, въ звѣриную шкуру, онъ имѣлъ у пояса довольно длинный обоюдоострый ножъ-кинжалъ, а въ рукѣ держалъ могучую дубовую палицу. Рядомъ со старикомъ шло нѣсколько человѣкъ, которые, хотя держались по отношенію къ нему очень почтительно, но, судя по ихъ обращенію съ остальными воинами, очевидно, представляли собою второстепенныхъ вождей.

Всматриваясь въ общій типъ племени, невольно бросалось въ глаза то обстоятельство, что въ немъ не было, строго говоря, единства. Правда, большая часть людей представляла изъ себя малорослую расу съ желтоватыми волосами, жидкою на лицѣ растительностью, плоскимъ или вздернутымъ кверху носомъ и свѣтлыми глазами, но тутъ были также и представители, повидимому, иной расы, отличавшейся болѣе высокимъ ростомъ, темнорусыми или бѣлокурыми воло-

сами, сѣрыми или голубыми, а изрѣдка и карими глазами, и носомъ по большей части безъ выемки. По формѣ черепа, болѣе удлиненнаго, они тоже рѣзко отличались отъ остальныхъ людей племени, которое, такимъ образомъ, представляло собою смѣшанную расу. Среди женщинъ, въ общемъ довольно хорошо сложенныхъ, замѣтно было тоже расовое различіе. Отъ вниманія наблюдателя не должно было укрыться и еще одно довольно знаменательное обстоятельство, — что длинноголовые, проявлявшіе болѣе энергіи и предпріимчивости, играли въ племени болѣе выдающіяся роли: мужчины были вождями и иниціаторами разныхъ предпріятій, женщины — руководительницами въ работахъ. Очевидно, высокорослая раса вошла въ составъ племени относительно недавно, а потому не успѣла еще съ нимъ достаточно хорошо слиться.

Подойдя къ мертвому кабану, рядомъ съ которымъ, плавая въ собственной крови, умиралъ волкъ, старикъ указалъ на обоихъ животныхъ и сказалъ нѣсколько словъ на чрезвычайно грубомъ, гортанномъ нарѣчіи. Вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же одинъ изъ воиновъ ударомъ палицы прикончилъ умирающее животное, которое другіе воины положили, вмѣстѣ съ кабаномъ, на носилки изъ копій и понесли съ собою.

Нужно было торопиться, чтобы еще засвѣтло дойти до мѣста ночной стоянки, потому что солнце готово было скрыться за горизонтомъ. Ускоривъ шаги, всѣ тронулись дальше. Впереди по прежнему шло нѣсколько воиновъ, образуя авангардъ. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали остальные члены племени. Мужчины, во главѣ которыхъ шелъ старикъ, занимали переднюю часть колонны; они, кромѣ оружія, не имѣли

съ собою почти никакой ноши. Зато женщины были буквально навьючены всевозможными тяжестями. Одне несли большія лодки, сдѣланныя изъ древесной коры или выдолбленныя изъ осины и дуба; другія тащили корзины изъ ивовыхъ прутьевъ, наполненныя мясомъ, желудями, разными съѣдобными кореньями, звѣриными шкурами и всевозможными хозяйственными принадлежностями изъ дерева, камня и кости. Кромѣ того, многія изъ женщинъ несли за спиною маленькихъ дѣтей, а другихъ вели за руку. Тутъ же тащились старики, уже неспособные сражаться. Вся эта колонна замыкалась аррьергардомъ изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ воиновъ...

Лѣсъ, по которому уже болѣе мѣсяца двигалось вдоль рѣки это племя, отыскивая удобное и безопасное мѣсто для поселенія, занималъ громадное пространство въ сотни верстъ. Мѣстами его пересѣкали по разнымъ направленіямъ рѣки, необъятныя озера и болота, о которыхъ въ наше время трудно даже составить себѣ понятіе. Несмотря на отдаленность эпохи, деревья, составлявшія этотъ первобытный лѣсъ, принадлежали уже къ породамъ, существующимъ и въ настоящее время. Но какая была разница между теперешними чахлыми представителями лѣснаго царства и тогдашними растительными исполинами! Сотни и тысячи лѣтъ росли они безъ всякой помѣхи, ничего не боясь, кромѣ старости и бури. Человѣкъ, съ его жалкимъ кремневымъ топоромъ, вдѣланнымъ въ дерево или привязаннымъ къ оленьему рогу, ничего не могъ съ ними сдѣлать. Для того, чтобы срубить даже средней, по тогдашнему, величины дубъ, ему нужно было по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ, три, если не прибѣгать къ помощи

огня. Даже лѣсные пожары, со всѣми ихъ ужасами, не имѣли въ то время такого значенія, какъ теперь, потому что, при обиліи водъ и частыхъ дождяхъ, они не могли получить слишкомъ большаго распространенія.

Изъ животныхъ, населявшихъ эти первобытныя лѣсныя дебри, слѣдуетъ отмѣтить медвѣдя, волка, рысь, соболя, куницу, кабана, сѣвернаго оленя, косулю, тура, лося, зубра, бобра и другихъ болѣе мелкихъ млекопитающихъ. Изъ птицъ же заслуживаютъ вниманія глухарь, бѣлая куропатка, тетеревъ, цапля, туруxтанъ, разныхъ породъ утки, гусь, лебедь, орланъ-бѣлохвостъ и другія. Въ рѣкахъ и озерахъ кишѣла масса рыбы, которую первобытный человѣкъ ловилъ своими нехитрыми орудіями. Тутъ водились сомъ, судакъ, налимъ, щука, окунь, плотва и т. п.

II.

Привалъ племени.—Ночь.

Дойдя до песчанаго бугра на берегу широкой въ то время рѣки, называемой теперь Москвою, по сигналу, данному старымъ вождемъ, издавшимъ, при помощи свистка изъ оленьей кости, короткій, но пронзительный свистъ,—все племя остановилось. Тотчасъ же начались приготовленія къ ночлегу. Въ то время, какъ одни изъ мужчинъ рубили молодыя деревца, очищая ихъ отъ вѣтвей и приготовляя колья для вколачиванія въ землю, другіе, при помощи тѣхъ же кольевъ, а частью каменными мотыками, образовали изъ песку валикъ, кругомъ котораго съ подвѣтренной стороны

набили кольевъ. Къ нимъ были прислонены лодки, которыя обложили древесными вѣтвями и сверху покрыли кожами. Болѣе легкіе челноки, сдѣланные изъ коры или осины, были положены на колья сверху и также прикрыты вѣтвями и звѣриными шкурами. Такимъ образомъ получился закрытый съ трехъ сторонъ навѣсъ. Между тѣмъ, женщины, раздѣлившись на партіи, занялись кто собираніемъ дровъ для костра, кто сниманіемъ кожъ съ убитыхъ на охотѣ животныхъ и разрѣзываніемъ послѣднихъ на части, кто пошелъ за водою, кто, наконецъ, трудился надъ разведеніемъ огня. Послѣдняя операція, въ настоящее время столь простая, требовала тогда значительнаго труда, навыка и особыхъ предосторожностей при сохраненіи нужныхъ для нея матеріаловъ. Эти матеріалы состояли изъ двухъ кусковъ дерева, твердаго и мягкаго, которые обыкновенно носились у человѣка, привязанные къ поясу кожанымъ ремешкомъ. Для полученія огня нужно было путемъ чрезвычайно быстраго и довольно продолжительнаго вращенія палочки мягкаго дерева въ дырѣ или углубленіи, продѣланномъ въ твердой породѣ, довести ихъ до того, чтобы отъ сильной теплоты дерево начало дымиться. Вскорѣ, продолжая вращеніе, первобытный человѣкъ получалъ пламя, которое охватывало подставленные пучки сухой травы и мелкихъ смолистыхъ щепочекъ. Иногда вращеніе палочки производилось при помощи небольшаго лука. Обмотавъ палочку въ одинъ оборотъ тетивою и утвердивъ въ углубленіи куска дерева, достаточно было быстро двигать лучекъ взадъ и впередъ, оставляя палочку въ вертикальномъ положеніи, чтобы достигнуть воспламененія дерева съ гораздо меньшимъ трудомъ.

Разложивъ такимъ образомъ нѣсколько большихъ костровъ, кругомъ которыхъ не замедлили образоваться группы озябшихъ и проголодавшихся дикарей, женщины занялись приготовленіемъ пищи. Послѣдняя, при условіяхъ бивачной жизни, не могла, конечно, отличаться большимъ разнообразіемъ, которое дается только путемъ усиленныхъ заботъ, единственно возможныхъ при условіи осѣдлой жизни. На бивакѣ почти невозможно имѣть ни тѣхъ удобствъ, ни того спокойствія, ни того знанія мѣстныхъ условій, которыя необходимы человѣку для приготовленія самыхъ даже, повидимому, простыхъ предметовъ его домашняго обихода. Ужъ что, казалось-бы, проще какого-нибудь горшка для варки пищи, а между тѣмъ и его нельзя приготовить на бивакѣ. Не говоря уже о необходимыхъ для этого матеріалахъ, которые далеко не вездѣ можно достать,— самый процессъ лѣпки глиняной посуды и ея обжиганія требуетъ, какъ извѣстно, не малаго времени для своего выполненія, чего, конечно, кочевая жизнь, которую, по необходимости, пришлось вести племени, доставить не могла.

Племени нужно было спѣшить еще до наступленія морозовъ найти подходящее мѣсто по крайней мѣрѣ для зимовки, если ужъ не для окончательнаго поселенія. Гдѣ ужъ тутъ, стало быть, было думать о приготовленіи посуды, которая къ тому же во время дороги сильно бьется?! Нужно къ тому же замѣтить, что первобытный человѣкъ, хотя и велъ жизнь сытую, никогда не испытывая, благодаря обилію въ лѣсахъ всякой дичи, а въ рѣкахъ рыбы, — продолжительныхъ голодовокъ, однако, не былъ избалованъ разнообразіемъ

кухни. Въ случаѣ нужды, онъ не пренебрегалъ и сырымъ мясомъ, а жиръ, добываемый изъ расколотыхъ костей только что убитаго животнаго, составлялъ даже лакомство, изъ-за котораго нерѣдко возникали споры, певсегда кончавшіеся мирно.

Итакъ, пользуясь тѣмъ скуднымъ запасомъ средствъ, какой имѣлся въ ихъ распоряженіи, женщины принялись за стряпанье ужина. Сначала, въ то время, какъ однѣ изъ нихъ собирали на берегу рѣки валуны, другія выкопали недалеко отъ костра небольшую яму и выстлали ее внутри смолистыми вѣточками. Потомъ принесенные камни побросали въ огонь и, когда они накалились до-красна, то ими выложили яму. Въ образовавшуюся, такимъ образомъ, раскаленную печь были положены самые сочные и жирные куски кабана и лучшія части оленины. Все это было сверху закрыто тоже раскаленнымъ плоскимъ камнемъ, и засыпано горящими угольями. Черезъ нѣкоторое время зола и уголья были сняты, камень приподнятъ, и жаркое готово. Смѣло можно сказать, что, по своему вкусу, оно могло-бы сдѣлать честь любой современной кухаркѣ. Въ немъ былъ лишь одинъ, на нашъ взглядъ, недостатокъ, къ сожалѣнію, непоправимый, но котораго тогда не знали,— это отсутствіе соли. Впрочемъ, тогда дикари не ощущали еще этого неудобства. Первая порція приготовленнаго жаркого была преподнесена одною изъ молодыхъ женщинъ старому предводителю, который раздѣлилъ его между усѣвшимися рядомъ съ нимъ второстепенными вождями. Между тѣмъ другія женщины рѣзали остальное мясо на тонкіе ломти и пекли ихъ на угольяхъ или, насадивъ лучшіе куски на палку,

служившую прототипомъ вертела, жарили ихъ на огнѣ. Все это исполнялось по преимуществу женщинами, которыя сами пока не дотрогивались до пищи, заботясь о насыщеніи своихъ мужей, отцовъ и братьевъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые были неслишкомъ голодны и предпочитали обождать, онѣ дѣлали жаркое по вышеописанному способу въ выложенной раскаленными камнями ямѣ, или же варили мясо въ деревянномъ корытѣ, замѣнявшемъ глиняную посуду. Послѣдняя, хотя и имѣлась въ небольшомъ количествѣ, но была еще недостаточно прочна и часто лопалась отъ огня; поэтому для варки, особенно въ походѣ, ее жалѣли употреблять. Наливъ деревянными ковшами воды въ корыто, женщины клали туда мясо и потомъ бросали раскаленные на огнѣ камни, которые и доводили воду до кипѣнія. Приготовивъ, такимъ образомъ, ужинъ мужчинамъ и накормивъ наиболѣе безпокойныхъ и нетерпѣливыхъ ребятъ, женщины принялись послѣ этого утолять и свой голодъ. Съ ними ѣли и дѣти, хотя послѣдніе успѣвали уже и раньше кое-что перехватить на свою долю.

Когда ужинъ былъ оконченъ, и большинство воиновъ, утомленные дневными трудами и разслабленные жаромъ отъ костровъ, прилегли на землѣ въ полудремотѣ, ожидая разрѣшенія уснуть, женщины занялись окончательною отдѣлкою шкуръ, снятыхъ съ убитыхъ въ этотъ день животныхъ. Самыми важными орудіями при этой операціи служили различной величины и формы кремневые скребки, которыми шкуры очищались съ внутренней стороны отъ кусочковъ мяса и мездры. Послѣ этого, обмазавъ кожу и втерши въ нее растопленное сало, долгое время мяли ее въ рукахъ и колотили плоскими камнями или деревянными

вальками. Нѣкоторыя изъ женщинъ передъ намазываніемъ кожи саломъ посыпали ее золою, которую потомъ втирали. Продолжительность и тщательность выдѣлки шкуры зависѣла, конечно, отъ цѣли, для которой она назначалась. Самые легкіе и мягкіе мѣха шли на женскую одежду. Шкуры, очищенныя отъ волосъ при помощи огня и скребковъ, шли на ремни, мѣшки и т. п. Тѣ изъ женщинъ, которыя не были заняты выдѣлкою кожъ, приготовляли одежду изъ выдѣланныхъ раньше мѣховъ. Онѣ сшивали ихъ волокнами сухожилій, въ большинствѣ случаевъ примѣняя для этой работы костяныя шила, хотя у нѣкоторыхъ имѣлись и настоящія иголки съ ушкомъ, но, конечно, тоже изъ кости. Нѣкоторыя женщины разбивали большими камнями звѣриныя челюсти, отдѣляя отъ нихъ зубы, изъ которыхъ въ болѣе свободное время дѣлались ожерелья.

Среди этихъ работъ прошло часа полтора—два. Старый вождь, который все время бесѣдовалъ съ молодыми своими помощниками относительно завтрашняго дня и отдавалъ имъ разныя приказанія, наконецъ, всталъ, обошелъ кругомъ костровъ, съ цѣлью убѣдиться, окончены-ли самыя неотложныя работы, и потомъ далъ сигналъ всѣмъ ложиться спать. Женщины и дѣти, собравъ всѣ вещи въ корзины, улеглись подъ навѣсомъ; мужчины же кое-какъ расположились частью у самаго входа, частью, для кого нашлось мѣсто,—внутри шалаша. Передъ входомъ въ послѣдній горѣлъ костеръ, защищенный отъ вѣтра шалашомъ. Тутъ же расположился сторожевой, на обязанности котораго лежало вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживать огонь.

Наступила темная, холодная ночь. Небо сплошь за-

волокло тучами. Со всѣхъ сторонъ лѣса сталъ раздаваться вой и ревъ хищныхъ звѣрей. Въ первое время, пока еще всѣ костры горѣли, они не осмѣливались подходить слишкомъ близко къ становищу, тѣмъ болѣе, что люди не всѣ еще спали. Но по мѣрѣ того, какъ костры, за исключеніемъ одного, догорали и тухли, дерзость хищниковъ возрастала. Они все болѣе и болѣе приближались къ шалашу. По временамъ среди лая дикихъ собакъ и воя волковъ раздавалось грозное рычаніе медвѣдя, который, впрочемъ, не подходилъ очень близко. Зато волки, привлекаемые запахомъ свѣжаго мяса и шкуръ, покрывавшихъ шалашъ, были до того дерзки, что пытались просунуть въ него свои морды. Когда это удавалось дерзкому хищнику, причемъ раздавался плачъ какого-нибудь испуганнаго ребенка или крикъ женщины, то сторожевой, а иногда и нѣсколько другихъ воиновъ поднимались и, вооружившись горящими головнями, отгоняли непрошенныхъ гостей. Послѣдніе, не имѣя понятія объ огнѣ, невсегда, однако, отступали, но подчасъ, собравшись въ большомъ числѣ, пытались напасть на человѣка. Правда, обыкновенно подобныя попытки оканчивались для нихъ довольно печально, но зато уже самая необходимость этихъ вылазокъ была для спящихъ очень непріятна; ктому же, послѣ всякаго подобнаго отраженія волковъ, получавшихъ при этомъ тяжелые обжоги мордъ и другихъ частей тѣла, подымался ужасный вой не только однихъ пострадавшихъ, но и ихъ товарищей. Этому дикому концерту вторили и другіе звѣри и въ результатѣ получался такой шумъ, который будилъ всѣхъ въ лагерѣ. Иногда кому-нибудь изъ дѣтей нужно было выйти изъ шалаша; мать принуждена была сопровождать его,

и при этомъ приходилось опять-таки прибѣгать къ помощи огня.

Невсегда при этомъ дѣло обходилось вполнѣ благополучно,—былъ и несчастный случай. Одинъ воинъ, который слишкомъ увлекся, преслѣдуя волковъ, вдругъ увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ разсвирѣпѣвшими животными. Глаза ихъ метали искры, изъ оскаленныхъ пастей вырывались яростное ворчаніе и вой, а зубы издавали зловѣщее щелканье. Тогда, оставивъ всякое намѣреніе преслѣдовать хищниковъ, воинъ сталъ думать только о своемъ спасеніи. Медленно началъ онъ отступать, держа въ одной рукѣ горящую головню и обмахиваясь ею вокругъ, другою же рукою, вооруженною дротикомъ, нанося смертельные удары наиболѣе дерзкимъ животнымъ...

По мѣрѣ того, какъ головня потухала, дерзость волковъ усиливалась. Уже нѣкоторые изъ нихъ успѣли укусить человѣка сзади... Тогда-то онъ рѣшился позвать на помощь, чего до сихъ поръ стыдился дѣлать. Но уже было поздно. Воспользовавшись невѣрнымъ ударомъ воина, одинъ изъ волковъ вцѣпился ему въ грудь, а другіе напали на него сзади какъ разъ въ то время, когда онъ бросилъ головню, чтобы сорвать съ себя хищника. Въ одно мгновеніе образовался какой-то клубокъ извивающихся тѣлъ, и, не подоспѣй въ это время другіе воины, не жить-бы несчастному на свѣтѣ. Разогнавъ свирѣпыхъ животныхъ, изъ которыхъ многія были при этомъ убиты, воины внесли пострадавшаго подъ навѣсъ, гдѣ женщины, по мѣрѣ умѣнія, старались перевязать ему раны и облегчить страданія. Стоны раненаго, соединяясь съ плачемъ дѣтей и его жены, которымъ отвѣчали завыванія хищниковъ, не позволяли за-

снуть даже самымъ усталымъ и привычнымъ къ подобнымъ сценамъ воинамъ.

Въ такихъ волненіяхъ протекла ночь. Подъ утро выпалъ первый снѣгъ. При первыхъ лучахъ солнца старикъ поднялся съ медвѣжьей шкуры, служившей ему ложемъ, и приказалъ всѣмъ вставать. Дрожа отъ холода и стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ, начали люди подыматься съ нагрѣтыхъ собственными тѣлами постелей. Обернувшись къ восходящему свѣтилу, предводитель протянулъ къ нему руки, привѣтствуя въ немъ божество, и затѣмъ палъ ницъ. Его примѣру послѣдовали остальные члены племени. Пролежавъ въ такомъ положеніи, при полнѣйшемъ безмолвіи, нѣсколько мгновеній, они поднялись вслѣдъ за вождемъ и принялись за разведеніе костровъ. Немного согрѣвшись и закусивъ поджареннымъ на огнѣ мясомъ, племя тронулось въ путь, соблюдая обыкновенный свой походный порядокъ. По дорогѣ нѣкоторые изъ воиновъ отдалялись въ стороны для охоты и въ большинствѣ случаевъ возвращались съ большимъ количествомъ убитой дичи.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Племя безпрерывно двигалось впередъ, останавливаясь лишь въ полдень для обѣда и вечеромъ на ночлегъ.

III.

Похищеніе женщинъ.—Похороны.

Былъ довольно теплый день. Солнце играло на покрытыхъ изморозью, словно серебромъ, деревьяхъ. Рѣка еще не замерзла. По временамъ перепадалъ маленькій

снѣжокъ. Въ воздухѣ было совершенно тихо. Около полудня старый вождь приказалъ остановиться. Это было какъ разъ напротивъ небольшаго островка.

Старикъ-втеченіи послѣднихъ дней нѣсколько разъ высказывалъ тремъ молодымъ вождямъ свое опасеніе, что врядъ-ли до наступленія морозовъ удастся найти подходящее зимовье для племени. По дорогѣ не попадалось ни пещеръ, ни какихъ-либо нависшихъ утесовъ, подъ которыми пополамъ съ бѣдою еще можно было-бы устроить жилище, ни наконецъ удобнаго грунта для временной землянки. Это сильно безпокоило его, потому что, если-бы морозы и глубокіе снѣга застигли племя на болотистой почвѣ, то поневолѣ пришлось-бы тамъ и зимовать, что при подобныхъ условіяхъ было далеко непривлекательно.

Замѣтивъ на рѣкѣ довольно возвышенный островъ, вождь рѣшилъ осмотрѣть его и прилежащія окрестности, въ надеждѣ найти здѣсь благопріятныя условія для зимовки. Объяснивъ свои предположенія тремъ своимъ помощникамъ, которые участвовали обыкновенно въ общемъ совѣтѣ, старикъ приказалъ одному изъ нихъ остаться въ лагерѣ, а самъ съ двумя другими сѣлъ въ пирогу и направился къ островку. Объѣхавъ кругомъ довольно высокихъ береговъ, мѣстами поросшихъ крупными ольхами и ивнякомъ, старикъ указалъ на небольшой заливчикъ, какъ на самое удобное мѣсто для высадки. Выйдя на берегъ, трое развѣдчиковъ пошли внутрь острова. При этомъ одинъ изъ молодыхъ людей взялъ лодку себѣ на плечи, а другой несъ длинные шес[illegible]ие вмѣсто веселъ. По дорогѣ старый осматривалъ почву острова, все бопослѣдній даже въ половодье только

наполовину заливается водою. Это обстоятельство имѣло довольно важное значеніе при выборѣ мѣста для поселенія. Обойдя высокую часть острова, вожди опять сѣли въ лодку и поплыли по находившемуся внутри его болотистому озеру. Весною, при разливѣ, послѣднее соединялось съ рѣкою, но въ остальное время года было от-

«Пирога направилась къ острову»...

дѣлено отъ нея. Плывя среди камышей, которыми поросла болѣе мелкая часть озерца, пирога спугивала стаи всевозможныхъ породъ утокъ, гусей, нырцовъ и т. п. болотныхъ птицъ, которыя, видимо, еще не были знакомы съ человѣкомъ, потому что взлетали только тогда, когда пирога почти совсѣмъ наѣзжала на нихъ. Всѣ эти птицы, должно быть, здѣсь и зимовали, на не замерзавшихъ частяхъ болота.

Осмотрѣвъ островъ во всѣхъ подробностяхъ и убѣдившись, что онъ представлялъ, повидимому, очень много благопріятныхъ условій для поселенія, старый вождь, не рѣшился, однако, придти къ окончательному заключенію прежде, чѣмъ не будетъ столь же тщательно изслѣдованъ и противоположный берегъ рѣки. Объявивъ о своемъ намѣреніи сопровождавшимъ его молодымъ воинамъ, старикъ приказалъ спустить лодку на рѣку, и они стали огибать островъ, направляясь къ лѣвому берегу. Вдругъ сзади ихъ, со стороны лагеря, раздался пронзительный свистъ, извѣщавшій о какой-то опасности, а черезъ нѣкоторое время послышался крикъ тревоги. Поспѣшно повернувъ пирогу назадъ, они стали огибать островъ. Старый вождь стоялъ на носу, устремивъ свой орлиный взглядъ впередъ. На его лицѣ выражались одновременно нетерпѣніе и безпокойство за участь оставленныхъ въ лагерѣ. Но, несмотря на это, вся фигура его дышала энергіей и непоколебимымъ мужествомъ. Едва только пирога выплыла за поросшій олешникомъ мысокъ островка, который скрывалъ отъ нихъ лагерь, какъ вожди увидѣли быстро мчавшагося къ нимъ на челнокѣ воина, по временамъ что-то кричавшаго. Въ лагерѣ между тѣмъ видно было сильное оживленіе. Многіе изъ воиновъ, сильно вооруженные, стаскивали, при помощи женщинъ, лодки на воду, а нѣкоторые даже сидѣли въ нихъ.

Оказалось, что произошелъ одинъ изъ тѣхъ весьма обыкновенныхъ въ тѣ времена случаевъ, которые теперь, — къ сожалѣнію со стороны не одной, можетъ быть, изъ представительницъ прекраснаго пола,—являются уже анахронизмомъ и сохраняются въ однихъ развѣ только народныхъ чисто-символическихъ обря-

признакамъ, это были уже болѣе культурные люди. Все въ нихъ, начиная съ оружія, сдѣланнаго болѣе тщательно и изъ матеріала, въ Европѣ не встрѣчаемаго, напримѣръ, нефрита, и кончая вполнѣ прирученною и дрессированною собакою, указывало, помимо значительнаго культурнаго развитія, еще и на отдаленное, не европейское происхожденіе. Всѣхъ воиновъ было семеро. Впереди ихъ шелъ молодой человѣкъ, ростомъ нѣсколько ниже остальныхъ, но, очевидно, атлетическаго сложенія. Видно было, что этотъ человѣкъ обладалъ необыкновенною силою. Онъ былъ вооруженъ лукомъ и громаднымъ, хорошо отполированнымъ, съ роговою рукояткою, нефритовымъ молотомъ, который висѣлъ у него на рукѣ, на ременной петлѣ.

Приблизившись къ женщинамъ на разстояніе шаговъ сорока, молодой человѣкъ остановился и сталъ высматривать, которая изъ нихъ болѣе понравится ему. Выборъ его остановился на передней, именно, на дочери стараго предводителя, которая безпечно болтала съ подругами, вовсе не подозрѣвавшими опасности. Сдѣлавъ своимъ товарищамъ знакъ обойти женщинъ со всѣхъ сторонъ, молодой вождь согнулся и сталъ подкрадываться. Его примѣру послѣдовали остальные. Собаки тоже крались за своими хозяевами почти ползкомъ. Когда воины подползли шаговъ на двадцать, и одному изъ нихъ оставалось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ, чтобы загородить женщинамъ путь отступленія, — вдругъ подъ чьею-то ногою хрустнула вѣточка. Молодой вождь бросилъ на виновнаго свирѣпый взглядъ и выпрямился, потому что, какъ ни незначителенъ былъ звукъ, но его было достаточно, чтобы женщины подняли головы. Быстрѣе молніи бросилась дочь старика

вдоль берега, но въ тоже мгновеніе ей загородили дорогу двое воиновъ, изъ которыхъ одинъ былъ молодой вождь. Тогда, моментально сообразивъ, что нѣтъ другаго исхода, какъ только броситься въ воду и постараться уплыть, дѣвушка, не задумываясь, ринулась въ рѣку. Оттолкнувъ вторую воина, тоже хотѣвшаго устремиться за дѣвушкою, вождь кинулся въ воду и сталъ быстро нагонять плывшую. Видя, что ей не убѣжать отъ своего преслѣдователя, дѣвушка нырнула, питая слабую надежду сбить его съ толку. Но воинъ, вполнѣ вѣрно разсчитавъ, что подъ водою ей не уплыть далеко, взялъ нѣсколько ниже по теченію, куда вода должна снести дѣвушку. Дѣйствительно, скоро она выплыла шагахъ въ десяти отъ него. Увидѣвъ своего преслѣдователя такъ близко, совершенно окоченѣлая отъ ледяной воды, она пришла въ отчаяніе и издала крикъ ужаса. Въ два—три взмаха молодой человѣкъ былъ уже около нея, но она еще разъ нырнула. Тогда и онъ послѣдовалъ за нею и скоро уже держалъ ее своею сильною рукою, дѣлая невозможнымъ всякое сопротивленіе.

Между тѣмъ остальныя пять женщинъ, не имѣя рѣшимости броситься въ ледяную воду, защищались, тѣмъ не менѣе, съ энергіею отчаянія, которое въ наше время какой-нибудь скептикъ счелъ-бы, пожалуй, притворнымъ. Вотъ ужъ, по истинѣ, можно сказать—tempora mutantur et nos mutamur in illis. Но что могли подѣлать самыя отчаянныя усилія пяти женщинъ, хотя-бы даже прибѣгавшихъ къ помощи... зубовъ,—противъ шести здоровеннѣйшихъ мужчинъ? Вскорѣ онѣ были связаны ремнями и поспѣшно унесены въ лѣсъ по направленію къ оставленнымъ лодкамъ. Тѣмъ не

менѣе громкіе крики женщинъ успѣли все-таки дойти до слуха ближайшихъ воиновъ, которые побѣжали имъ на помощь, воображая, что одна изъ нихъ попала въ лапы какого-нибудь хищнаго животнаго.

Молодой вождь, который успѣлъ уже выйти изъ воды, держа на рукахъ свою добычу, стучавшую зубами отъ холода, побѣжалъ вдоль берега, разсчитывая, что крики остальныхъ женщинъ въ лѣсу отвлекутъ отъ него вниманіе погони. Но случай рѣшилъ дѣло иначе. Какъ разъ въ это время оставшійся въ лагерѣ молодой предводитель, который имѣлъ виды на прекрасную дочь стараго вождя, вздумалъ пойти вслѣдъ за молодыми женщинами, чтобы приказать имъ не удаляться далеко отъ лагеря. Онъ-то первый и услышалъ крики. Уви-дѣвъ воина, убѣгающаго и держащаго на рукахъ дѣвушку, молодой человѣкъ издалъ дикій крикъ ярости и натянулъ лукъ. Услышавъ за собою этотъ яростный возгласъ, убѣгающій обернулся. Онъ понялъ, что бѣгство, при условіи возможности ежеминутно получить стрѣлу въ спину, было-бы безуміемъ. Съ другой стороны, всякая потеря времени могла оказаться гибельною, потому что тревога уже распространилась въ станѣ враговъ. Быстро сообразивъ все это, онъ повернулся лицомъ къ противнику, обхвативъ лѣвою рукою дѣвушку и держа ее передъ собою въ видѣ щита, а въ правой—сжимая рукоятку громаднаго молота. Еще мгновеніе,—и оба вождя-соперники стояли другъ передъ другомъ. Бросивъ лукъ, преслѣдователь поднялъ свою тяжелую палицу и съ силою опустилъ ее на голову врага.... Но, не коснувшись черепа, она отлетѣла всторону, выбитая изъ рукъ ловкимъ ударомъ молота. Ужасный крикъ ярости съ одной стороны и чудовищный хохотъ торжества съ

что тѣ принуждены были оставить всякую мысль о преслѣдованіи, думая лишь о собственной защитѣ....

Но вотъ и лодки. Въ одинъ скачекъ очутился вождь на носу одной изъ нихъ, положилъ на дно дѣвушку и далъ знакъ отчаливать. Какъ только собаки, изъ которыхъ одна была уже ранена, увидѣли своего хозяина внѣ опасности, обѣ онѣ тотчасъ же бросились въ воду и поплыли за пирогами. Преслѣдователи, которыхъ собралось уже человѣкъ пять, стали метать въ убѣгающихъ дротиками, но безуспѣшно. Тогда молодой вождь натянулъ свой тугой лукъ и спустилъ стрѣлу, которая насквозь пронзила шею одного изъ стоявшихъ на берегу. Крикъ торжества вырвался у похитителей, когда врагъ упалъ на землю, обливаясь кровью. Еще одна стрѣла прожужжала въ воздухѣ,—и другой воинъ упалъ на колѣни, пораженный въ грудь..... Тогда только преслѣдователи рѣшились скрыться за деревьями, между тѣмъ какъ похитители, переправившись на другой берегъ, тотчасъ же скрылись въ лѣсу, оглашая воздухъ побѣдными кликами.

Слушая разсказъ о происшедшемъ, старый вождь испытывалъ разнородныя чувства. Съ одной стороны, онъ былъ сильно опечаленъ похищеніемъ своей дочери и гибелью лучшаго воина, требовавшими мщенія, съ другой—неизвѣстность силъ противника, быть можетъ, гораздо сильнѣйшаго, вызывала опасенія за исходъ боя.

Тѣмъ временемъ принесли всѣхъ трехъ воиновъ, изъ которыхъ одинъ, раненый въ грудь, еще дышалъ.

— Месть! Месть врагамъ!—раздались со всѣхъ сторонъ громкіе крики.

Но старый предводитель, не говоря ни слова, подошелъ къ тому изъ воиновъ, у котораго стрѣла про-

войну, самый благопріятный исходъ которой поведетъ къ полному ослабленію племени.

Всѣ эти невеселыя мысли толпились въ головѣ стараго вождя, приводя его въ нерѣшительность. Наконецъ онъ поднялъ голову и отдалъ нѣсколько короткихъ приказаній. Все сразу зашевелилось. Начались приготовленія къ выступленію. Нѣсколько воиновъ отправилось въ разныя стороны лѣса, для своевременнаго извѣщенія на случай внезапнаго появленія врага. Двое другихъ были посланы изслѣдовать противоположный берегъ. Остальные, раздѣлившись на двѣ половины, изъ которыхъ одна должна была стоять на-готовѣ къ бою, а другая занялась сооруженіемъ большаго плота, на который предполагалось посадить женщинъ и дѣтей, потому что лодокъ не хватало на все племя. Закипѣла работа. Выбирая небольшія деревья изъ числа сваленныхъ бурею, воины старались вездѣ, гдѣ только можно было, прибѣгать къ помощи огня, для ускоренія разрубанія стволовъ. Когда поломанныхъ бурею деревьевъ оказалось недостаточно, пришлось срубить нѣсколько новыхъ. Разложивъ на землѣ кругомъ дерева огонь, воины давали ему порядочно подгорѣть, послѣ чего разбрасывали костеръ и подрубали обугленное дерево. Между тѣмъ другіе, привязавъ ремянный арканъ къ одной изъ вѣтвей, тянули дерево изо всѣхъ силъ книзу до тѣхъ поръ, пока оно не начинало само наклоняться. Очистивъ всѣ стволы отъ сучьевъ и разрубивъ на части, ихъ перенесли къ рѣкѣ. Нѣкоторыя же деревья не разрубали, а перетащили по землѣ, подложивъ подъ нихъ катки. Затѣмъ, связавъ при помощи вицъ *) небольшіе плоты

*) Скрученыя вѣтви.

и спустивъ ихъ на тѣхъ же каткахъ на воду, всѣ плоты соединили въ одинъ, при помощи длинныхъ бревенъ, и покрыли сверху вѣтвями.

Тѣмъ временемъ вернулись двое воиновъ, посланныхъ на другой берегъ на развѣдки. Они сообщили, что ими найдена на снѣгу масса свѣжихъ слѣдовъ большаго племени, которое прошло не далѣе, какъ вчера, въ противоположномъ направленіи. Судя по всему, оно было раза въ два многочисленнѣе племени, подчиненнаго старому вождю. Тогда, не ожидая дальнѣйшихъ извѣстій, старикъ приказалъ тѣмъ же воинамъ отправиться опять на противоположный берегъ и идти вдоль рѣки къ тому мѣсту, гдѣ въ послѣдній разъ наканунѣ враждебное племя дѣлало привалъ. Тамъ они должны ожидать прибытія своихъ, подавъ имъ условный сигналъ о своемъ присутствіи. Остальные воины, которые до сихъ поръ еще ничѣмъ не были заняты, служа лишь охраною противъ нападенія врага а также и женщины, занялись приготовленіями къ похоронамъ павшихъ въ бою воиновъ. Выкопавъ три большихъ ямы, ихъ до верху наполнили сухими и смолистыми вѣтвями. На эти костры были положены тѣла убитыхъ воиновъ такимъ образомъ, что головы лежали на землѣ.

Уже солнце готово было садиться, когда эта лихорадочная работа окончилась. Къ этому времени былъ связанъ и плотъ. Тогда старый вождь подошелъ къ покойникамъ и сказалъ:

— Храбрые воины, вы пали въ бою съ врагомъ, который сильнѣе насъ! Отомстить ему за вашу смерть и похищеніе дочерей нашего племени мы не имѣемъ силъ. Но, перейдя въ міръ тѣней, вы будете мстить врагу оттуда. Идите же съ миромъ!

Съ этими словами старикъ молча протянулъ руки къ заходящему свѣтилу, словно призывая его въ свидѣтели и прося о помощи. Затѣмъ на покойниковъ набросали хворосту и зажгли. Пламя быстро охватило сухое дерево, костеръ все болѣе разгорался, и вскорѣ тѣла были совершенно поглощены огнемъ. Торчали только однѣ головы, которымъ не давали горѣть. Вотъ солнце уже спряталось за лѣсомъ, и лиловый сумракъ сталъ постепенно сгущаться. Красное пламя отъ костровъ, по временамъ то ослабѣвая, то снова вспыхивая, озаряло угрюмыя лица дикарей, придавая всей сценѣ какой-то зловѣщій, фантастическій оттѣнокъ. Вдругъ подъ тяжестью одного изъ сожигаемыхъ труповъ костеръ внезапно осѣлъ. Взлетѣлъ столбъ красныхъ искръ, и тѣло погрузилось въ яму. Одинъ изъ воиновъ поспѣшно накинулъ на голову арканъ и не далъ ей послѣдовать за тѣломъ. Тоже было сдѣлано и съ остальными покойниками, у которыхъ вскорѣ одна за другой отдѣлились головы отъ тѣлъ. Тогда трое воиновъ взявъ въ руки по головѣ, стали съ ними на разстояніи одного шага отъ ямъ, въ которыя было еще немного подброшено дровъ. Наконецъ костры начали гаснуть. Набросавъ въ каждую изъ ямъ по тонкому слою мокрой земли, чтобы потушить огонь, воины положили на прахъ покойниковъ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, ихъ головы вмѣстѣ съ глиняными сосудами, наполненными мясомъ, кореньями, желудями и т. п. яствами. Туда же было брошено по лучшей изъ стрѣлъ или хорошему наконечнику отъ копья. Въ заключеніе ямы засыпали пескомъ вровень съ землею.

IV.

Бѣгство.—Пещера.

Уже почти совсѣмъ стемнѣло, когда были окончены похороны. Въ ожиданіи, пока взойдетъ луна, спустили на воду лодки, въ которыхъ было уложено все необходимое для путешествія. На плоту помѣстили громоздкіе предметы: корзины съ разными мелкими хозяйственными принадлежностями и провизіею, глиняные сосуды, деревянную посуду, мѣха, кожи и т. п. Тѣмъ временемъ вождь давалъ инструкцію тремъ оставляемымъ на мѣстѣ воинамъ, которые должны были указать возвратившимся съ погони людямъ путь, по которому отправилось племя, а также, въ случаѣ движенія за нимъ враговъ,—во время предупредить объ этомъ.

Наконецъ, всѣ приготовленія были окончены. Громадный красный шаръ луны выплывалъ изъ-за лѣса, бросая слабый багровый свѣтъ на воду и вѣтви деревьевъ. Увидѣвъ ночное свѣтило, все племя пало ницъ. Потомъ, по знаку вождя, среди полнѣйшей тишины, дѣти и женщины взошли на плотъ, для управленія которымъ было отряжено пять воиновъ. Остальные мужчины размѣстились въ лодкахъ. Вдругъ, съ противоположнаго берега раздался свистъ, и вскорѣ послѣ того на освѣщенную восходящею луною поверхность рѣки выплыли лодки. Взгляды всего племени такъ и впились въ нихъ,—женщины съ замираніемъ сердца считали воиновъ, боясь не найти среди нихъ мужей и братьевъ, дѣти—отцовъ, а остальные — товарищей. Но старый вождь, волнуемый

опасеніями за судьбу всего племени, всецѣло зависѣвшей отъ ожидаемыхъ извѣстій, смотрѣлъ на приближающихся съ еще большею тревогою, видя въ нихъ вѣстниковъ жизни или смерти.

И дѣйствительно, уже судя по чрезвычайной быстротѣ, съ какою мчались лодки, легко было угадать, что извѣстія должны быть очень важны. Наконецъ, передняя пирога стукнулась о берегъ, и оттуда выскочилъ молодой вождь. Быстро подойдя къ старому предводителю, еще не садившемуся въ лодку, онъ торопливо сообщилъ, что нагнать похитителей не удалось, потому что едва только воины вошли въ лѣсъ, какъ тотчасъ же потеряли слѣды похитителей, которые смѣшались со слѣдами громаднаго племени. Оно шло вверхъ по рѣкѣ вдоль лѣваго ея берега и находилось теперь въ разстояніи полу-дня пути. Воинамъ удалось незамѣтно подойти къ опушкѣ поляны, среди которой расположились враги. Судя по множеству костровъ, это было очень большое племя. Такъ какъ дальше четырехъ—пяти молодой вождь считать не умѣлъ, то онъ отмѣчалъ каждый костеръ зарубкою на выструганной изъ дерева палочкѣ, болѣе же точныхъ свѣдѣній о численности племени онъ не могъ дать. Къ тому же множество чуткихъ собакъ, принадлежавшихъ къ двумъ породамъ, большой и малой, дѣлали рекогносцировку крайне опасной. Но самое тревожное извѣстіе было еще впереди. Заключалось оно въ томъ, что, по наблюденію молодаго вождя, враги, повидимому, готовились въ походъ. Среди нихъ замѣчалось сильное волненіе, и многіе даже указывали рукой по направленію мѣстопребыванія племени, представительницами котораго являлись похищенныя женщины.

— Я такъ и думалъ, — произнесъ старикъ, внимательно выслушавъ докладъ. — Но мы попытаемся уйти отъ нихъ, не вступая въ бой. Нужно скрыть наши слѣды...

— Ну, садись! — громко скомандовалъ онъ, оборвавъ свою рѣчь.

Безшумно двигались лодки внизъ по теченію Москвы. Только ревъ хищныхъ звѣрей, чуявшихъ близость людей, по временамъ нарушалъ безмолвіе ночи. Луна освѣщала первобытную флотилію, придавая ей, благодаря своему синеватому свѣту, нѣсколько фантастическій оттѣнокъ. Впереди всѣхъ плыла пирога стараго вождя, который, стоя на носу, бросалъ пытливый взоръ по сторонамъ, словно желая проникнуть сквозь густой мракъ лѣса, окаймлявшаго берега рѣки. За предводителемъ двигалась большая часть лодокъ, потомъ медленно плылъ плотъ и, наконецъ, слѣдовало нѣсколько лодокъ съ воинами. Проплывъ такимъ образомъ версты три—четыре, на что понадобилось довольно много времени, потому что приходилось согласоваться со скоростью плота, старый вождь вдругъ обернулся къ слѣдовавшимъ за нимъ воинамъ и тихо отдалъ какое-то приказаніе. Тогда люди, сидѣвшіе въ наиболѣе крупныхъ лодкахъ, обождали, пока приблизится плотъ, привязали къ нему арканы и, выстроившись въ рядъ, начали, соблюдая возможную тишину, усиленно грести, таща его за собою на буксирѣ. Благодаря такому способу, движеніе сдѣлалось быстрѣе.

Такъ продолжалось всю ночь. Стала заниматься заря. Небо все болѣе и болѣе блѣднѣло. Звѣзды одна за другою гасли. Мелкія облака слегка заалѣли. Востокъ запылалъ, и огненный шаръ дневнаго свѣтила, золотя

верхушки деревьевъ, сталъ медленно подыматься. Густой туманъ, стоявшій надъ рѣкою, заволновался, принимая причудливыя формы, сверху окрашенныя розоватымъ оттѣнкомъ. Подулъ холодный, пронизывающій до костей вѣтерокъ, и розовато-бѣлая мгла начала быстро таять.

Едва только первые золотые лучи солнца брызнули изъ-за тучи, какъ старый вождь простеръ къ нему руки и воскликнулъ:

— О, свѣтлое божество дня! Мы всѣ привѣтствуемъ въ тебѣ свое спасенье. Дай намъ уйти отъ враговъ, и ты не раскаешься,—мы отблагодаримъ тебя достойною тебя жертвою!

Эта краткая молитва дикаря, который въ своей наивности думалъ прельстить божество жертвою, казалась въ тѣ времена едва-ли не верхомъ духовнаго краснорѣчія, вылившагося, впрочемъ, отъ полноты души.

Насталъ день. Несмотря на усталость, воины продолжали грести, не переставая. Уже далеко, далеко отплыло племя отъ первоначальной своей стоянки. Вдругъ на лѣвомъ берегу раздался троекратный крикъ дикаго гуся,—условленный сигналъ, извѣщавшій о присутствіи здѣсь посланныхъ впередъ воиновъ. Сразу всѣ перестали грестъ. Вождь издалъ отвѣтный свистъ. На берегу показались воины, и все племя двинулось къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлись еще остатки костровъ и другіе многочисленные слѣды ночевавшихъ здѣсь враговъ. Избравъ это мѣсто для высадки, вождь имѣлъ въ виду трудность напасть на слѣды его племени.

Снявши съ плота всѣ предметы, перерубили главнѣйшія связки, послѣ чего совершенно разрушенный плотъ оттолкнули на средину рѣки, чтобы отдѣльныя

бревна со слѣдами рукъ человѣка не прибило къ берегу, и, такимъ образомъ, не былъ-бы данъ ключъ къ открытію слѣдовъ спасавшихся бѣгствомъ. Потомъ, наскоро закусивъ сырымъ мерзлымъ мясомъ, племя опять двинулось въ путь, идя по слѣдамъ своихъ враговъ, но въ противоположномъ направленіи. Всѣ шли очень быстро, сознавая, что отъ этого зависѣла ихъ жизнь и свобода.

Прошло двое сутокъ такого напряженнаго движенія, почти безъ сна и отдыха. Выпалъ снѣгъ, совершенно скрывшій оставленные назади слѣды. Все, стало быть, складывалось вполнѣ благопріятно для племени. Но вождь его еще не рѣшался сдѣлать болѣе продолжительной остановки для отдыха. Наконецъ, видя, что женщины и дѣти уже едва двигаются отъ усталости, онъ принужденъ былъ разрѣшить шестичасовой привалъ, впрочемъ, безъ разведенія костровъ. Послѣ отдыха движеніе опять продолжалось въ томъ же направленіи. Однако, замѣтивъ на небѣ большія снѣговыя тучи, старикъ далъ черезъ нѣкоторое время сигналъ къ остановкѣ. Двое воиновъ сѣли по его приказанію въ лодку и переправились на другой берегъ рѣки, съ цѣлью убѣдиться въ безопасности предполагаемой переправы всего племени. Полчаса спустя они извѣстили, что и на правомъ берегу не оказалось никакихъ признаковъ погони. Тогда, посадивъ съ собою въ лодки часть дѣтей и женщинъ, человѣкъ тридцать воиновъ переправились на ту сторону. Потомъ лодки вернулись за оставшимися женщинами, и только послѣ ихъ перевозки переѣхалъ уже и самъ вождь со всѣми остальными воинами. Выпавшій на другой день снѣгъ совершенно скрылъ всякіе слѣды этой переправы. Племя ушло, такимъ образомъ, отъ преслѣдованія враговъ.

*

Прошло еще дней пять. Рѣка уже замерзла. Былъ сильный холодъ, но, къ счастью нашихъ путниковъ, большихъ снѣговъ еще не выпадало. Племя двигалось по горамъ, носящимъ теперь названіе Воробьевыхъ. Однажды шедшіе впереди воины въ большомъ возбужденіи вернулись назадъ къ предводителю съ извѣстіемъ, что ими найдена пещера, — но, судя по валяющимся кругомъ ея костямъ, она должна быть занята какими-нибудь хищниками. Тотчасъ же было отдано приказаніе остановиться. Женщины и часть воиновъ занялись устройствомъ лагеря, разведеніемъ костровъ и приготовленіемъ пищи, а остальные, со старымъ вождемъ во главѣ, двинулись къ пещерѣ. Кромѣ оружія они захватили съ собою смоляные факелы и большое количество мелкаго хвороста. Обойдя пещеру со всѣхъ сторонъ, открыли два входа въ нее. Воины раздѣлились тогда на двѣ части, изъ которыхъ одна стала бросать зажженные пуки хвороста въ трещину, находившуюся въ верхней части пещеры, между тѣмъ какъ другая помѣстилась передъ узкимъ отверстіемъ, служившимъ входомъ въ послѣднюю.

Едва только огонь проникъ внутрь пещеры, какъ изъ нея стало раздаваться глухое рычаніе, и черезъ мгновеніе показалась голова большаго бураго медвѣдя. Ее встрѣтилъ десятокъ стрѣлъ и копій. Заревѣвъ отъ боли, животное сначала подалось назадъ, но потомъ сразу бросилось на своихъ враговъ. Это движеніе было настолько стремительно, что одинъ изъ воиновъ, стоявшій какъ-разъ противъ входа, едва успѣлъ отскочить въ сторону. Къ счастью, медвѣдица,—это была самка,—находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, а

потому, не обладала большою поворотливостью. Черезъ мгновеніе, не успѣвъ никого ранить, она уже лежала на облитомъ собственною кровью снѣгу и издавала жа-

«Чрезъ мгновеніе изъ пещеры показалась голова большаго бураго медвѣдя»...

лобные предсмертные стоны. Тогда одинъ изъ воиновъ подбѣжалъ къ животному и сильнымъ ударомъ топора по головѣ покончилъ его страданія. Вдругъ сзади всѣхъ раздался сильный трескъ сухаго валежника, со-

провождаемый какимъ-то учащеннымъ сопѣніемъ, и въ одно мгновеніе на оторопѣлыхъ и изумленныхъ неожиданностью воиновъ набросился громадный старый медвѣдь. Его страшный ревъ и свирѣпость, съ какою онъ бросилъ на землю и рвалъ своими ужасными когтями трепещущее тѣло одного изъ воиновъ, въ первое время заставили всѣхъ разбѣжаться. Но грозный крикъ стараго вождя привелъ трусовъ въ себя. Въ животное полетѣлъ цѣлый дождь стрѣлъ и копій, превративъ его въ какого-то громаднаго дикобраза, однако не положивъ на мѣстѣ. Бросивъ свою жертву, медвѣдь кинулся въ сторону, подмялъ подъ себя одного изъ подвернувшихся ему воиновъ, которому ударомъ лапы сорвалъ кожу съ затылка, и потомъ, оставивъ несчастнаго, устремился на вождя. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ старика. Нисколько не мѣняя позы, поднялъ онъ свою палицу, и—въ мгновеніе ока медвѣдь лежалъ у его ногъ, сраженный сильнымъ ударомъ по переносью.

Крикъ торжества, вырвавшійся у всѣхъ одновременно, былъ наградою побѣдителю. Не успѣли еще смолкнуть въ воздухѣ эти побѣдные возгласы, повторенные многоголосымъ эхомъ, какъ на мѣсто охоты явились ожидавшія этого момента женщины. Съ рыданіями бросились жены къ своимъ раненымъ мужьямъ, но, убѣдившись, что тѣ еще живы, онѣ стали прикладывать снѣгъ къ ранамъ, чтобы остановить кровотеченіе. Имъ помогало еще нѣсколько другихъ женщинъ, болѣе искусныхъ въ такого рода операціяхъ. Остальныя же, привыкнувъ къ подобнымъ кровавымъ сценамъ, занялись, между тѣмъ, сниманіемъ шкуръ съ медвѣдей и разрѣзаніемъ тушъ на части, для болѣе удобной переноски.

Въ это время воины попытались было проникнуть

«Охотники стали поражать рыбу острогами»...

въ пещеру, но, потерпѣвъ неудачу изъ-за густаго облака наполнявшаго ее дыма, рѣшили отложить свое изслѣ-

дованіе на нѣсколько часовъ, пока пещера не провѣтрится. Въ ожиданіи обѣда нѣсколько человѣкъ, вооружившись гарпунами, пошли на рѣку. Наконечники этого рыболовнаго снаряда состояли изъ зазубреннаго оленьяго рога, кости или кремня, а древко имѣло на другомъ концѣ привязанный къ нему длинный ремень, за который острога вытаскивалась назадъ. Пробивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ледъ и набросавъ въ проруби разныхъ обрѣзковъ мяса, наши рыболовы стали ожидать появленія рыбы, которая, дѣйствительно, не замедлила вскорѣ показаться на поверхности, привлекаемая приманкою и желаніемъ подышать воздухомъ. Выждавъ, когда ея соберется больше, рыболовы начали поражать ее мѣткими ударами гарпуновъ. Вскорѣ вода замѣтно окрасилась кровью, а на льду затрепетала масса крупной рыбы, которую женщины собирали въ корзины и уносили въ лагерь. Подростки, не имѣвшіе еще достаточно искусства въ метаніи гарпуна, тоже занимались ловлею рыбы, но по способу, преимущественно примѣняемому лѣтомъ. Для этой цѣли имъ служилъ костяной крючекъ, или, вѣрнѣе, заостренная съ обѣихъ концовъ и наживленная кускомъ мяса косточка, къ которой привязывался короткій шнурокъ изъ волоконъ растеній, сухожилій и т. п. Эти примитивныя удочки были самой разнообразной формы, но настолько несовершенны, что только при тогдашнемъ изобиліи и «простотѣ» рыбы можно было надѣяться что-либо поймать на нихъ. Наловивъ рыбы, воины вернулись въ лагерь, куда къ этому времени стали сходиться со всѣхъ концовъ охотники.

Послѣ обѣда, взявъ съ собою нѣсколько воиновъ, вождь отправился съ ними къ пещерѣ. Прежде чѣмъ

войти туда, онъ послалъ впередъ одного изъ сопровождавшихъ его людей, который не замедлилъ объявить, что войти уже можно, хотя дымъ еще невполнѣ разсѣялся. Тогда кое-какъ, почти ползкомъ, стали они

«Старый вождь внимательно осмотрѣлъ пещеру»...

пробираться черезъ узкій ходъ въ пещеру, держа передъ собою зажженые смоляные факелы. Къ счастью, это далеко неудобное и утомительное путешествіе продолжалось очень недолго, такъ какъ узкій ходъ, имѣя

въ длину всего только саженъ пять, сразу расширялся въ обширную пещеру. Это была одна изъ тѣхъ подземныхъ полостей, какія очень часто вырываетъ себѣ вода, потомъ куда-нибудь стекающая или иногда остающаяся въ видѣ пещерныхъ озеръ, подземныхъ рѣкъ и т. п. Стѣны пещеры, слегка закопченныя дымомъ, были совершенно сухи, что, впрочемъ, объяснялось самымъ составомъ породъ, образующихъ Воробьевы горы. Онѣ, какъ извѣстно, состоятъ изъ свѣтлосѣраго желѣзистаго песчаника и бѣловатаго песку, съ довольно значительнымъ количествомъ валуновъ и эрратическихъ камней. Внимательно осмотрѣвъ пещеру, вождь призналъ ее вполнѣ годною для зимовки, такъ какъ по своимъ размѣрамъ она была болѣе чѣмъ достаточна для помѣщенія всего племени, а большое количество находившихся въ ней каменныхъ глыбъ давало возможность приспособить ее къ защитѣ отъ вторженія враговъ.

Ночь уже наступила, когда всѣ необходимыя для этого работы были окончены. Прежде всего пришлось позаботиться о приспособленіи къ закрыванію на ночь входа въ пещеру. Этого достигли, наваливъ съ обѣихъ сторонъ и безъ того узкаго входа груды камней, къ которымъ, благодаря съуженію отверстія, легко уже было приваливать большой камень вмѣсто двери. Другіе воины трудились, между тѣмъ, надъ устройствомъ приспособленія для защиты верхняго отверстія отъ прямого дѣйствія снѣга, вѣтра и т. п. Это была очень трудная работа. Нужно было прежде всего подкатить подъ отверстіе громадную каменную глыбу, что, впрочемъ, не представляло еще особыхъ трудностей для большаго количества людей, вооружившихся кольями, которыми они дѣйствовали, какъ рычагами. Но такъ какъ для того,

чтобы отверстіе было приспособлено для пропуска дыма и воздуха и защищено отъ падающаго снѣга,—нужно было снизу разсѣлины особымъ образомъ помѣстить большой камень, то наши первобытные инженеры рѣшили взвалить его на подставленную снизу глыбу. Тогда снѣгъ могъ-бы попадать въ пещеру только во время мятелей, и то въ незначительномъ лишь количествѣ.

Но легко сказать—взвалить камень вѣсомъ около сотни и болѣе пудовъ на высоту болѣе полутора саженъ! Право, глядя на подобное сооруженіе и не имѣя понятія о томъ, какъ оно сдѣлано, начинаешь вѣрить въ существованіе какихъ-то гигантовъ съ нечеловѣческими силами. Но на самомъ дѣлѣ для такого рода работы нужны были лишь трудъ и терпѣніе,—качества, которыми первобытный человѣкъ обладалъ въ избыткѣ. Въ данномъ случаѣ наши дикари-инженеры примѣнили способъ, который былъ въ ходу у ихъ западно-европейскихъ собратьевъ при сооруженіи дольменовъ и другихъ мегалитическихъ построекъ.

По приказанію вождя, руководившаго работами, дружными усиліями массы рукъ была устроена отлогая насыпь, вершина которой находилась у верхней площадки камечной глыбы. Для облегченія движенія по скату камня, назначеннаго для закрыванія отверстія въ сводѣ пещеры, на насыпь были положены два очищенныя отъ коры бревна. Тогда, подложивъ подъ камень катки, человѣкъ десять привязали къ нему арканы, а остальные, помогая кольями, начали тащить его на насыпь. Едва только камень легъ на скользкія бревна, его уже относительно нетрудно было втащить на верхъ, гдѣ, онъ благодаря своей тяжести и довольно значительной платформѣ, служившей ему основаніемъ, легъ вполнѣ

прочно. Теперь оставалось только уничтожить уже сослужившую службу насыпь, и работа была окончена.

Столь напряженный трудъ вызвалъ сильную усталость,

«Въ пещерѣ развели громадный костеръ»...

которой, однако, въ первое время, среди громкихъ криковъ восторга, раздававшихся подъ сводами пещеры, и всеобщаго возбужденія, никто не замѣтилъ. Но она тотчасъ же сказалась, лишь только люди принялись за

ужинъ, тѣмъ временемъ приготовленный женщинами уже въ новомъ помѣщеніи.

Лежа у весело горѣвшаго громаднаго костра и чувствуя себя тепло, уютно и въ безопасности, всѣ пришли въ какое-то блаженное состояніе. Наконецъ-то, послѣ долгихъ скитаній среди безчисленныхъ опасностей, можно было отдохнуть и подумать о кое-какихъ удобствахъ. Когда всѣ насытились, вождь всталъ и приказалъ готовиться ко сну. Женщины позаботились устроить постели изъ сухихъ листьевъ и мелкаго хворосту, покрытыхъ кожами, а мужчины привалили, между тѣмъ, ко входу громадную каменную глыбу, подперевъ ее мелкими камнями и кольями. Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ непрошенныхъ ночныхъ посѣтителей, все племя улеглось спать, чувствуя себя вполнѣ счастливымъ.

V.

Зимнія работы.—Поселеніе на островѣ.

На другой день всѣ принялись за работы, о которыхъ въ походѣ нечего было и думать. Нужно было починить и изготовить вновь изорвавшуюся въ дорогѣ одежду, надѣлать разной посуды изъ дерева и глины, приготовить всевозможныхъ мелкихъ предметовъ изъ рога, камня и кости для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, исправить изломанное оружіе... Наконецъ не мѣшало также позаботиться и о собственномъ украшеніи. Обреченные во время похода на продолжительное бездѣйствіе въ этомъ отношеніи, всѣ теперь съ жаромъ принялись за пополненіе накопившихся недочетовъ.

Нѣсколько женщинъ, вооружившись кирками изъ оленьяго рога, отправились съ корзинами за глиной для посуды. Другія занялись тѣмъ временемъ, кто шитьемъ, кто выдѣлкою кожъ, кто приготовленіемъ иголокъ и шилъ, кто, наконецъ, варкою пищи. Изъ мужчинъ одни занялись исправленіемъ оружія, другіе отправились на охоту, рыбную ловлю и т. п.

Принеся мерзлую глину, женщины разогрѣли ее на огнѣ, прибавили немного воды и, размѣсивъ, начали лѣпить посуду руками. Нѣкоторыя пользовались для этого формами изъ камыша или мелкихъ прутьевъ. Приготовивъ такъ или иначе сосудъ и обсыпавъ его горячею золою, онѣ обкладывали свое произведеніе горячими угольями, а сверху набрасывали мелкаго пылающаго хворосту. Это обжиганіе продолжалось почти до самаго вечера, когда наконецъ были удалены угли и зола, покрывавшіе посуду. Но, какъ и слѣдовало ожидать, полученные результаты не соотвѣтствовали затраченному времени и труду. Едва лишь десятая часть приготовленныхъ горшковъ была въ состояніи противостоять жару, остальные же или совсѣмъ развалились, или потрескались до негодности. Причиною столь печальнаго результата была главнымъ образомъ недоброкачественность глины, смѣшанной съ пескомъ, мелкими камешками и рѣчнымъ иломъ. Неудивительно, что, въ виду такихъ трудностей приготовленія глиняной посуды, для варки пищи чаще примѣнялись деревянныя корыта или обмазанныя внутри глиною и обожженныя ямы. Послѣднія являлись прототипомъ современныхъ вдѣлываемыхъ въ печи котловъ, съ тою лишь разницею, что вода въ нихъ разогрѣвалась раскаленными камнями.

при этомъ было трудовъ! Сначала приходилось долгое время осторожно перепиливать зазубреннымъ камнемъ кожаную, присохшую къ дереву привязку наконечника или отламывать отвердѣвшую смолу, которою часто прикрѣплялись острія стрѣлъ къ дереву; потомъ предстояла продолжительная работа выстругиванія древка и, наконецъ, прикрѣпленіе къ нему наконечника при помощи крестообразной перевязки ремешкомъ изъ свѣжеснятой кожи, которая, высохнувъ, крѣпко держала остріе. Еще труднѣе было перемѣнить рукоятку топора или молота, потому что тутъ требовалась большая прочность. Не умѣя еще сверлить камень, но найдя уже способъ проведенія на немъ бороздокъ, первобытный человѣкъ долженъ былъ выдалбливать въ деревѣ отверстіе или углубленіе для вставки камня, или пользоваться умѣньемъ бороздить камень для укрѣпленія кожаныхъ перевязокъ. Вмѣсто дерева для рукоятокъ часто употреблялись кости и рога зубра и оленя. Впрочемъ, изъ оленьихъ роговъ иногда приготовлялись и цѣлые топоры, кирки и т. п. орудія, но это былъ трудъ до крайности кропотливый. Что же касается самого процесса оббиванія камня, т. е. высѣканія изъ него разныхъ предметовъ, то обыкновенно зимою этого не дѣлали, потому что тогда трудно было добывать самый матеріалъ для работъ.

Такъ, среди работъ, рыбной ловли и охоты проходила день за днемъ зима.

Скитаясь вокругъ пещеры въ разныхъ направленіяхъ, охотники нашли на рѣкѣ у одного острова бобровыя постройки и сооруженную этими животными плотину. Сообщая о своемъ открытіи вождю, воины вовсе не подозрѣвали важности извѣстія и потому были очень

удивлены произведеннымъ имъ на старика впечатлѣніемъ. На другой день, взявъ съ собою обоихъ своихъ молодыхъ помощниковъ, вождь отправился къ острову, защищенному бобровою плотиною отъ размыванія рѣкою, особенно въ половодье. Осмотрѣвъ островъ, на которомъ росли группы преимущественно ольховыхъ деревьевъ, старикъ нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ удобнымъ для окончательнаго поселенія.

Собравъ всѣхъ людей племени, онъ объяснилъ имъ выгоды выбраннаго имъ мѣста и приказалъ тотчасъ же приступить къ заготовленію нужнаго для постройки лѣса. Закипѣла работа. Одинъ за другимъ стали падать лѣсные великаны подъ каменнымъ топоромъ, которому помогалъ огонь. Къ веснѣ была уже заготовлена масса бревенъ, которыхъ до наступленія теплаго времени нельзя было вытащить изъ-за глубокаго снѣга.

Настала наконецъ долго ожидаемая весна. Подъ живительными лучами солнца вся природа ожила. Всюду слышалось журчаніе ручейковъ, грозный шумъ горныхъ потоковъ, веселое щебетаніе мелкихъ пташекъ, жужжаніе насѣкомыхъ. Воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ распускающихся смолистыхъ почекъ и первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Вездѣ и во всемъ чувствовалось пробужденіе жизни, слышался громкій призывъ къ дѣятельности.

Наши поселенцы безъ устали работали съ утра до вечера. То и дѣло на рѣкѣ, разлившейся на громадное пространство, виднѣлись кое-какъ связанные плоты и челноки, направлявшіеся къ островку, гдѣ уже по всему берегу валялись все возраставшія груды бревенъ. Еще не была вполнѣ окончена доставка матеріала, какъ приступили къ постройкѣ. Обозначивъ на землѣ кругъ

ный камень. Потомъ расщепъ крѣпко обвязывали и такъ оставляли. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ камень прочно зарасталъ, и тогда, срубивъ деревцо, получали рукоятку, составлявшую почти одно цѣлое съ топоромъ. Кромѣ этого слишкомъ долгаго способа и другихъ, описанныхъ раньше, употреблялся и еще одинъ, требовавшій уже довольно большаго искусства и осторожности. Онъ состоялъ въ продалбливаніи въ породахъ болѣе мягкихъ, чѣмъ кремень, отверстія для рукоятки. Это было сопряжено съ большими трудностями, потому что искусство сверленія тогда еще не было извѣстно.

Что касается самаго высѣканія разныхъ предметовъ изъ кремня, то нельзя не замѣтить, что, хотя оно обусловливалось особымъ свойствомъ этого минерала давать тотчасъ по вынутіи изъ земли при короткомъ ударѣ по плоской поверхности или ребру опредѣленный изломъ, тѣмъ не менѣе нужна была большая вѣрность глаза, твердость руки и опытность, чтобы съумѣть утилизировать эту природную особенность кремня. Малѣйшій невѣрный или недостаточно отрывистый ударъ,—и наполовину готовая вещь могла быть испорчена.

Впрочемъ приготовленіе предметовъ изъ кремня было невсегда сопряжено съ такими трудностями. Самая кропотливая работа выпадала на долю тѣхъ, кто пытался заняться изготовленіемъ длинныхъ обоюдоострыхъ ножей-кинжаловъ, особенно жертвенныхъ. Это оружіе, представлявшее собою верхъ тогдашней оружейной техники, могло быть изготовлено только очень опытнымъ и искуснымъ мастеромъ. Само собою понятно, что такая работа, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, поглощала громадное количество времени. Но не слѣ-

дуетъ забывать, что тонкость отдѣлки хрупкаго матеріала, при недостаточномъ развитіи умѣнья шлифовать камень, имѣла свои предѣлы, перейти которые было очень опасно. Сколько разъ случалось, что первобытный оружейникъ, доведшій свою работу почти до конца и съ любовью смотрѣвшій на свое произведеніе, стоившее ему многихъ дней и даже недѣль, вдругъ терялъ его, сдѣлавъ одинъ невѣрный ударъ! Намъ, людямъ конца девятнадцатаго вѣка, съ его поразительными открытіями и изобрѣтеніями, съ его техникою, удивляющею даже насъ самихъ, дающею возможность дѣленія миллиметра на тысячныя доли, приготовленія тончайшихъ, паутиноподобныхъ металлическихъ кружевъ и т. п.,—намъ почти невозможно представить себѣ тѣ трудности, какія долженъ былъ преодолѣвать доисторическій человѣкъ при изготовленіи лучшихъ образцовъ каменнаго оружія, и то отчаяніе, какое должно было овладѣвать имъ, когда работа погибала. Только дикій не то стонъ, не то крикъ, вырывавшійся изъ груди дикаря, да его бѣшеные удары по своей почти доведенной до конца работѣ, превращавшіе ее въ безформенные осколки, свидѣтельствовали о сильномъ отчаяніи бѣдняги.

Однако, къ счастію для человѣчества, первобытный человѣкъ, подобно современнымъ дикарямъ, былъ неспособенъ къ продолжительному отчаянію. Онъ быстро переходилъ отъ одной эмоціи къ другой и не могъ долго сосредоточиваться на одной мысли. Ктому же подобные случаи порчи работы были явленіемъ далеко нерѣдкимъ, находившимся въ прямой зависимости отъ требуемой законченности. Можно смѣло сказать, что изъ десяти начатыхъ едва-ли удавалось, путемъ об-

Раньше мы уже замѣтили, что кремень, непосредственно вынутый изъ земли или нагрѣтый, но не раскаленный, обладаетъ свойствомъ давать отъ короткаго удара по плоской поверхности особый изломъ. Форма послѣдняго, въ значительной степени зависящая отъ величины и очертаній ударяющаго орудія, въ общемъ, однако, представляетъ собою конусъ, вершина котораго находится въ точкѣ удара. Если послѣдній придется не по плоскости, а по одной изъ граней куска параллелепипедальной формы, то получается изломъ полуконическій, переходящій потомъ въ плоскій. Длина такого плоскаго откола иногда доходитъ до 27 и болѣе сантиметровъ. Подобный осколокъ, имѣющій два рѣжущихъ края, могъ даже въ этомъ видѣ служить рабочимъ ножемъ, путемъ же осторожной оббивки его можно превратить въ подобіе настоящаго ножа. Что касается оставшейся части параллелепипеда, то, продолжая удары по гранямъ, ее возможно довести до желаемой формы.

Пользуясь этимъ природнымъ свойствомъ кремня, первобытный человѣкъ изготовлялъ свои орудія. Для полученія годныхъ для этой цѣли осколковъ нужно было держать камень въ рукѣ очень сильно и твердо, а удары наносить увѣренно, мѣтко и съ опредѣленною силою. Впрочемъ, образованіе излома не требовало непремѣннаго условія нанесенія удара,—того же можно было достигнуть рядомъ послѣдовательныхъ, съ одинаковою силою производимыхъ нажимовъ камня на грани по разнымъ направленіямъ. Въ такомъ случаѣ кремень утверждался на деревянномъ обрубкѣ съ ложковиднымъ углубленіемъ или камнѣ, который во время работы нужно было твердо удерживать между колѣнями. Кромѣ кремня,

взрослыми для дѣтей, не могли быть въ той степени закончены, какъ настоящее оружіе, такъ какъ это потребовало-бы значительной затраты труда и времени. И дѣйствительно, большинство находимыхъ въ настоящее время миніатюръ оружія носитъ на себѣ характеръ небрежной или недостаточно тщательной отдѣлки. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются и экземпляры прекрасно отдѣланные. Это легко объяснить тѣмъ, что дѣти, уже достигшіе того возраста, когда настоящая охота для нихъ еще опасна, но когда они уже не могутъ довольствоваться и одними играми,—сосредоточиваютъ всѣ свои помыслы на ускореніи того момента, когда и они сдѣлаются воинами. Въ такое время ребенокъ готовъ просидѣть цѣлый день, оттачивая на камнѣ какой-нибудь топорикъ, выстругивая стрѣлу и т. д.; имѣть хорошее, хотя-бы даже игрушечное оружіе — составляло цѣль его стремленій, его гордость.

Заботясь о личной безопасности и матеріальномъ благосостояніи, наши поселенцы не забывали и духовной стороны. Съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ уничтоженія препятствій къ удовлетворенію самыхъ изысканныхъ по тогдашнимъ понятіямъ матеріальныхъ потребностей, въ нихъ развивалось стремленіе къ удовлетворенію и эстетической стороны ихъ натуры. Въ первое время оно выражалось въ украшеніи своего тѣла разными ожерельями, браслетами и т. п. предметами, употреблявшимися преимущественно женщинами. Мужчины носили подобныя вещи не столько для украшенія, сколько въ качествѣ амулетовъ, яко-бы предохранявшихъ отъ разныхъ опасностей на охотѣ и войнѣ, а также и отъ болѣзней. Къ числу такихъ священныхъ предметовъ относились, между прочимъ, кружки изъ кости, которые

вырубались каменнымъ долотомъ изъ черепа человѣка, одержимаго эпилепсіей. Цѣль этой трепанаціи заключалась въ желаніи дать выходъ злому духу, поселившемуся въ головѣ больного. Кромѣ подобнаго рода украшеній, связанныхъ съ религіозными представленіями, мужчины очень часто размалевывали свое тѣло разными узорами. Матеріаломъ для такого раскрашиванія служили естественныя краски, преимущественно окиси желѣза и растительные соки. Впрочемъ, и само раскрашиваніе не было лишено нѣкотораго религіознаго значенія, такъ какъ нерѣдко на груди воина можно было видѣть изображеніе луны или солнца.

Въ числѣ амулетовъ весьма видное мѣсто занимали вырѣзанныя на рогѣ, кости, деревѣ и мягкомъ камнѣ изображенія медвѣдя, оленя, лося, кабана и другихъ животныхъ, а также солнца и луны. Однако, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ издѣліяхъ первобытнаго человѣка потребности эстетическія, очевидно, преобладали надъ утилитарными соображеніями. Въ сущности это были произведенія чистаго искусства, служившія украшеніями и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтавшія священное значеніе. Сюда относятся рисунки и орнаменты на оружіи и даже глиняной посудѣ. Правда, послѣдняя стояла въ этомъ отношеніи значительно ниже, такъ какъ кромѣ черточекъ, точекъ, ямочекъ, отпечатковъ волоконъ растеній и волнистыхъ линій ее ничѣмъ не украшали. Но бѣдность рисунка можно, пожалуй, до нѣкоторой степени объяснить здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ изготовленіи посуды принимали участіе преимущественно женщины.

Боясь, чтобы меня не заподозрили въ тенденціозности, спѣшу напомнить, что въ противоположность современ-

му положенію женщины, въ большинствѣ случаевъ
ляющейся въ своей семьѣ маленькимъ деспотомъ,
гдашняя мать семейства была почти рабою мужа.

«Молодыя дикарки беззаботно купались въ рѣкѣ».

оложеніе дѣвушки было хотя и нѣсколько сноснѣе,
агодаря меньшему числу ея обязанностей, но все-таки
оно мало отличалось отъ рабства, тѣмъ болѣе, что
ь тѣ времена положеніе дѣйствительной рабы было
сравненно легче теперешняго. Всѣ домашнія и черныя

работы, которыхъ никогда, какъ извѣстно, не бываетъ конца, исполнялись женщинами. Все же, что требовало извѣстнаго умственнаго напряженія, не входило въ сферу ихъ дѣятельности. Мужчина охотился, велъ войны, былъ изобрѣтателемъ новыхъ орудій, а въ часы досуга, котораго женщина не имѣла, онъ являлся и скульпторомъ-художникомъ. Даже само обращеніе къ божеству, которое, казалось-бы, должно было составлять естественное право каждаго, не принадлежало женщинѣ,—мужчина монополизировалъ его. Въ тѣ времена еще не было личной молитвы, а предводитель, исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и роль жреца, обращался къ божеству за все племя. Онъ приносилъ умилостивительныя и благодарственныя жертвы, являлся посредникомъ между народомъ и божествомъ и истолкователемъ воли послѣдняго. При такихъ условіяхъ женщина должна была, конечно, отставать отъ мужчины не только въ физическомъ отношеніи, но и въ духовномъ развитіи.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на столь рѣзкое различіе въ умственномъ уровнѣ обоихъ половъ племени, оно все-таки благоденствовало. Не имѣя понятія о лучшей участи, женщины считали себя почти счастливыми. Продолжительная осѣдлая жизнь и отсутствіе войнъ, которыя могли-бы еще болѣе ухудшить ихъ положеніе, сдѣлавъ рабынями женъ побѣдителей, а главное, спокойствіе, являющееся весьма важнымъ условіемъ семейной жизни,—вполнѣ оправдывали то отрадное чувство, которое иногда проявлялось въ матеряхъ семействъ при сопоставленіи настоящаго положенія съ перенесенными до поселенія на островѣ лишеніями. За нѣсколько лѣтъ, протекшихъ съ этого времени, племя значительно увеличилось. Родилось множество дѣтей, тѣ, которые

походѣ были еще маленькими, превратились въ от-
роковъ, а старшіе—въ юношей, которые стали воинами.
Пріятно было смотрѣть, когда эти маленькіе дикари
олзали и бѣгали по зеленому ковру острова, оглашая
оздухъ веселыми дѣтскими криками, а ихъ матери,
естры и братья, воспользовавшись отсутствіемъ муж-
инъ, отправившихся на охоту, купались на рѣкѣ. Ве-
елый смѣхъ и говоръ, смѣшиваясь съ всплесками воды,
олнуемой граціозными движеніями еще не знавшихъ
новѣйшихъ инквизиціонныхъ орудій моды женщинъ,—
далеко разносились въ воздухѣ.

Невдалекѣ отъ этой беззаботной компаніи, нисколько
ея не пугаясь, находилась другая, которая безъ устали
трудилась надъ обезпеченіемъ острова отъ бурныхъ
волнъ рѣки. Это были бобры. Умныя животныя, пе-
чальные потомки которыхъ и теперь еще кое-гдѣ вла-
чатъ въ глуши свое жалкое существованіе, жили въ
тѣ времена въ добромъ согласіи съ человѣкомъ. Онъ
дорожилъ и уважалъ своего нетребовательнаго союзника.
Теперь же, когда надобность въ немъ исчезла, человѣкъ
со свойственнымъ ему эгоизмомъ перемѣнилъ тактику,
начавъ охотиться за дорогою шкурою бѣднаго звѣрька,
которому столь многимъ былъ обязанъ.

VI.

Нравы и обычаи.—Ревность.

Въ числѣ признаковъ, предвѣщавшихъ островному населенію продолжительный миръ и благосостояніе, нельзя не отмѣтить прилета пары аистовъ, которые свили себѣ гнѣздо на одномъ изъ деревьевъ близъ этой доисторической деревни. По понятіямъ первобытнаго человѣка, выборъ этою осторожною, любящею спокойствіе птицею мѣста для гнѣзда именно на островѣ—долженъ былъ служить счастливымъ предзнаменованіемъ. Дикарь, умственныя способности котораго еще очень слабы, считаетъ, какъ извѣстно, всѣхъ животныхъ очень умными, подчасъ даже умнѣе самого себя. Онъ убѣжденъ, что они отлично понимаютъ языкъ человѣка, а потому нерѣдко, вступая въ бой со звѣремъ или побѣдивъ его, дикарь заводитъ разговоръ съ животнымъ. Точно такъ же поступалъ и нашъ доисторическій предокъ. Часто, убивъ медвѣдя, онъ обращался къ мертвому звѣрю со словами, въ которыхъ, помимо наивности дикаря, воображавшаго, что животное и послѣ смерти сохраняетъ способность слышать и понимать разговоръ,—сказывались еще и первобытныя анимистическія воззрѣнія нашего отдаленнаго предка.

— Не я тебя убилъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ убитому животному,—а такой-то...

При этомъ онъ называлъ одного изъ своихъ враговъ селая, подобно нѣкоторымъ изъ современныхъ сибир-

скихъ инородцевъ, посредствомъ этой наивной уловки, отвратить отъ себя посмертную месть звѣря.

Близость первобытнаго человѣка къ природѣ и его наблюдательность помогли ему замѣтить, что животныя обладаютъ многими способностями, которыхъ мы уже не имѣемъ. Къ числу ихъ относятся нѣкоторые инстинкты. Такъ, напримѣръ, замѣчено, что чибисы и перепела передъ сырымъ лѣтомъ строятъ гнѣзда на высокихъ мѣстахъ, и, наоборотъ, лягушки кладутъ икру глубоко въ воду, предвидя сухое лѣто; муравьи устраиваютъ особенно высокіе муравейники передъ наступленіемъ суровой зимы и т. д. Всѣ эти и имъ подобные инстинкты животныхъ, съ незапамятнаго времени замѣченные и утилизированные человѣкомъ, ставили въ его глазахъ умъ и предусмотрительность послѣднихъ очень высоко.

Аистъ,—птица, выдѣляющаяся изъ ряда вонъ своимъ опереніемъ, ростомъ и осторожностью, ведущая спокойный, почти уединенный образъ жизни, къ тому же истребляющая разныхъ гадовъ,—не могъ не обратить на себя вниманія первобытнаго человѣка. Послѣднему казалось, что, если такая птица, которая прежде, чѣмъ строить себѣ гнѣздо, должна облетѣть много земель, много видѣть на своемъ пути народовъ, много узнать, — выбрала все-таки здѣсь мѣсто для вывода дѣтенышей, то это прежде всего указывало на то, что поселенію не угрожаетъ никакая опасность со стороны людей, такъ какъ иначе она-бы сама не поселилась на мѣстѣ, гдѣ ея гнѣздо во время войны, съ неизбѣжнымъ при ней пожаромъ, могло сгорѣть или быть разрушено. Кромѣ того, присутствіе аиста, взявшаго на себя обязанность истребленія вредныхъ и опасныхъ

для человѣка гадовъ, могло служить косвеннымъ указаніемъ на покровительство божества...

Такимъ образомъ существующій и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ обычай вывѣшиванія на деревѣ, близъ жилья, стараго негоднаго колеса или бороны, съ цѣлью облегченія аисту свить тамъ гнѣздо, ведетъ свое начало еще со временъ доисторическихъ, когда эта птица пользовалась всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Теперь же, когда безжалостная наука не пощадила даже и этого длинноногаго меланхолика, сорвавъ съ него прикрывавшую его до сихъ поръ маску невинности и доказавъ, что польза, приносимая имъ, еще очень и очень проблематична,—старому обычаю грозитъ, вѣроятно, опасность скоро исчезнуть.

Вполнѣ признавая основательность доводовъ натуралистовъ противъ суевѣрія, нельзя, однако, не согласиться съ тѣмъ, что безъ аиста, съ его громаднымъ гнѣздомъ, многія изъ нашихъ селеній потеряли-бы значительную долю своей поэтической прелести. Глядя на мирную картину жилья, у котораго на вершинѣ какого-нибудь дерева пріютилась семья аистовъ, чувствуется что-то патріархальное, взглядъ отдыхаетъ здѣсь отъ жизненной сутолоки и на душѣ становится какъ-то спокойнѣе, легче.

Аналогичное чувство, но въ болѣе сильной степени, притомъ осложненное сознаніемъ безопасности, должны были испытывать всѣ члены племени, которые свято вѣрили въ примѣты. Ктому же были и иныя данныя для укрѣпленія вѣры въ отсутствіе какой-бы то ни было опасности, которая такъ или иначе могла угрожать островному поселенію. Такъ, напримѣръ, не могло не

обратить на себя вниманія то обстоятельство, что со времени основанія на островѣ деревни ни разу еще ни въ одной хижинѣ не потухъ огонь на очагѣ. Для того, чтобы понять значеніе этого, на нашъ взглядъ ничего не доказывающаго факта, необходимо нѣсколько вникнуть въ общій характеръ міровоззрѣнія первобытнаго человѣка.

Дѣло въ томъ, что огонь, впервые явившись людямъ вмѣстѣ съ громомъ и молніею съ неба, долженъ былъ пріобрѣсть значеніе предмета священнаго, сдѣлаться въ глазахъ дикаря, такъ сказать, частью самого бога-грома; оказывая же первобытному человѣку услуги, безъ которыхъ врядъ-ли была-бы возможна даже сама цивилизація, огонь, по справедливости, сталъ предметомъ поклоненія. Смѣло можно сказать, что только постоянное его употребленіе для цѣлей хозяйственныхъ и, стало быть, своего рода профанація—помѣшали ему сдѣлаться главнымъ среди божествъ, которымъ поклонялся первобытный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе огромное значеніе для него огня и видимое сродство послѣдняго съ животворящимъ солнцемъ—мало того, что должно было сдѣлать его предметомъ поклоненія, но и поставить въ ряду божествъ добрыхъ, которыя, если и сердились на человѣка, то не безъ основанія.

Благодаря такому взгляду на огонь, первобытный дикарь, гдѣ-бы онъ ни находился — дома-ли, на охотѣ, въ походѣ,—всюду, не взирая даже на жару, раскладывалъ, при первой возможности, костеръ. При немъ онъ чувствовалъ себя смѣлѣе и бодрѣе, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ, особенно противъ звѣрей, огонь представлялъ собою дѣйствительную защиту.

Почитаніе огня, помимо бросаемыхъ въ него жертвъ,

выражалось еще и въ томъ, что его можно было тушить только водою или землею; иные же способы, какъ, напримѣръ, плеваніе и т. п.—считались оскверненіемъ святыни.

Такое же отношеніе къ огню, хотя и совершенно безсознательное, сохранилось въ видѣ переживанія и до настоящаго времени среди крестьянъ. Они увѣряютъ, что плюнувшій въ огонь наказывается за это особымъ видомъ накожнаго воспаленія, называемаго «огневикомъ».

Исходя изъ упомянутаго чувства безопасности въ присутствіи огня, первобытный человѣкъ заботился, чтобы въ его избѣ на очагѣ постоянно находились, подъ слоемъ золы, горячіе угли, которые ктому же служили для разведенія огня на слѣдующій день. Если въ какой-нибудь семьѣ, по недосмотру, огонь потухалъ, это служило зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Впрочемъ, и въ настоящее время во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ огонь еще сохраняютъ до слѣдующаго дня на «припечкѣ», подобный случай является по меньшей мѣрѣ постыднымъ для хозяйки.

Итакъ, по всѣмъ даннымъ, благоденствію островнаго поселенія не предвидѣлось конца. Чувство безопасности, испытываемое каждымъ изъ членовъ племени, производило благотворное вліяніе на всю ихъ дѣятельность. Отсутствіе того тревожнаго состоянія, которое вызывается мыслью о возможной опасности и которое такъ стѣсняетъ человѣка, парализуя всѣ его начинанія, способствовало развитію предпріимчивости воиновъ. Многіе изъ нихъ, съ разрѣшенія вождя, который счелъ возможнымъ, въ виду благопріятныхъ предзнаменованій и отсутствія данныхъ для тревоги, уменьшить бдительность,—отправлялись въ отдаленныя экскурсіи, знако-

мившія ихъ съ условіями страны. Изъ этихъ путешествій они приносили разные очень интересные и не встрѣчаемые дома предметы, выносили массу новыхъ впечатлѣній, развивавшихъ любознательность, дававшихъ пищу для поучительныхъ для всего племени разсказовъ. Иногда эти экскурсіи продолжались по мѣсяцу и болѣе.

Въ такихъ случаяхъ жены отсутствующихъ, не имѣя надобности въ обыкновенной, до крайности напряженной работѣ, вздыхали свободнѣе. Съ нихъ спадала обязанность заботиться о приготовленіи пищи для мужей, постоянномъ прислуживаніи имъ и т. п., но важнѣе всего то, что онѣ избавлялись на это время отъ неустаннаго строгаго надзора за каждымъ ихъ шагомъ, каждымъ движеніемъ,—надзора, нерѣдко сопровождавшагося довольно выразительнымъ внушеніемъ. Волосы и спины бѣдныхъ женщинъ успѣвали тогда порядочно отдохнуть, а впечатлѣніе побоевъ—настолько изгладиться, что, въ случаѣ продолжавшагося сверхъ ожиданія отсутствія мужей, онѣ не только соскучивались и желали возвращенія своихъ мучителей, но даже безпокоились объ ихъ участи. Когда же воины возвращались домой съ трофеями, жены встрѣчали ихъ съ распростертыми объятіями.

Употребивъ совершенно невольно эту риторическую фигуру, спѣшу оговориться, что она несовсѣмъ согласуется съ истиною, такъ какъ подобное проявленіе чувства предполагаетъ уже нѣкотораго рода равенство между мужемъ и женою. Между тѣмъ у первобытнаго человѣка на той ступени развитія, какая соотвѣтствовала нашимъ островитянамъ, существовала слишкомъ большая разница въ положеніи обоихъ половъ, чтобы жена сама осмѣлилась обнять своего повелителя.

*

Само собою понятно, что продолжительное отсутствіе мужа въ связи съ возрастающею потребностью въ мужскомъ обществѣ вызывало иногда довольно рискованныя попытки къ сближенію съ другими воинами племени. Нерѣдко подобный близкія отношенія, сохраняемыя въ тайнѣ отъ мужа и окружающихъ, продолжались и послѣ его возвращенія. Это была игра очень опасная, но, надо полагать, увлекательная, разъ ее не рѣшались во время бросить.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, считаю нужнымъ напомнить, что на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи понятіе о нравственности далеко невсегда совпадаетъ съ нашими представленіями о ней. Съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка только тѣ изъ духовныхъ качествъ имѣли цѣнность и заслуживали уваженія, которыя, ведя свое происхожденіе отъ такъ-называемыхъ соціальныхъ инстинктовъ, могли быть полезны для цѣлаго племени, а не отдѣльной личности. Въ силу этого закона развитія нравственнаго чувства, случаи нарушенія цѣломудрія, которое не имѣло для общества особаго значенія, не встрѣчали со стороны послѣдняго какого-бы то ни было осужденія. Даже самая крайняя разнузданность въ сферѣ половыхъ сношеній не встрѣчала никакихъ мотивовъ для порицанія. Понятіе о женской добродѣтели было чуждо первобытному человѣку.

Но, со времени введенія брака, понимаемаго даже въ самой грубой его формѣ, а именно, какъ установленія права собственности мужа на жену, начало постепенно устанавливаться понятіе о женской добродѣтели, которое со временемъ распространилось и на дѣвушекъ. Первобытный дикарь, для котораго жена составляла одинъ изъ предметовъ собственности, первоначально отстаивалъ

свои права на нее не изъ чувства ревности, а лишь потому, что во всякомъ сношеніи своей жены съ посторонними онъ видѣлъ посягательство на свою собственность. Такимъ образомъ невѣрность жены была преступленіемъ по существу болѣе слабымъ, чѣмъ даже простая кража, потому что поведеніе жены все-таки не лишало мужа владѣнія ею, между тѣмъ какъ похищенный предметъ уже переставалъ существовать для его владѣльца. Только когда начала зарождаться ревность, жгучее чувство которой усиливало въ глазахъ мужа вину преступницы, тогда-то, строго говоря, стало вырабатываться понятіе о женской добродѣтели. Степень наказанія за нарушеніе въ первое время, конечно, всецѣло еще зависѣла отъ темперамента и субъективнаго ощущенія душевнаго страданія оскорбленнаго. Наши дикари, которые уже вышли изъ того варварскаго состоянія, когда еще не существовало понятія о бракѣ, были очень чувствительны къ невѣрностямъ своихъ женъ. Число ихъ у каждаго воина всецѣло зависѣло отъ его знатности, т. е., другими словами, отъ воинскихъ доблестей. Тогда еще не существовало даже и въ зачаткѣ наслѣдственной аристократіи; положеніе и уваженіе соплеменниковъ вырабатывалось исключительно только одними личными достоинствами. Сказавъ, что число женъ зависѣло отъ положенія воина, я долженъ оговориться, что подъ этимъ не слѣдуетъ понимать какого-нибудь разграниченія правъ, а только лишь, такъ сказать, работоспособность мужа, которая въ то время, когда человѣкъ былъ исключительно только охотникомъ, всецѣло обусловливалось воинскою доблестью. Тѣмъ не менѣе, несмотря на значительную разницу въ охотничьихъ и боевыхъ способностяхъ воиновъ, почти всѣ они

имѣли по одной женѣ, рѣдко у кого было двѣ или три. Содержаніе большаго количества женъ было сопряжено почти съ непреодолимыми трудностями, особенно зимою, когда даже искусные охотники иногда возвращались домой ни съ чѣмъ.

Одинъ изъ воиновъ, который въ послѣднее время началъ очень часто и на довольно значительное пространство уходить изъ дому, подолгу оставаясь въ отсутствіи, по возвращеніи домой сталъ замѣчать за женою, что она какъ будто встрѣчаетъ его уже не съ прежнимъ пыломъ. Сначала онъ не предавалъ этому обстоятельству особаго значенія, объясняя его разными причинами. Но, когда холодное обращеніе жены сдѣлалось наконецъ постояннымъ, то въ сердце мужа стало закрадываться подозрѣніе. Оно особенно усилилось, когда однажды, возвратившись домой послѣ долгаго отсутствія, онъ замѣтилъ въ женѣ, вмѣсто радости, какъ будто какое-то замѣшательство и даже тревогу. Съ тѣхъ поръ змѣя сомнѣнія прочно свила себѣ гнѣздо въ его душѣ.

Онъ сталъ наблюдать за женою, которая въ послѣднее время все чаще и чаще отлучалась изъ дому подъ разными предлогами, — то ей нужно было идти за дровами, то за водой, то за ягодами, то за желудями, то за раковинами, — словомъ, всегда находилось что-нибудь очень нужное, безотлагательное. Мужъ билъ ее очень часто и больно, но это не помогало. Дошло до того, наконецъ, что во время одной изъ такихъ отлучекъ, когда, уходя, она забыла взглянуть на угли въ очагѣ, — огонь на немъ потухъ. Вошедшій въ избу мужъ какъ разъ засталъ ее за добываніемъ огня при помощи тренія. Она нарочно не ходила за горячими углями къ сосѣдкамъ, не желая обнаружить своей оплошности, и если-бы

не приходъ мужа, то никто такъ и не узналъ-бы о несчастіи. Можно себѣ представить его ужасъ, когда онъ понялъ, что въ его хижинѣ огонь погасъ. Это было вѣрнѣйшимъ указаніемъ грозящаго этому дому бѣдствія.

Къ удивленію виновной, мужъ на этотъ разъ не побилъ ее—до того онъ былъ пораженъ предчувствіемъ чего-то страшнаго. Воспользовавшись такимъ, какъ ей казалось, миролюбивымъ настроеніемъ своего повелителя и боясь, что оно врядъ-ли долго продлится, она выбѣжала изъ избы, лишь только огонь на очагѣ запылалъ.

Было уже темно. Мужъ сидѣлъ въ хижинѣ, опустивъ голову на руку, и смотрѣлъ на блестящія искорки, перебѣгавшія по раскаленнымъ угольямъ. Красный свѣтъ огня, падая на его угрюмое лицо, придавалъ ему еще болѣе угрюмый и зловѣщій видъ. Прошло съ четверть часа такого молчаливаго созерцанія. Жена все не приходила. Наконецъ воинъ поднялъ голову. Въ его глазахъ мерцалъ мрачный огонь, а между бровями легла глубокая складка. Онъ всталъ и вышелъ изъ избы. Въ это время какая-то тѣнь мелькнула подъ деревьями и скрылась во мракѣ, а навстрѣчу ему съ того же мѣста выступила его жена.

— Ты что тамъ дѣлала?—мрачно спросилъ онъ.

Она что-то хотѣла отвѣтить, но рука мужа со страшною силою схватила ее за длинные волосы и поволокла по землѣ прямо въ хижину. Здѣсь, сорвавъ съ несчастной женщины прикрывавшую ее звѣриную шкуру, онъ сталъ сѣчь подозрѣваемую толстымъ буйволовымъ ремнемъ, по чемъ попало.

Подъ этими ударами, изъ которыхъ каждый оста-

влялъ на кожѣ кровавый слѣдъ, тѣло бѣдной женщины, можетъ быть даже невиновной, судорожно извивалось, а изъ открытаго рта ея вырывались отчаянные вопли и рыданія, прерываемые лишь зловѣщимъ свистомъ ремня. Ударъ за ударомъ мѣрно, отчетливо раздавался въ тишинѣ наступающей ночи. Уже вся кожа несчастной была исполосована кровавыми ранами, уже она не кричала, а только стонала, уже ея тѣло, наполовину висѣвшее на волосахъ, только слабо вздрагивало, а ремень все свистѣлъ и свистѣлъ въ воздухѣ. Наконецъ, бросивъ его въ сторону, мужъ схватилъ горящую головню и прижегъ ею обѣ ступни своей злосчастной жены, которая при этомъ снова стала корчиться отъ страшной боли.

— Вотъ тебѣ, гадина,—сказалъ онъ, отталкивая отъ себя бѣдную страдалицу ногою,—авось теперь не станешь больше таскаться!..

VII.

Семейная драма.

Прошло нѣсколько времени. На тѣлѣ несчастной женщины слѣды жестокой расправы стали понемногу сглаживаться; не могли только еще затянуться раны на ногахъ отъ обжоговъ, потому что, несмотря на сильную боль, бѣдная жена принуждена была все-таки прислуживать мужу и исполнять свои обязанности. Но вскорѣ и эти послѣдствія опаснаго увлеченія стали исчезать, а по мѣрѣ выздоровленія возстановлялось и

прежнее душевное состояніе дикарки, которая, кстати сказать, при значительной красотѣ, обладала неменьшимъ запасомъ легкомыслія.

Со времени памятнаго для нея вечера и послѣдній остатокъ чувства къ мужу, до того времени не вытѣсненный еще новою, зарождавшеюся страстью къ одному изъ молодыхъ воиновъ, теперь окончательно исчезъ, замѣнившись скрытою непріязнью и даже ненавистью. Молодая женщина, не имѣвшая возможности видѣться съ предметомъ своей страсти, украдкою бросала на него пламенные взоры. Въ свою очередь и воинъ не разъ заглядывался на красавицу. Если-бы не страхъ передъ мужемъ послѣдней, который былъ однимъ изъ наиболѣе храбрыхъ и искусныхъ воиновъ племени, то молодой человѣкъ попытался-бы завязать съ нимъ ссору и сразиться, но въ данномъ случаѣ силы были слишкомъ неравны. Со своей стороны, и мужъ прекрасной дикарки, замѣчавшій непріязненное къ себѣ отношеніе послѣдней, чувствовалъ, что у него имѣется серьезный соперникъ, но открыть его не могъ.

Такъ протянулось около мѣсяца. Лѣто близилось къ концу. Уже кое-гдѣ на деревьяхъ видны были отдѣльные желтые гроздья умирающихъ листьевъ, которые по временамъ кружились въ воздухѣ, сорванные вѣтромъ. Дыханіе осени, съ ея специфическимъ запахомъ какой-то затхлости, давало себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Слой сухихъ листьевъ подъ деревьями становился все толще, темнѣлъ и начиналъ гнить. Солнце все чаще и чаще заволакивалось тучами. Перепадали дожди. Многія птицы собирались въ стаи, готовясь къ отлету, иныя уже улетѣли. Наступала

едва-ли не самая непріятная пора, потому что дожди въ тѣ времена, при громадномъ распространеніи лѣсовъ, еще не тронутыхъ рукою человѣка, были часты и обильны. Нужно было готовиться къ наступленію холодовъ, когда добываніе пищи становилось болѣе затруднительнымъ.

Обыкновенно, пополненіе запасовъ на зиму совершалось всѣми людьми племени одновременно. Такого рода порядокъ былъ заведенъ въ виду того, что на предусмотрительность отдѣльныхъ членовъ племени, отличавшихся, подобно всѣмъ вообще дикарямъ, большимъ легкомысліемъ, нельзя было разсчитывать. Думать о завтрашнемъ днѣ первобытному человѣку не приходило въ голову,—онъ заботился только, о томъ чтобы быть сытымъ сегодня, а что будетъ черезъ нѣсколько дней, а тѣмъ болѣе мѣсяцевъ,—это его нисколько не интересовало.

Благодаря такой беззаботности первобытнаго дикаря и отсутствію въ немъ какой-бы то ни было сдержанности въ удовлетвореніи своихъ желаній, нерѣдко онъ предавался самому неумѣренному обжорству, но за то могъ и долженъ былъ иногда подолгу голодать. Въ особенности это случалось довольно часто съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался осѣдлымъ, но не научился еще земледѣлію. Жизнь на одномъ мѣстѣ для большаго племени, поддерживавшаго свое существованіе почти исключительно одною охотою и рыбною ловлею, даже при большомъ количествѣ дичи, была сопряжена съ значительными затрудненіями. Для добыванія себѣ пищи приходилось удаляться на порядочное разстояніе, потому что постоянныя охоты вблизи селенія произвели сильныя опустошенія въ дичи; рыбная же ловля, при тогдашнемъ

несовершенствѣ снарядовъ, не могла возмѣстить недостатка пищевыхъ продуктовъ. Впрочемъ, лѣтомъ этого никогда не случалось; за то зимою, при отсутствіи запасовъ, голодъ былъ весьма вѣроятенъ.

Но, какъ я уже сказалъ, заботливость о будущемъ не входила въ число добродѣтелей первобытнаго человѣка. Поэтому, если-бы не старый вождь, который считалъ своею обязанностью предусматривать лишенія племени и стараться объ ихъ предупрежденіи, то, пожалуй, никто-бы и не подумалъ о заготовленіи запасовъ на зиму, а если эта мысль кому-нибудь и приходила въ голову, то не хватало достаточной силы воли, чтобы заняться труднымъ дѣломъ. Тутъ, помимо иниціативы и извѣстнаго авторитета, нужна была еще власть начальника, который-бы заставилъ потрудиться надъ обезпеченіемъ себя отъ голода.

Имѣя это въ виду, старый вождь снаряжалъ нѣсколько разъ втеченіи лѣта и въ началѣ осени особыя экспедиціи для собиранія ягодъ, желудей, грибовъ, кореньевъ, птичьихъ яицъ и т. п. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ отправлялось почти все племя, за исключеніемъ больныхъ и безпомощныхъ стариковъ. Матери брали съ собою даже самыхъ маленькихъ ребятъ, которыхъ онѣ несли за спиною въ лубяныхъ коробкахъ или корзинахъ изъ новыхъ прутьевъ. Дѣти постарше бѣжали впереди старшихъ, и ихъ быстрые глазки безпокойно бѣгали по сторонамъ, стараясь открыть какое-нибудь гнѣздо. Въ такомъ случаѣ, ни слова не говоря товарищамъ, которые могли-бы еще, пожалуй, предупредить его, молодой дикарь подбѣгалъ къ дереву, взбирался на него съ ловкостью бѣлки и доставалъ изъ гнѣзда яйца. Въ случаѣ же, если въ гнѣздѣ оказывались птицы, онъ безжалостно сбрасывалъ ихъ на землю.

Между тѣмъ, женщины собирали, смотря по сезону, ягоды, грибы, желуди, вырывали палками и каменными или роговыми мотыками съѣдобные коренья, рвали дикія яблоки, груши и т. п. Мужчины, большинство которыхъ разбредалось въ разныя стороны для охоты, тоже не бездѣйствовали. Тѣ изъ нихъ, которые должны были оставаться вблизи женщинъ, для охраны ихъ противъ возможнаго нападенія хищныхъ животныхъ, частью отъ скуки помогали своимъ женамъ въ ихъ работѣ, частью же занимались отыскиваніемъ годнаго для приготовленія оружія матеріала. При этомъ, если собирались какія-нибудь ягоды, они, конечно, не забывали о прямомъ назначеніи послѣднихъ служить человѣку пищею...

Такъ было и въ описываемую мною осень. Племя отправилось за сборомъ жолудей, грибовъ, кореньевъ и фруктовъ. Разбредясь въ разныя стороны, чтобы не мѣшать другъ другу, женщины перекликались въ лѣсу. То и дѣло раздавались здѣсь и тамъ звонкіе голоса дикарокъ. Большинство мужчинъ, по обыкновенію, старалось уйти отъ этого шумнаго сборища людей разнаго пола и возраста, вблизи котораго не могло быть надежды убить какого-нибудь звѣря. Правда, первая большая облава, съ цѣлью заготовленія сушенаго на солнцѣ или огнѣ мяса на зиму, предстояла еще черезъ нѣсколько дней, но оставаться въ бездѣйствіи или помогать женщинамъ было ужъ слишкомъ скучно.

Не всѣ, однако, воины старались удаляться отъ прекраснаго пола. Подобныя экскурсіи всего племени, особенно весною и въ началѣ лѣта, были наиболѣе удобнымъ временемъ для сближенія понравившихся другъ другу молодыхъ людей. Воинъ, о сердечной склонности къ которому красивой жены дикаря было уже

говорено раньше, пользуясь отсутствіемъ послѣдняго, сталъ незамѣтно лавировать среди кустовъ и деревьевъ, съ цѣлью подойти къ любимой женщинѣ ближе. Она тоже думала объ этомъ и старалась согласовать свои движенія съ маневрами молодого человѣка. Но, на несчастіе обоихъ, всегда кто-нибудь вертѣлся около одного изъ нихъ. Подойти при такихъ условіяхъ другъ къ другу было-бы безуміемъ, потому что причина жестокихъ побоевъ была всѣмъ извѣстна, и не знали только, кто былъ дѣйствительнымъ виновникомъ предполагаемой невѣрности женщины. Разъ-бы это открылось, молодому человѣку не сдобровать...

Наконецъ-таки, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, влюбленнымъ удалось, улучивъ минуту, когда вблизи никого не было, подойти другъ къ другу довольно близко.

— Когда златозарное божество въ четвертый разъ выплыветъ изъ-за лѣса,—сказала вполголоса прекрасная дикарка,—мужъ мой уйдетъ на большую охоту...

Далѣе ей не пришлось говорить, потому что сзади послышался трескъ сухаго валежника. Молодой воинъ сдѣлалъ скачекъ въ сторону и спрятался за кустъ. Было какъ-разъ во-время, потому что шелъ мужъ, неся на плечахъ мертваго оленя, котораго онъ поймалъ въ западню.

Увидѣвъ своего повелителя, бѣдная женщина, которая не была увѣрена, что онъ не слышалъ ея словъ, вся затрепетала отъ страха. Но, къ ея счастью, мужъ ничего не замѣтилъ. Онъ прошелъ мимо, не сказавъ ни слова. Тѣмъ не менѣе, молодымъ влюбленнымъ уже болѣе не представилось случая поговорить, такъ какъ вскорѣ подошло нѣсколько женщинъ, которыя съ тѣхъ поръ уже и не отходили далеко.

иначе взять и пожрать. Дальнѣйшее развитіе собственности, которое далеко, впрочемъ, невсегда встрѣчается у племенъ и животныхъ, питающихся охотою, представляетъ собою такъ-называемое право территоріальное, выражающееся не въ смыслѣ пользованія землею, а только въ недопущеніи на свою территорію другихъ охотниковъ. Если одинъ изъ нихъ попытается нарушить это присвоенное право, то владѣлецъ вступаетъ въ бой, исходъ котораго весьма просто разрѣшаетъ юридическій споръ. Здѣсь, такимъ образомъ, защита права на извѣстный районъ, необходимый для прокормленія его владѣльца, сводится къ борьбѣ за существованіе. Жилище тоже является предметомъ, право собственности на который имѣетъ мѣсто на самыхъ относительно низкихъ стадіяхъ развитія животнаго міра. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жилища животныхъ, какъ, напримѣръ, общественнаго ткачика и ему подобныхъ, представляютъ собственность коллективную, мы имѣемъ уже дѣло съ явленіемъ, широкое распространеннымъ у всѣхъ человѣческихъ расъ.

Человѣкъ, по общепризнанному мнѣнію, представляетъ собою животное соціальное, поэтому въ первыя времена всѣ его дѣйствія и понятія тогда только встрѣчали одобреніе товарищей, когда непосредственно клонились къ пользѣ племени или вытекали изъ соціальныхъ инстинктовъ. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣческаго общества всякая работа,—а она была направлена только къ добыванію пищи и постройкѣ жилья,—производилась сообща. Собственность у такого рода племенъ бываетъ только общественная. Если одному изъ членовъ племени удается что-либо добыть, то добыча непремѣнно дѣлится между всѣми поровну. Иногда

такое стремленіе къ равенству доходитъ до положительной несообразности, такъ какъ раздѣляются на части такіе предметы, цѣнность которыхъ только и обусловливается ихъ цѣлостью. Отсутствіе какого-бы то ни было понятія о личной собственности заставляетъ этихъ людей нарушать цѣлость предмета ради сохраненія неприкосновенности права общественной собственности. Въ подобнаго рода человѣческихъ группахъ, гдѣ женщина считается не болѣе, какъ вещью, право владѣнія которою ничѣмъ не должно отличаться отъ правъ на другіе предметы,—и она составляетъ общественное достояніе. Мужчины всего клана считаются мужьями всѣхъ женщинъ, а дѣти, конечно, принадлежатъ обществу или матери. Всѣ предметы, какъ, напримѣръ, одежда, утварь и т. п., составляя общественную собственность племени, переходятъ изъ рукъ въ руки, но оружіе и украшенія уже принадлежатъ личности. Послѣ смерти владѣльца эти предметы кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, сжигаютъ или разламываютъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, положеніе племенъ по отношенію къ праву личной собственности, при наиболѣе низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Наши первобытные островитяне, какъ мы отчасти видѣли, вышли уже изъ этого варварскаго состоянія. Каждая семья имѣла у нихъ особенную хижину, ей одной принадлежавшую. Одежда, утварь, не говоря уже объ оружіи, украшеніяхъ, амулетахъ и т. п., были строго распредѣлены между людьми племени. Женщина составляла уже не общественную, а личную собственность мужа, отца или брата. Что же касается пищи, въ особенности при заготовленіи ея впрокъ на зиму, то она добывалась сообща и затѣмъ распредѣлялась между всѣми поровну,

за исключеніемъ главнаго вождя и нѣкоторыхъ воиновъ, игравшихъ роль второстепенныхъ предводителей, которымъ, сообразно съ ихъ положеніемъ, отдѣлялась еще нѣкоторая доля общей добычи.

Къ числу предметовъ, составлявшихъ общественную собственность, нарушеніе которой строго преслѣдовалось, относились пчелиные ульи. Медъ изъ нихъ, подобно остальнымъ пищевымъ продуктамъ, дѣлился между всѣми членами племени съ соблюденіемъ извѣстной пропорціи, для опредѣленія которой принимались въ разсчетъ, кромѣ общественнаго положенія, еще и степень участія въ работѣ по добыванію меда. Этого требовало чувство справедливости, въ виду небезопасности добыванія меда отъ нападеній разъяренныхъ насѣкомыхъ. Такой обычай велъ свое начало еще съ того времени, когда человѣкъ для выниманія меда употреблялъ тѣ же пріемы, какъ и его хорошій знакомый Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ, который, однако, былъ довольно хорошо защищенъ своимъ природнымъ мохнатымъ одѣяніемъ. Когда же человѣкъ додумался до употребленія дыма для «выкуриванія» пчелъ, то обычай успѣлъ уже настолько окрѣпнуть, что его никому не приходило въ голову оспаривать.

Хотя, какъ я уже сказалъ, съѣстные припасы распредѣлялись по отдѣльнымъ семьямъ, сообразно числу душъ, но въ случаѣ, если у кого-нибудь не хватало запасовъ, онъ имѣлъ полное право пользоваться пищевыми продуктами сосѣдей. Въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ заслуживаетъ полной симпатіи съ нашей стороны. Къ сожалѣнію, ему очень рѣдко приходилось на практикѣ примѣнять этотъ достойный подражанія обычай, такъ какъ съ истощеніемъ запасовъ

въ одной семьѣ почти всегда исчерпывались они и у остальныхъ.

Итакъ, въ отношеніи собственности племя стараго вождя стояло на той переходной ступени, когда общество сохраняло еще за собою значительныя права, но личность уже начинала одерживать кое-какія, хотя и незначительныя побѣды. Индивидуализмъ постепенно развивался, обѣщая со временемъ разрости въ могучее дерево, почва для котораго была уже подготовлена. Тѣмъ не менѣе должно было протечь еще много вѣковъ, прежде чѣмъ самыя даже серьезныя права личности стали приниматься въ разсчетъ при столкновеніи съ интересами общества. Что же касается преступленій противъ общественной собственности, то самыя суровыя за нихъ наказанія уцѣлѣли даже въ теченіи тысячелѣтій.

Однажды лѣтомъ въ хижину стараго вождя вбѣжало нѣсколько мальчиковъ съ извѣстіемъ, что они видѣли, какъ одинъ изъ молодыхъ воиновъ кралъ въ лѣсу общественный медъ. Лицо старика сильно нахмурилось. Это былъ первый въ теченіи многихъ лѣтъ случай воровства; но не вѣрить сообщенію было нельзя. Ложь среди первобытныхъ людей была явленіемъ рѣдкимъ. Она стала развиваться со времени оживленныхъ сношеній съ другими мирными и враждебными племенами, по отношенію къ которымъ многое, считаемое у себя преступнымъ, вовсе не порицалось. Естественно, что впослѣдствіи этотъ порокъ сталъ принимать болѣе широкіе размѣры, распространяясь и на своихъ.

Тѣмъ не менѣе, слишкомъ большая тяжесть преступленія требовала болѣе основательнаго подтвержденія, если можно, на мѣстѣ. Старикъ отрядилъ съ десятокъ воиновъ, которые должны были идти, въ сопровожденіи открыв-

преступниковъ.

Да, если хотите, казнь, придуманная старым
демъ, соединялась съ пыткой, хотя, строго гов
невполнѣ отвѣчала установившимся у насъ по
объ этомъ родѣ истязаній.

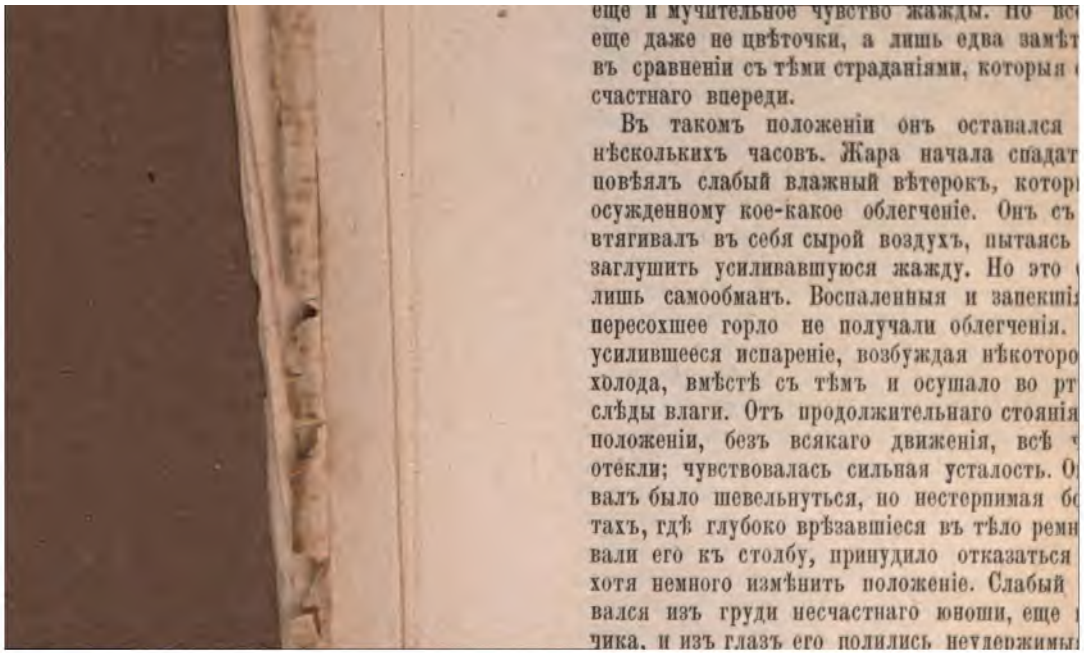
По знаку старика, который поднялъ руку
грозно сверкнувъ глазами, разговоры мгновенно у
и всѣ затаили дыханіе, ожидая слова вождя.

— Ты совершилъ преступленіе,—сказалъ он
щаясь къ несчастному юношѣ,—за которое д
быть наказанъ смертью. Но смерть ожидаетъ нас
раньше или позже, и она не должна никого
Было-бы несправедливо, если-бы презрѣнный во
ралъ такъ же, какъ и доблестный воинъ... Ты
смертью, которая будетъ служить для стараг
лаго вѣчнымъ напоминаніемъ совершеннаго тоб
ступленія...

Каждое слово вождя, раздававшееся въ цар
шей вокругъ тишинѣ, произносилось медленно,
ственною отчетливостью. Оно падало на осуж
подобно удару кнута, который глубоко врѣз
тѣло...

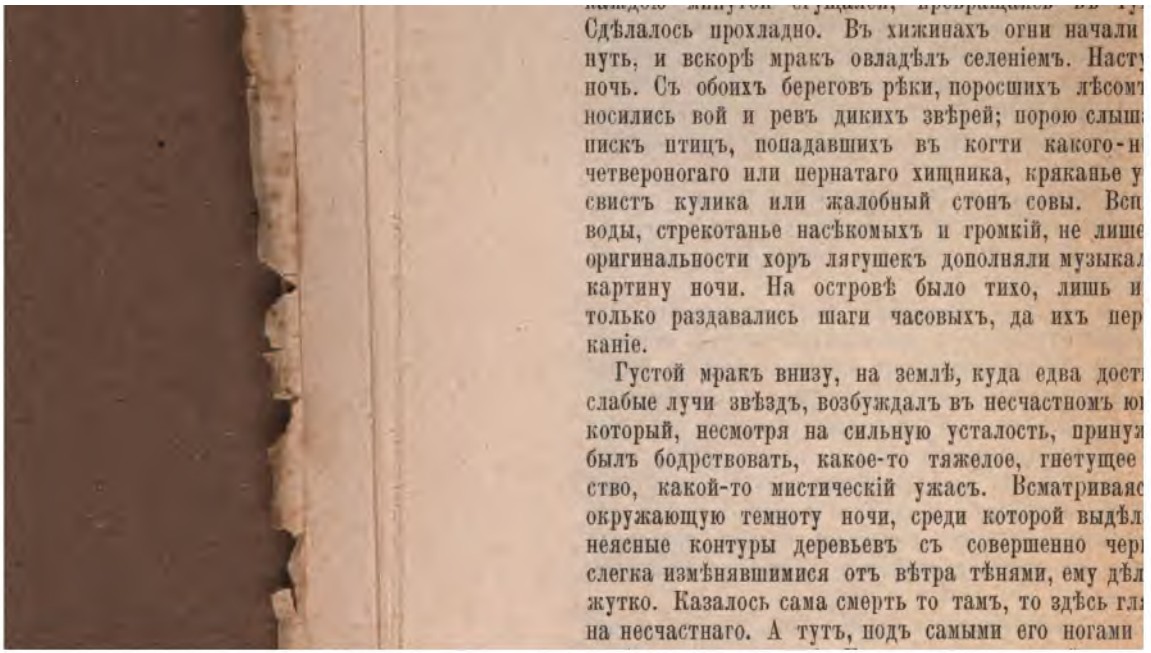
Начались приготовленія къ казни. Нѣсколь

аго заставили съѣсть большой кусокъ меду, послѣ
сѣ удалились, оставивъ его одного на солнцепекѣ.
ра была убійственная. Ни малѣйшаго дуновенія
ка. Небо имѣло какой-то блѣдно-желтоватый жгу-
тѣнокъ. Раскаленная песчаная почва, не покры-
въ этомъ мѣстѣ травою, такъ и пылала жаромъ.
солнца, падая и отражаясь отъ ея свѣтлой по-
ости, причиняли жестокую боль глазамъ. Словомъ,
былъ такого рода, когда единственнымъ мѣстомъ, гдѣ
о себя было мало-мальски чувствовать сносно, явля-
рѣка. И дѣйствительно, большинство дикарей от-
лось купаться, исключая тѣхъ лишь, кому было
ено въ обязанность слѣдить за осужденнымъ издали.
оральное состояніе послѣдняго было таково, что въ
ое время онъ почти не ощущалъ физическихъ стра-
. Но, конечно, такъ не могло долго продолжаться,—
рѣ стали проявляться первые признаки тѣхъ муче-
которыя должны были впослѣдствіи превратиться
жасныя, ни съ чѣмъ несравнимыя страданія. Цѣлый
мухъ, пчелъ и другихъ насѣкомыхъ, привлекаемыхъ
хомъ меда, почти сплошь покрылъ тѣло бѣднаго
ни, который не могъ даже шевельнуться, чтобы
ать съ себя насѣкомыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ первое
и онъ еще могъ вздрагивать или движеніемъ голо-
отгонять насѣкомыхъ. При каждомъ такомъ дви-
и подымалась черная туча мухъ, которыя тутъ же
ь и садились. Онъ понялъ безполезность этихъ
но утомлявшихъ его движеній и старался не обра-
вниманія на докучливыхъ насѣкомыхъ, заботясь
одномъ только, чтобы они не залѣзали ему въ ротъ,
и носъ. Вскорѣ обнаружился сильный зудъ кожи,
рый съ каждою минутою, подъ вліяніемъ палящихъ



еще и мучительное чувство жажды. Но вс
еще даже не цвѣточки, а лишь едва замѣт
въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя
счастнаго впереди.

Въ такомъ положеніи онъ оставался
нѣсколькихъ часовъ. Жара начала спадат
повѣялъ слабый влажный вѣтерокъ, котор
осужденному кое-какое облегченіе. Онъ съ
втягивалъ въ себя сырой воздухъ, пытаясь
заглушить усиливавшуюся жажду. Но это
лишь самообманъ. Воспаленныя и запекшія
пересохшее горло не получали облегченія.
усилившееся испареніе, возбуждая нѣкоторо
холода, вмѣстѣ съ тѣмъ и осушало во рт
слѣды влаги. Отъ продолжительнаго стоянія
положеніи, безъ всякаго движенія, всѣ
отекли; чувствовалась сильная усталость. О
валъ было шевельнуться, но нестерпимая бо
тахъ, гдѣ глубоко врѣзавшіеся въ тѣло ремн
вали его къ столбу, принудило отказаться
хотя немного измѣнить положеніе. Слабый
вался изъ груди несчастнаго юноши, еще
чика, и изъ глазъ его полились неудержимы



Сдѣлалось прохладно. Въ хижинахъ огни начали
нуть, и вскорѣ мракъ овладѣлъ селеніемъ. Наст
ночь. Съ обоихъ береговъ рѣки, поросшихъ лѣсом
носились вой и ревъ дикихъ звѣрей; порою слыш
пискъ птицъ, попадавшихъ въ когти какого-н
четвероногаго или пернатаго хищника, кряканье у
свистъ кулика или жалобный стонъ совы. Вс
воды, стрекотанье насѣкомыхъ и громкій, не лише
оригинальности хоръ лягушекъ дополняли музыка
картину ночи. На островѣ было тихо, лишь и
только раздавались шаги часовыхъ, да ихъ пер
каніе.

Густой мракъ внизу, на землѣ, куда едва дост
слабые лучи звѣздъ, возбуждалъ въ несчастномъ ю
который, несмотря на сильную усталость, принуж
былъ бодрствовать, какое-то тяжелое, гнетущее
ство, какой-то мистическій ужасъ. Всматриваяс
окружающую темноту ночи, среди которой выдѣл
неясные контуры деревьевъ съ совершенно чер
слегка измѣнявшимися отъ вѣтра тѣнями, ему дѣл
жутко. Казалось сама смерть то тамъ, то здѣсь гл
на несчастнаго. А тутъ, подъ самыми его ногами

бенокъ, не устоялъ передъ искушеніемъ съѣсть
кусокъ меду! Ужасно!!
астный старался не смотрѣть внизъ. Онъ направ-
вой взоръ къ блестящей прекрасной планетѣ, ко-
мы обыкновенно называемъ звѣздою— Венерою. Ея
, спокойный свѣтъ проливалъ въ душу осуж-
какую-то не то надежду, не то забвеніе его
нія. Это былъ словно цѣлебный бальзамъ своего

вотъ между деревьями показался желтоватый
и медленно стала выплывать изъ-за нихъ луна,
видѣ ночнаго свѣтила, занимавшаго не послѣднее
въ ряду божествъ, которымъ поклонялся перво-
человѣкъ, несчастный юноша совершенно безсо-
но сдѣлалъ движеніе, съ цѣлью протянуть къ
ву руки, но страшная боль привела бѣднягу въ
онъ такъ и впился глазами въ постепенно блѣд-
, по мѣрѣ своего восхожденія, дискъ луны. Ди-
е умѣлъ молиться, но, если страстное, хотя и
зное стремленіе къ божеству можетъ быть названо
ою, то это было едва-ли не самое пламенное обра-
къ богу, на какое только способенъ человѣкъ.
ватый свѣтъ луны, пробиваясь сквозь вершины
въ, съ ихъ словно облитыми серебромъ листьями,
авшими отъ легкихъ дуновеній вѣтра,—падалъ на
ность рѣки въ видѣ широкой, колеблющейся по-
расплавленнаго олова. Пепельно-сѣрыя, мѣстами
, съ рѣзкими контурами тѣни освѣщенныхъ съ вы-
редметовъ далеко протягивались на водѣ и землѣ.
ака, этого символа смерти, этого, такъ сказать,
гированія неизвѣстности, уже не было. Молодой
къ почувствовалъ себя несравненно легче, бодрѣе.

Уже теперь его не пугали кружившіеся вокругъ сум
рочники, бражники и т. п. ночныя бабочки, которых
привлекалъ запахъ меда. Разогнувъ свои спиральн
хоботки и едва слышно трепеща крылышками, вили
эти прелестныя нѣжныя созданія кругомъ тѣла чел
вѣка, вовсе даже не подозрѣвая, чтобы это могъ бы
какой-нибудь одушевленный предметъ. Нѣкоторыя из
ночницъ, способъ питанія которыхъ отличается отъ их
граціозныхъ сумерочныхъ сородичей, усѣлись на покр
той медомъ поверхности и, прилипнувъ, такъ и остали
навсегда на ней. Той же участи подверглось и мно
другихъ мелкихъ насѣкомыхъ, которыхъ соблазнил
сладкая, душистая, но липкая поверхность.

Ночь подходила къ концу. Небо начало блѣднѣт
звѣзды стали одна за другою гаснуть. Подулъ свѣж
предразсвѣтный вѣтерокъ. На востокѣ показался слаб
розоватый отблескъ. Съ рѣки, волнуясь, поднимались г
стые пары, осаждавшіеся на предметахъ въ видѣ холо
ной росы. Дрожь охватывала цѣлую ночь неспавшаго
ни чѣмъ не прикрытаго юношу. Онъ страшно стучалъ з
бами, не имѣя возможности даже движеніемъ согрѣт
свое окоченѣлое отъ холода тѣло. Верхушки деревьев
листья которыхъ трепетали отъ вѣтра, покрывали
золотисто-розовымъ свѣтомъ. Цѣлый хоръ птичьихъ г
лосовъ, стрекотанія и жужжанія насѣкомыхъ привѣт
ствовалъ восходъ солнца. Въ хижинахъ зашевелилис
Запылали огни...

Осужденный съ замираніемъ сердца ждалъ появле
людей. Но проходилъ часъ за часомъ, а къ нему ни
не являлся. Уже на рѣкѣ было видно нѣсколько чел
ковъ, скользившихъ по разнымъ направленіямъ;
цѣлая партія охотниковъ переправилась съ острова

правый берегъ; уже женщины черпали не въ первый разъ воду для обѣда, а открытая площадка, со вкопаннымъ въ землю столбомъ и привязаннымъ къ нему страдальцемъ, по прежнему оставалась пустою.

Солнце высоко поднялось надъ горизонтомъ, и озноб, который мучилъ осужденнаго утромъ, совершенно исчезъ, уступивъ мѣсто жару. Чувство жажды, ни на минуту не ослабѣвавшее, усилилось до страшнаго мученія. Вся кожа невыносимо горѣла и мѣстами начала слѣзать. Мухи причиняли сильныя страданія. Къ головѣ, ничѣмъ не защищенной отъ прямыхъ лучей солнца, прилила кровь. Въ вискахъ стучало. Глаза воспалились. Во рту не было ни капли влаги. Губы потрескались, и изъ нихъ начинала сочиться кровь, которую страдалецъ постоянно облизывалъ. Въ довершеніе мученій, по всему тѣлу распространилась непреоборимая слабость. Подкашивавшіяся ноги отказывались служить, и тѣло по временамъ повисало на глубоко врѣзавшихся въ него ремняхъ, вокругъ которыхъ образовались опухоли и гнойныя раны. Только невыносимая боль заставляла несчастнаго становиться опять на ноги.

Былъ полдень. Вдругъ изъ одной изъ хижинъ вышло двое воиновъ, которые несли въ рукахъ медъ. Одинъ изъ нихъ, ни слова не говоря, поднесъ несчастному ко рту кусокъ сота и, когда тотъ не изъявилъ желанія ѣсть, то онъ насильно вложилъ ему въ ротъ. Волей-неволей приходилось ѣсть, хотя жажда и жженіе отъ этого увеличились. Другой воинъ тѣмъ временемъ опять натеръ тѣло медомъ. Это было сдѣлано настолько грубо, что почти вся кожа на тѣлѣ поотставала, и клочья ея всюду торчали. Несчастный стоналъ отъ боли и со слезами на глазахъ просилъ своихъ мучителей оставить

его въ покоѣ. Но они продолжали свое дѣло, словно ничего не слыша.

— Пить! Дайте мнѣ хоть каплю воды!— умолялъ онъ.

Но напрасны были мольбы и просьбы. Воины ушли, соблюдая строжайшее молчаніе.

Къ вечеру тѣло страдальца сильно распухло. Ему казалось, что всѣ его члены были обварены кипяткомъ. На лицѣ показались пузыри, которые лопались, обнажая живое мясо. Глаза едва были видны изъ-за окружавшей ихъ опухоли. Несчастный началъ кричать, стонать, призывать своихъ братьевъ, сестру. Все напрасно. Никто не являлся, какъ будто страдалецъ былъ въ пустынѣ, а не среди своего племени, своихъ родственниковъ.

Передъ самымъ заходомъ солнца показались дождевыя облака. Повѣяло прохладою. Сталъ накрапывать маленькій дождикъ. Несчастный юноша силился раскрывать ротъ, ловя драгоцѣнныя капли. Но ихъ было слишкомъ мало, да и самый процессъ раскрыванія рта, который представлялъ собою сплошную, глубоко потрескавшуюся, кровоточивую рану, былъ до крайности болѣзненъ. Дождь, однако, продолжался не болѣе четверти часа. Онъ только усилилъ мученія жажды.

Опять настала ночь. Она была несравненно мучительнѣе предыдущей. Бѣдный юноша отъ слабости уже не держался на ногахъ, а большею частью висѣлъ на ремняхъ. Послѣдніе, благодаря этому, врѣзались до самыхъ костей. На третій день его уже не мазали медомъ, потому что запахъ гніющаго тѣла и безъ того привлекалъ массу мясныхъ мухъ. Нѣсколько кусковъ меду однако все-таки впихнули въ ротъ несчастному.

Что чувствовалъ онъ, невозможно даже представить себѣ. Снаружи все тѣло его представляло собою сплош-

ную гніющую рану, а внутри—пищеводъ, желудокъ и кишки, отъ постояннаго употребленія меда, горѣли, какъ въ огнѣ. По временамъ эта боль была такъ сильна, что ее можно было сравнить только съ ощущеніемъ налитаго въ кишки кипятку или даже расплавленнаго свинца.

Къ вечеру, боясь, чтобы несчастный не умеръ раньше времени, ему стали давать воду. Это его нѣсколько облегчало, но не надолго. Вскорѣ жженіе начиналось снова. Ужасныя страданія, которыя испытывалъ этотъ несчастный полуребенокъ, описать невозможно. Ни кисть, ни слово не въ состояніи передать даже сотой части его мученій.

— Убей меня, братъ!— едва прохрипѣлъ страдалецъ, завидѣвъ въ отдаленіи направлявшагося къ рѣкѣ воина, въ которомъ онъ узналъ своего брата. — Ты можешь не подходить ко мнѣ... Спусти только стрѣлу... Умоляю тебя, не откажи своему несчастному брату въ этой послѣдней услугѣ!!..

Неизвѣстно, слышалъ тотъ что-нибудь, или нѣтъ, только онъ даже не обернулся въ сторону страдальца, сѣлъ въ челнокъ и уѣхалъ на противоположный берегъ. Страшное, невыразимое отчаяніе охватило несчастнаго, когда онъ убѣдился, что даже въ этой его просьбѣ ему отказывали люди, притомъ его родные. Къ горлу его подступили рыданія и слезы; слезы ужаснаго, невыразимаго страданія, сердечной боли, обманутыхъ ожиданій и глубокаго отчаянія хлынули изъ гноившихся глазъ.

Опять ночь, но уже проведенная въ забытьѣ, и новый ужасный мучительный день. Воду давали теперь очень часто, но, повидимому, она уже не оказывала значительнаго дѣйствія. Несчастный юноша уже умиралъ...

Въ полдень раздались звуки рога, и племя двинулось, по приказанію вождя, къ мѣсту страшной казни. Картина, представлявшаяся взорамъ подошедшихъ близко, была до того ужасна, до того отвратительно-страшна, что даже эти дикіе люди содрогнулись.

Вмѣсто цвѣтущаго молодого человѣка, едва начинавшаго жизнь, племя увидѣло какую-то длинную красноватую смрадную массу. Вглядѣвшись пристальнѣе, можно было различить, что эта масса нѣкогда представляла собою человѣка, по крайней мѣрѣ, судя по головѣ и другимъ костямъ, отъ которыхъ большею частью уже отдѣлилось мясо. Одинъ глазъ несчастнаго совершенно вытекъ; другой же хотя и былъ еще цѣлъ, но, должно быть, ничего не видѣлъ, потому что по нему ползали бѣловатые черви (личинки *), которыми кишѣло это заживо съѣдаемое тѣло. Волосы съ головы слѣзли; ребра были почти оголены, и сквозь нихъ мѣстами виднѣлись внутренности; животъ вздулся и представлялъ изъ себя какую-то копошившуюся въ разныхъ направленіяхъ, страшно-отвратительную кучу; съ ногъ мясо сползло внизъ, на землю, и тамъ продолжалось тоже копошеніе... Словомъ, тутъ не было уже человѣка, и трудно было разсчитывать, чтобы въ немъ сохранилась хоть искра жизни,—вѣроятно, она уже потухла, хотя, кто знаетъ, — вѣдь человѣкъ иногда бываетъ живучъ...

— Смотрите!... Видите?!...—произнесъ старый вождь мрачно.—Вотъ, какъ умираютъ воры! Пусть же каждый изъ

*) Нѣкоторыя изъ двукрылыхъ, какъ напримѣръ, мясная муха, Вольфартова муха (Sarcophila Wolfartii) и др. кладутъ яйца съ сильно развитыми личинками, а послѣдняя кладетъ даже прямо живыхъ личинокъ.

васъ помнятъ эту смерть и разскажетъ о ней своимъ будущимъ дѣтямъ и внукамъ....

Затѣмъ, по приказанію вождя, были перерѣзаны ремни, и тѣло рухнуло въ яму, обдавъ всѣхъ невыносимымъ смрадомъ. Не стану описывать ужаснаго зрѣлища, представившагося взорамъ толпившихся кругомъ ямы; имъ даже казалось, что эта ужасная масса еще жива, что она шевелится...

Яму закопали, а столбъ такъ и остался на мѣстѣ, служа постояннымъ напоминаніемъ страшной казни, изобрѣтенной первобытнымъ человѣкомъ за кражу общественной собственности.

IX.

Жертвоприношеніе.—Тревога.

Который уже разъ со времени счастливаго поселенія на островѣ восходитъ солнце надъ горизонтомъ, и старый вождь съ благоговѣніемъ привѣтствуетъ лучезарное божество, видимо покровительствующее племени; а между тѣмъ до сихъ поръ еще не устроено достойнаго мѣста для жертвоприношеній. Сегодня, идя вдоль берега рѣки, старикъ случайно обратилъ вниманіе на громадный, обросшій мхомъ камень, который лежалъ въ оврагѣ у подножія старой осины. Вернувшись на островъ, вождь приказалъ двумъ воинамъ созвать все племя. Сильные звуки зубровыхъ роговъ, въ которые затрубили воины, пронеслись въ воздухѣ, вызвавъ всѣхъ изъ хижинъ.

— Помните-ли вы — торжественно началъ старикъ, — когда, убѣгая отъ преслѣдованія враговъ, мы обѣщали возблагодарить свѣтлое божество дня за наше спасеніе? Теперь настало время, когда наконецъ можно приступить къ исполненію обѣщанія...

Затѣмъ, обратясь къ двумъ младшимъ вождямъ, онъ объяснилъ имъ, что слѣдуетъ дѣлать. Тотчасъ же нѣсколько десятковъ воиновъ, взявъ съ собою кирки, мотыки, топоры, арканы и т. п., переправились на берегъ, гдѣ лежалъ камень, и тѣмъ временемъ, пока часть людей разрывала кругомъ послѣдняго землю и устраивала гладкій скатъ къ берегу, другая занялась рубкою нѣсколькихъ чудовищной величины сосенъ. Окончивъ эту работу и очистивъ деревья отъ вѣтвей, ихъ перетащили къ рѣкѣ и спустили на воду. Изъ бревенъ, связанныхъ попарно на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образовали нѣчто вродѣ моста или, правильнѣе, кладки. Тогда, собравшись вмѣстѣ, воины съ большимъ трудомъ дотащили каменную глыбу до ската, по которому ее и спустили. Громадный столбъ воды взлетѣлъ кверху, когда, скатившись внизъ, камень стремительно обрушился на бревна, которыя подъ этою тяжестью сильно подались. Къ счастью, однако, этотъ примитивный мостъ выдержалъ первый ударъ глыбы. Затѣмъ, при помощи рычаговъ и аркановъ, камень былъ перетащенъ на островъ. Торжествующій крикъ всего племени, собравшагося на берегу, привѣтствовалъ счастливое окончаніе труднаго дѣла. Разобравъ ненужный теперь мостъ, камень покатили общими силами въ назначенное для него мѣсто подъ деревьями.

На другой день, вооружившись топорами и молотами, воины пошли къ камню. Обозначивъ сверху его посре-

динѣ кругъ, старый вождь сдѣлалъ нѣсколько ударовъ топоромъ и затѣмъ сошелъ внизъ. По знаку его нѣсколько человѣкъ вскочили на камень и начали высѣкать углубленіе. Уже солнце совсѣмъ скрылось за горизонтомъ, окрашивая облака самыми яркими цвѣтами, отъ пурпура и расплавленнаго золота до нѣжныхъ оттѣнковъ аметиста, когда окончилась работа. Измученные работники улеглись спать. Но при первыхъ проблескахъ дня все племя отъ мала до велика поднялось на ноги и направилось къ камню. Кругомъ его въ первыхъ рядахъ стали воины, а за ними женщины и дѣти. Старый вождь взошелъ на камень, разложилъ въ углубленіи костеръ изъ сухихъ смолистыхъ вѣточекъ, на ко-

«Сильные звуки зубровыхъ роговъ пронеслись въ воздухѣ».

торыя сверху положилъ душистыхъ травъ, зажегъ его и, оборотясь къ востоку, сталъ ждать восхода свѣтила. Лишь только лучи его, прорѣзавъ тучи, блеснули изъ-за дали лѣса, вождь простеръ къ божеству руки и въ какомъ-то молитвенномъ восторгѣ воскликнулъ:

— Привѣтствуемъ тебя, богъ свѣта и добра! Ты сохранилъ намъ жизнь и свободу, даровалъ спокойствіе и благосостояніе... Прими же теперь нашу жертву!

Произнося эти слова, старецъ снялъ съ пояса свой острый ножъ и повернулся къ костру, куда нѣсколько воиновъ поднесли оленя съ туго связанными ногами. Пойманное въ одну изъ ямъ-западней, бѣдное животное смотрѣло на человѣка своими большими ясными глазами, въ которыхъ видно было страданіе вмѣстѣ съ непониманіемъ всего ужаса грозящей ему опасности. Взявъ одною рукою оленя за рога, жрецъ приподнялъ его граціозную головку и вонзилъ свой длинный ножъ въ горло. Кровь хлынула изъ раны и потекла на огонь, который, словно протестуя противъ безполезнаго убійства, при каждомъ вздрагиваніи жертвы, увеличивавшемъ кровавую струю, издавалъ зловѣщее шипѣніе. Старый вождь смотрѣлъ на предсмертныя судороги животнаго, стараясь угадать по нимъ судьбу племени. Долго мучилось бѣдное созданіе, все болѣе и болѣе заливая огонь своею кровью, а лицо жреца начинало съ каждою лишнею, противъ обыкновенія, минутою страданій жертвы омрачаться. Наконецъ по тѣлу животнаго пробѣжала судорога, ноги его вытянулись, а изъ прекрасныхъ открытыхъ глазъ выкатились двѣ крупныя слезы. Пламя костра на мгновеніе вспыхнуло и стало тухнуть. Вождь бросилъ въ него нѣсколько пучковъ ароматическихъ травъ и молча погрузился въ созерцаніе завитковъ дыма.

Съ тѣхъ поръ каждое утро, при восходѣ солнца, старый вождь отправлялся къ камню и наблюдалъ здѣсь за горѣніемъ травъ, стараясь прочесть въ причудливыхъ формахъ дыма судьбу племени. Однажды, взявъ съ собою нѣсколько воиновъ, онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ

«Устремивъ вдаль свой взоръ, старикъ убѣдился въ печальной истинѣ».

была пещера. Въ то время, какъ старикъ собиралъ нужныя для жертвоприношенія травы, сопровождавшіе его воины нѣсколько отдалились отъ него. Вдругъ вождь услышалъ тревожный крикъ, и вскорѣ, задыхаясь отъ волненія, прибѣжалъ одинъ воинъ съ извѣстіемъ, что на противоположномъ берегу рѣки вдали видѣнъ столбъ дыма. Бросивъ набранныя травы, вождь быстро пошелъ

къ тому мѣсту горы, съ котораго было сдѣлано зловѣщее открытіе. Устремивъ пытливый взоръ по указанному направленію, старикъ убѣдился въ печальной истинѣ.

— Домой!— произнесъ онъ въ сильномъ волненіи и торопливо началъ спускаться съ горы, сопровождаемый молчаливо слѣдовавшими за нимъ воинами.

Черезъ нѣкоторое время онъ обернулся къ одному изъ нихъ и сказалъ:

— Ступай туда, но осторожно!... Узнай и скорѣй назадъ!...

Почтительно выслушавъ приказаніе, воинъ быстрыми шагами удалился. Между тѣмъ остальные, дойдя до берега, стали внимательно вглядываться въ окружающее пространство и только послѣ того, какъ убѣдились, что нѣтъ ничего подозрительнаго, переправились на спрятанной въ кустахъ лодкѣ на островъ. Издавъ троекратный крикъ рѣчной скопы, что на условномъ языкѣ поселенцевъ означало осторожность и призывъ къ начальнику, вождь направился къ жертвенному камню. Здѣсь, окруженный племенемъ, стоявшимъ въ напряженномъ ожиданіи, старикъ сказалъ тихимъ отрывистымъ голосомъ:

— Враги близко... Огней не зажигать... Тишина и бдительность... Быть готовымъ къ бою... Удвоить караулъ!..

Солнце скрылось за лѣсомъ. Племя разошлось по хижинамъ, соблюдая возможную тишину. Матери строго приказывали дѣтямъ молчать, закрывая рукою ротъ тѣмъ изъ нихъ, которыя, еще не понимая словъ, плакали или инымъ образомъ выражали свои чувства. Прошло часа два. Взошла луна, освѣщая мирную кар-

тину, повидимому, спящаго, но въ дѣйствительности, за немногими исключеніями, почти поголовно бодрствовавшаго поселенія. Вдругъ среди тишины ночи на водѣ послышался слабый плескъ. Нѣсколько воиновъ прокрались къ тому концу острова, откуда слышался шумъ, и приготовили оружіе. Съ лѣваго берега по водѣ что-то плыло, направляясь къ островку, но нельзя было различить, животное-ли это или человѣкъ. Двое воиновъ, съ луками въ рукахъ, ожидали приближенія неизвѣстнаго, который вскорѣ выплылъ на освѣщенную луною поверхность воды. Это былъ человѣкъ. Уже одинъ изъ воиновъ готовъ былъ спустить стрѣлу, какъ со стороны плывущаго послышался тихій свистъ бѣлки. Тотчасъ же воины опустили оружіе и вышли изъ-за скрывавшихъ ихъ кустовъ. Пловецъ оказался посланнымъ на развѣдки воиномъ, котораго всѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали.

Подойдя къ вождю, онъ разсказалъ, что ему удалось подкрасться къ врагамъ настолько близко, что можно было опредѣлить не только приблизительную ихъ численность, но оказалось возможнымъ различить даже главнѣйшія особенности племеннаго состава враговъ. По всѣмъ признакамъ это было племя очень большое, состоявшее изъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, но послѣдніе были нисколько непохожи на тѣхъ изъ бѣлоглазыхъ короткоголовыхъ, которые входили въ составъ племени нашихъ островитянъ. Кромѣ того, развѣдчикъ не могъ не обратить вниманія и еще на одно довольно знаменательное обстоятельство. Сопоставляя число воиновъ съ количествомъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, легко было видѣть, что воиновъ было болѣе, чѣмъ вдвое меньше противъ обыкновенной нормы, обусловливаемой безопасностью племени.

Слушая реляцію воина, вождь становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

Наконецъ онъ спросилъ:

— Откуда они идутъ?

Воинъ указалъ рукою вдоль по теченію рѣки.

— Они должны насъ замѣтить,—сказалъ почти про себя старый вождь, грустно поникнувъ головою.

Потомъ, повторивъ всѣ свои прежнія распоряженія и выслушавъ мнѣнія молодыхъ вождей, онъ махнулъ рукою воинамъ удалиться.

X.

Нападеніе враговъ.—Благодарственное жертвоприношеніе.

Въ то время, когда происходило это совѣщаніе, отъ праваго берега отдѣлился небольшой челнокъ, направлявшійся къ островку неслышными ударами весла. За челнокомъ плыли двѣ крупныхъ собаки, представлявшихъ собою нѣчто среднее между современною кровяною собакою и тяжелою легавою. Тихо причаливъ къ берегу, сидѣвшій въ лодкѣ воинъ осторожно высадился и неслышными шагами сталъ пробираться среди камышей. Собаки, подражая всѣмъ движеніямъ своего хозяина, тихо крались сзади. Осмотрѣвъ мѣстность [illegible] фигур[illegible] [illegible] въ которомъ нетрудно было по мощной [illegible] похитителя [illegible] нѣсколько лѣтъ тому назадъ [illegible] костистую [illegible] вождь,—вынулъ изъ-за пояса [illegible] [illegible] [illegible] на ней число [illegible].

«Воинъ неслышными шагами сталъ пробираться среди камышей»...

образомъ, снять ихъ, онъ столь же тихо переправился опять на правый берегъ. Такъ онъ взялъ лодку на плечи и быстро зашагалъ вверхъ по рѣкѣ. Отдалившись на порядочное разстояніе, онъ снова сѣлъ въ челнокъ и переправился на противоположный берегъ, гдѣ недалекѣ расположились его племи. Лай собакъ, бросившихся навстрѣчу приходящему, испугалъ воиновъ, которые вскорѣ, однако, успокоились, узнавъ своего вождя.

Издавъ громкій крикъ, напугавшій все племя изъ кожаныхъ шатровъ, предводитель обратился къ окружавшимъ его воинамъ съ рѣчью, въ которой сообщилъ объ открытіи поселенія и призывалъ къ нападенію на островитянъ.

— Къ чему намъ искать себѣ мѣста для поселенія, къ чему намъ строить себѣ хижины, когда такъ недалеко находятся готовыя?—говорилъ онъ.—Нападемъ на нихъ и возьмемъ себѣ.

Тогда изъ среды слушателей выступилъ старикъ.

— Вѣдь ты же самъ насчиталъ,—возразилъ онъ,—что враговъ много, больше насъ, какъ же намъ нападать на нихъ? Лучше обождемъ возвращенія нашихъ товарищей съ большой охоты, тогда...

— Э, что съ тобою говорить! Ты не воинъ, а баба... Насъ немного меньше, зато мы застанемъ ихъ совершенно врасплохъ и, конечно, одолѣемъ. Не будемъ же терять времени, идемъ на нихъ!..

— Идемъ, идемъ! — крикнули воины, а старикъ только покачалъ головою, ни слова уже не возражая.

Поспѣшно вооружившись, племя направилось къ рѣкѣ, соблюдая строжайшую тишину. Оставивъ на берегу стариковъ и дѣтей съ нѣсколькими женщинами, воины

усѣлись въ лодки, посадивъ въ нихъ и остальныхъ женщинъ. Послѣднія имѣли въ рукахъ корзины съ шарами изъ сухой глины, внутри наполненными горящими угольями. Вся эта флотилія, предводительствуемая молодымъ вождемъ, двигалось на рѣкѣ въ полнѣйшемъ безмолвіи. Только разъ, когда лодки переплывали открытое, незатѣненное деревьями пространство, на которое падалъ серебристый свѣтъ луны, со стороны острова какъ-будто раздался слабый звукъ, словно стрекотаніе сверчка.

Тогда женщина, ѣхавшая въ лодкѣ молодаго вождя, приложила палецъ къ губамъ и тихо шепнула:

— Слышалъ?

Мужъ пожалъ плечами, словно желая сказать, что теперь отступать уже поздно, но авось еще удастся. И дѣйствительно, подъѣхавъ къ острову и выйдя на берегъ, никто не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Все было такъ тихо, что нападающіе, которые привыкли по ночамъ слышать у себя лай сторожевыхъ собакъ, были даже поражены этою зловѣщею тишиною. Въ особенности жутко было женѣ молодого предводителя, которая, какъ легко догадаться, была похищенная дочь вождя островитянъ. Изъ всѣхъ женщинъ племени только одна она взяла съ собою маленькаго сына, не желая оставлять его на попеченіи другихъ женщинъ. Теперь, когда всѣ вышли изъ лодокъ и стали подкрадываться къ хижинамъ, женщины,—раздувая угли въ глиняныхъ шарахъ, мужчины,—держа на-готовѣ оружіе, она приказала ребенку молча сидѣть въ лодкѣ и не вылѣзать изъ нея, а для охраны его оставила двухъ большихъ собакъ своего мужа. Потомъ она поспѣшила за воинами. Подойдя близко къ хижинамъ, женщины

побросали свои шары на сухія камышевыя крыши, послѣ чего побѣжали назадъ и, кинувшись въ воду, поплыли къ лѣвому берегу. Осталась одна только жена предводителя.

Хотя большинство этихъ примитивныхъ зажигательныхъ снарядовъ не достигло цѣли, попавъ на негорючую часть крыши и раньше времени свалившись съ нея или, наконецъ, вовсе не разбившись, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя хижины начали горѣть...

Издавъ дикій военный кличъ, молодой вождь устремился тогда впередъ, потрясая своимъ чудовищнымъ молотомъ. За нимъ съ неменѣе пронзительными криками бросились всѣ воины. Вдругъ передъ ними словно изъ земли выросла стѣна живыхъ тѣлъ съ торчащею изъ нея щетиною копій, топоровъ, палицъ и т. п. оружія, и цѣлый градъ камней и стрѣлъ полетѣлъ на нападающихъ. Въ первое время неожиданный отпоръ произвелъ нѣкоторое замѣшательство, но, воодушевленные примѣромъ молодаго своего предводителя, который, врѣзавшись въ толпу враговъ, производилъ въ нихъ сильное опустошеніе, воины съ яростью напали на островитянъ. Каждый ударъ молота молодаго вождя повергалъ врага на землю съ раздробленнымъ черепомъ, плечомъ или инымъ членомъ. Вокругъ богатыря, со свистомъ вертѣвшаго свой молотъ надъ головою, образовалось пустое пространство. Всѣ съ ужасомъ отскакивали отъ этого страшнаго, какъ буря завывающаго оружія. Вдругъ навстрѣчу молодому вождю выступилъ высокій сѣдобородый старецъ, самъ предводитель осажденныхъ. Оба вождя на мгновеніе остановились, бросая другъ на друга молніеносные взгляды, словно измѣряя силы противника. Зарево пожара и факелы женщинъ осаж-

деннаго племени — съ одной стороны, и свѣтъ луны — съ другой, освѣщали обѣ эти фигуры. Въ одной видны необычайная сила, ловкость и молодой задоръ, въ другой — многолѣтняя боевая опытность, желѣзная стойкость, увѣренность удара и непоколебимое мужество.

«Завязался отчаянный бой».

Вдругъ молодой вождь поднялъ свой громадный молотъ и со страшною силою опустилъ его на голову врага. Подъ этимъ ударомъ не устоялъ-бы и черепъ слона, не только человѣка. Но старикъ предвидѣлъ его. Быстрѣе молніи поднялъ онъ свою палицу и косо подставилъ ее подъ молотъ, который только скользнулъ

по ней, не причинивъ вреда головѣ старика. Однако сила удара была все-таки настолько велика, что палица задрожала и вывалилась изъ руки. Старикъ сдѣлалъ скачекъ назадъ и, вырвавъ изъ рукъ одного воина копье, метнулъ его въ противника. Послѣдній быстро опустился на колѣно, такъ что дротикъ, просвистѣвъ надъ головою, поразилъ въ грудь стоявшаго сзади воина. Проклятіе вырвалось изъ стиснутыхъ зубовъ стараго вождя, передъ которымъ въ одинъ прыжокъ уже очутился его противникъ съ поднятымъ надъ головою молотомъ. Согнувшись и держа въ рукѣ длинный жертвенный ножъ, ждалъ старикъ удара. Видно было, что онъ разсчитывалъ, увернувшись, поразить своего молодаго противника въ грудь. Но вдругъ кѣмъ-то пущенная стрѣла вонзилась въ руку, державшую молотъ, который изъ нея и вывалился. Въ одно мгновеніе десятокъ ударовъ палицъ и топоровъ обрушился на молодаго вождя. Онъ зашатался и упалъ. Какъ-разъ въ это время одна изъ хижинъ ярко вспыхнула, озаривъ послѣднюю сцену. Испустивъ пронзительный крикъ отчаянія, устремилась молодая женщина къ упавшему на ея глазахъ мужу. Этотъ дикій крикъ словно придалъ нападающимъ силы и энергію и они устремились впередъ. Натискъ ихъ былъ такъ силенъ, что противники подались назадъ къ самымъ хижинамъ, гдѣ завязался отчаянный бой...

Между тѣмъ молодая женщина, уже не сомнѣвавшаяся болѣе въ печальномъ исходѣ сраженія, подняла своего израненнаго, безчувственнаго мужа и съ усиліемъ перетащила его къ лодкѣ. Уложивъ его тамъ на днѣ, она оттолкнула челнокъ отъ берега и быстро обогнула островъ. Собаки сначала попытались было плыть за нею,

по потомъ, сообразивъ, побѣжали вдоль берега. Женщина направила челнокъ внизъ по теченію, справедливо разсуждая, что ѣхать къ оставшимся на лѣвомъ берегу людямъ племени не было смысла, такъ какъ послѣ побѣды островитяне прежде всего направятся туда. Отъѣхавъ версты четыре, она направила лодку къ правому берегу и осторожно, чтобы не потревожить раненаго, причалила къ поросшему камышемъ берегу.

Тѣмъ временемъ участь нападающихъ была рѣшена. Человѣкъ двадцать изъ нихъ лежали на землѣ, связанные по рукамъ и ногамъ. Они всѣ, безъ исключенія, были ранены; убитыхъ же было значительно болѣе. Сраженіе окончилось, но побѣдители были еще заняты преслѣдованіемъ спасавшихся бѣгствомъ. Тѣ изъ послѣднихъ, кому удалось вскочить въ лодки, имѣли еще слабую надежду какъ-нибудь уйти отъ преслѣдованія, скрывшись въ лѣсу; остальные же, побросавшись въ воду и не имѣя силъ отъ потери крови плыть, почти всѣ утонули или были убиты.

Занималась заря, и ея слабый розоватый свѣтъ, смѣшиваясь съ заревомъ догорающаго пожара, придавалъ всей этой картинѣ послѣ боя зловѣщій оттѣнокъ. Пока часть воиновъ преслѣдовала враговъ или занималась добиваніемъ умирающихъ, а другая — отправилась захватить въ плѣнъ дѣтей и женщинъ, на островѣ происходила отвратительная сцена издѣвательства надъ ранеными плѣнниками. Окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, женщины и дѣти плевали имъ въ лицо, бросали въ глаза грязью, кололи, щипали. Все это сопровождалось градомъ ругательствъ, проклятій и насмѣшекъ. Вдругъ, къ толпѣ подошелъ старый вождь.

— Прочь! — отрывисто крикнулъ онъ, нахмуривъ свои сѣдыя брови.

Но разъяренныя мегеры не слышали его приказанія. Тогда, схвативъ одну изъ самыхъ назойливыхъ за волосы, старикъ швырнулъ ее о землю, а другимъ сталъ наносить удары попавшеюся ему подъ руку палкою. Это средство произвело желательное дѣйствіе.

Обходя раненыхъ, вождь внимательно всматривался каждому изъ нихъ въ лицо, ища предводителя, но его не было ни здѣсь, ни среди убитыхъ. Въ это время были приведены захваченныя въ плѣнъ женщины, старики и дѣти. Изъ воиновъ никого не удалось взять живьемъ, потому что они защищались отчаянно. Вождь спросилъ вернувшихся, гдѣ предводитель. Но никто не могъ дать о немъ свѣдѣній. Всѣ видѣли, какъ онъ упалъ, а между тѣмъ его нигдѣ не было. Кто-то сказалъ, что ему показалось будто молодой вождь бросился въ рѣку и, вѣроятно, утонулъ, но навѣрно никто ничего не зналъ. Старикъ слушалъ всѣ эти предположенія, и лицо его съ каждою минутою дѣлалось мрачнѣе. Наконецъ, досадливо махнувъ рукою, онъ отвернулся отъ воиновъ и пошелъ въ свою хижину. Черезъ нѣкоторое время онъ вышелъ оттуда, одѣтый въ нѣчто вродѣ короткаго плаща изъ связанныхъ между собою перьевъ орлана-бѣлохвоста и съ размалеванными красною охрою лицомъ, руками и грудью. Этотъ необыкновенный нарядъ, а еще болѣе странные узоры, придававшіе всегда спокойному, полному достоинства лицу старика страшное, отталкивающее выраженіе, — произвели на окружающихъ сильное впечатлѣніе. Съ замираніемъ сердца ждали они, что будетъ дѣлать вождь.

Подозвавъ къ себѣ двухъ молодыхъ своихъ помощниковъ, онъ сказалъ имъ вполголоса нѣсколько словъ,

послѣ чего направился къ жертвенному камню въ сопровожденіи двухъ десятковъ воиновъ. Тотчасъ же начались приготовленія къ благодарственному жертвоприношенію и похоронамъ девяти убитыхъ въ сраженіи воиновъ. Лишь только все было окончено, раздались призывные звуки рога. Девять носилокъ съ покойниками, выстроившись въ затылокъ другъ другу, двинулись къ жертвеннику, соблюдая торжественную медленность въ движеніяхъ и полнѣйшую тишину. За ними шло десятка два воиновъ, которые тащили убитыхъ враговъ по землѣ, зацѣпивъ ихъ арканами за ноги. Плѣнные, которымъ теперь развязали ноги, истекая кровью, сочившеюся изъ ранъ, едва тащились за своими убитыми товарищами. Ихъ окружали со всѣхъ сторонъ воины, бдительный надзоръ которыхъ устранялъ возможность всякой попытки къ бѣгству, тѣмъ болѣе, что несчастныхъ связывалъ еще между собою длинный ремень. За ними слѣдовали тоже связанныя женщины и дѣти побѣжденныхъ. Шествіе заключалось женщинами, стариками и дѣтьми побѣдителей.

Приблизившись къ жертвеннику, кругомъ котораго были разложены громадные незажженные костры, процессія остановилась. Покойниковъ уложили на землѣ въ одинъ рядъ, а въ ногахъ ихъ помѣстили убитыхъ враговъ. Съ одной стороны мертвыхъ были расположены плѣнные мужчины, съ другой—ихъ жены и дѣти. Затѣмъ все это было окружено кольцомъ воиновъ, за которыми стали остальные члены племени. Въ самой срединѣ этого живаго кольца находился жертвенный камень, на которомъ стоялъ жрецъ-предводитель.

— Вы предательски напали на насъ,—торжественно началъ онъ, обращаясь къ плѣннымъ воинамъ, — но

свѣтлое божество покровительствуетъ нашему племени: оно не допустило насъ быть побѣжденными вами. Взгляните сюда! Вотъ ваши жены и дочери рабынями у нашихъ женщинъ; вашимъ мальчикамъ не суждено быть воинами, а вашимъ старцамъ—увидѣть еще хоть разъ восходъ солнца,—всѣ они, подобно вамъ, будутъ принесены ему въ жертву!... Такъ прими же ее отъ насъ!—закончилъ старикъ свою рѣчь, снимая съ пояса ножъ и простирая другую руку къ солнцу.

По знаку вождя, нѣсколько воиновъ, перерѣзавъ ремень, соединявшій одного изъ плѣнныхъ съ остальными, втащили его на камень и поставили передъ жрецомъ на колѣни. Тогда, взявъ лѣвою рукою жертву за волосы, онъ вонзилъ другою свой длинный ножъ ей въ горло. Брызнувшая изъ артеріи кровь облила грудь и бороду жреца. Отъ опьяняющаго запаха крови имъ овладѣло ужасное остервенѣніе, которое съ каждою минутою усиливалось. Столкнувъ съ камня ударомъ ноги еще трепетавшее тѣло, съ глазами, горѣвшими мрачнымъ огнемъ, старикъ крикнулъ глухимъ голосомъ, чтобы подавали слѣдующаго. Новая жертва, подобно предыдущей, не оказывала ни малѣйшаго сопротивленія. На ея лицѣ выражалась какая-то не то апатія, не то сознаніе, что иначе и быть не могло; побѣжденный долженъ умереть. Новый ударъ ножомъ,—и алая струя крови, обливая камень, потекла въ углубленіе, а трупъ съ перерѣзаннымъ горломъ черезъ мгновеніе полетѣлъ къ подножію камня, гдѣ его уже ожидало нѣсколько человѣкъ дикарей, жаждавшихъ теплой крови врага. Еще жертва, еще и еще... Съ лицомъ, вымазаннымъ кровью, дико сверкающими глазами и прерывистымъ дыханіемъ, вырывавшимся изъ груди со свистомъ,

жрецъ наносилъ ударъ за ударомъ, съ остервенѣніемъ поворачивая ножъ въ ранѣ, а тамъ внизу люди-звѣри пили и пили кровь, оспаривая другъ у друга дымящееся горло умирающаго... Плѣнные воины были уже всѣ умерщвлены; настала очередь старцевъ и дѣтей. Никому не было пощады... Кровь переполнила углубленіе и ручьями стекала на землю, а жрецъ все разилъ и разилъ... Наконецъ, плѣнные враги мужскаго пола были перерѣзаны. Съ дико блуждающимъ взоромъ старикъ осмотрѣлся кругомъ, словно ища новыхъ жертвъ. Со всѣхъ сторонъ раздавался страшный, душу леденящій вой дикарей, наслаждавшихся кровавымъ зрѣлищемъ, слышались стоны умирающихъ, плачъ и проклятіе ихъ женъ и дѣтей, свирѣпый хохотъ побѣдителей... Вождь смотрѣлъ и слушалъ, словно не понимая, что вокругъ него дѣлалось. Вдругъ глаза его, остановясь на нѣсколькихъ плѣнныхъ старухахъ, загорѣлись свирѣпымъ огнемъ.

— А они чего воютъ?! Жалко дѣтей? Такъ пусть и сами идутъ туда же! Вмѣстѣ веселѣе будетъ...

Старый дикарь захохоталъ.

Нѣсколько воиновъ, схвативъ несчастныхъ женщинъ за волосы, потащили ихъ къ жертвеннику.

— Куда?! Не думаете-ли вы, что и въ нихъ есть кровь?.. Бей ихъ такъ!..

И удары палицъ посыпались на головы бѣдныхъ старухъ, которыя уже были лишены того, что давало ихъ полу право на сохраненіе жизни.

Этою отвратительною сценою закончилась грандіозная человѣческая гекатомба. Божество дня, видимо, было удовлетворено, потому что на небѣ не было ни одного облачка; стояла невыносимая жара. Теперь нужно было заняться

погребеніемъ убитыхъ врагами воиновъ. Взваливъ тѣла принесенныхъ въ жертву на костры, ихъ подожгли. Столбы дыму и пламени поднялись кверху, наполняя раскаленный воздухъ запахомъ печенаго мяса и нестерпимымъ чадомъ пригорѣлаго жира. По мѣрѣ ослабѣванія огня, въ костры подбрасывали новыхъ дровъ до тѣхъ поръ, пока не перегорѣли кости. Тогда огни были потушены, а обугленныя кости собрали въ девяти большихъ глиняныхъ сосудахъ, по числу предназначаемыхъ къ погребенію покойниковъ. Женщины набрали въ корзины углей. Послѣ этого, поднявъ носилки съ мертвыми тѣлами, несшіе ихъ воины двинулись къ рѣкѣ. Впереди шелъ старый вождь, за нимъ четыре человѣка несли тѣло лучшаго изъ убитыхъ воина, за которымъ несли сосудъ съ пережженными костями и двѣ корзины углей. Тѣло другого воина, слѣдовавшее сзади людей, несшихъ корзины, сопровождалось тѣми же предметами. Въ такомъ порядкѣ тянулась вся похоронная процессія, въ хвостѣ которой двигались остальные люди племени. Женщины не плакали, а скорѣе выли...

У берега покойниковъ ожидали лодки. Каждаго изъ нихъ со всѣми погребальными принадлежностями помѣстили въ особой лодкѣ. Плывя по рѣкѣ, всѣ соблюдали полную тишину, нарушаемую лишь тихими всплесками веселъ. Женщинамъ запрещено было при этомъ голосить. Девять могилъ подъ корнями большихъ сосенъ ожидали покойниковъ. Всѣ они были вырыты въ В.-Ю.-В. направленіи. По ширинѣ каждая яма имѣла 90 сантиметровъ, а въ длину, сообразно съ ростомъ покойника, отъ 120 до 135 сантиметровъ. Тѣла, съ согнутыми колѣнями, положили головою къ З.-С.-З., повернувъ ее на лѣвую щеку, и подперли изогнутою правою рукою.

Тогда старый вождь обратился къ умершимъ съ короткою рѣчью, въ которой упоминалъ о совершившемся мщеніи надъ врагами. Послѣ этого, по знаку старика, угли были высыпаны на тѣла покойниковъ и равномѣрно распредѣлены по всей могилѣ, образовавъ слой толщиною въ 35 сантиметровъ. На уголья надъ самою головою покойниковъ было поставлено по сосуду съ пережженными костями, куда сверху по срединѣ положили по лучшему кремневому наконечнику. Все это было засыпано бѣловатымъ пескомъ вровень съ землею.

XI.

Дочь вождя.—Соединеніе племенъ.

Прошло нѣсколько дней. Казалось-бы, счастливое избѣжаніе опасности не давало повода къ тревожнымъ мыслямъ, между тѣмъ старый вождь имѣлъ постоянно угрюмый и озабоченный видъ. Причиною его тревоги было исчезновеніе съ поля битвы раненаго вождя побѣжденныхъ. До сихъ поръ слѣдовъ его не могли найти, а это обстоятельство въ связи съ полученнымъ отъ плѣнныхъ женщинъ извѣстіемъ о скоромъ возвращеніи другой половины воиновъ враждебнаго племени съ охоты,—имѣло слишкомъ зловѣщее значеніе. Наконецъ, не будучи въ силахъ отъ безпокойства оставаться на островѣ, вождь рѣшилъ самъ отправиться на поиски.

Взявъ съ собою десятка два—три воиновъ и оставивъ островъ подъ командою одного изъ молодыхъ вождей, старикъ направился въ ту сторону, гдѣ до сихъ поръ

Проговоривъ это, старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ на встрѣчу дочери.

— Нѣтъ, погоди, отецъ, еще не все. Скажи мнѣ, вѣдь тебѣ уже извѣстно, что воины, съ которыми пришлось вамъ сражаться и побѣдить, составляли меньшую половину племени, другая же часть должна скоро вернуться, а можетъ быть, уже и вернулась. Что тогда будетъ? Неужели ты думаешь, что они не отомстятъ за смерть своихъ братьевъ?

Она остановилась, словно наслаждаясь впечатлѣніемъ своихъ словъ, и потомъ продолжала.

— Хочешь-ли, чтобы они простили вамъ умерщвленіе своихъ товарищей, отцовъ, братьевъ? Мало того, чтобы они соединились съ вами для борьбы съ другими врагами? Отвѣчай мнѣ, хочешь-ли?

Старикъ угрюмо молчалъ, наконецъ, поднялъ голову и сказалъ:

— Это невозможно.

— Ты думаешь? А я говорю—возможно. Обѣщай же мнѣ, что ты сдѣлаешь то, о чемъ я буду просить,— это очень нетрудно. И тогда невозможное сдѣлается возможнымъ. Согласенъ?

Послѣ минутнаго колебанія, старикъ молча кивнулъ головою.

— Пощади моего израненнаго мужа, сдѣлай его своимъ сыномъ,—и люди его племени будутъ твоими друзьями.

— Какъ?! Мнѣ пощадить того, кто посвященъ свѣтлому богу?!...

— Да, именно его, а не то, кто знаетъ, можетъ быть тебѣ самому придется быть принесеннымъ въ жертву...

женно работалъ, стараясь найти выходъ изъ поставленной ему дилеммы, но ничего выдумать не могъ. Недаромъ женщина, сидя у изголовья полуживаго мужа, употребила нѣсколько дней на обдумываніе своего плана.

— Хорошо. Я дарую жизнь и свободу твоему мужу,— сказалъ, наконецъ, старый вождь.

Тогда она сошла съ обрыва и упала къ ногамъ отца. Растроганный старикъ ласково поднялъ свою дочь.

— Гдѣ же твой мужъ?—спросилъ онъ ее.

— Онъ здѣсь въ дуплѣ стараго дуба, но еще очень слабъ. Если бы не наши вѣрныя собаки, — животныя при этомъ завиляли хвостами,—то насъ-бы давно уже растерзали хищные звѣри.

Дѣйствительно, въ дуплѣ на подстилкѣ изъ мха лежалъ молодой вождь. Блѣдный, едва живой, онъ представлялъ собою тѣнь прежняго богатыря. Увидѣвъ приближающуюся толпу, онъ хотѣлъ вскочить на ноги, но силы едва позволили ему только слегка приподняться. Старикъ приказалъ двумъ воинамъ помочь ему встать. Стоя передъ вождемъ, молодой человѣкъ, который прежде могъ однимъ ударомъ кулака свалить зубра, теперь до того былъ слабъ, что едва держался на ногахъ.

— Ты долженъ-бы,—сказалъ старикъ,—быть принесенъ въ жертву солнцу, которое даровало намъ побѣду надъ твоимъ племенемъ. Но, не желая болѣе войны, которая непремѣнно-бы вспыхнула, если-бы мы тебя умертвили, я беру на себя умилостивить божество обильными куреніями и другими жертвами. Ты же обѣщай мнѣ, что склонишь свое племя къ миру съ нами, и мы заживемъ вмѣстѣ. Ваши враги будутъ нашими врагами, а друзья — нашими друзьями. А ты сдѣлаешься моимъ

ямъ...

хлѣбныхъ злаковъ, соединенныя съ сильною увѣренностью въ производительность работы, чтобы рѣшиться

«Благодаря лучшему своему другу, собакѣ, первобытный пастухъ былъ спокоенъ»...

затратить ту страшную массу труда, которая необходима для обработки дѣвственной почвы. Вѣдь тогда не было не только многолемешныхъ плуговъ, распашниковъ, дисковыхъ боронъ и т. п. ухищреній современной сель-

скохозяйственной техники, но даже сама наша сохаковырялка никогда и не снилась тогдашнему земледѣльцу. Онъ разрыхлялъ почву каменною или роговою мотыкою, а чаще всего, вѣроятно, палкою. Кривой пень, съ однимъ длиннымъ, направленнымъ впередъ въ видѣ дышла сукомъ и внизу другимъ, короткимъ, на подобіе лемеха, являющійся прототипомъ плуга,—былъ изобрѣтенъ еще очень нескоро, когда человѣкъ изъ скотовода превратился уже въ настоящаго земледѣльца. Но и то, что было до сихъ поръ сдѣлано, представляло собою громадный шагъ впередъ по пути прогресса. Наши островитяне были этимъ всецѣло обязаны восточнымъ пришельцамъ.

Въ остальныхъ отрасляхъ труда замѣчались тоже значительныя улучшенія. При изготовленіи разнаго рода орудій и оружія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, шлифовались, употреблялись самые разнообразные минералы, начиная съ самыхъ твердыхъ и кончая мягкими породами. Отверстія для рукоятокъ уже не выдалбливались, какъ прежде, а высверливались, при помощи лучковаго коловорота, нефритовымъ или кремневымъ сверломъ. Число употреблявшихся въ дѣло орудій значительно увеличилось. Нѣкоторыя изъ нихъ украшались скульптурными изображеніями разныхъ животныхъ. Лучшій образчикъ тогдашняго ваянія представляла булава вождя, на рукояткѣ которой была изображена голова медвѣдя. Даже въ глиняной посудѣ, фабрикація которой представляла для первобытнаго человѣка столько трудностей, — замѣчался нѣкоторый прогрессъ. Правда, какъ матеріалъ,—глина съ пескомъ, гравіемъ и иломъ,—такъ и форма сосудовъ, приготовлявшихся безъ гончарнаго круга и вмѣсто ручекъ имѣвшихъ отверстія,—

остались прежніе, но за то въ художественномъ отношеніи новые горшки представляли собою уже болѣе разнообразія. Кромѣ ямочекъ, волнообразныхъ линій и т. п. дѣлались попытки изобразить листья и вѣточки, вѣроятно, при помощи вдавливанія этихъ предметовъ въ мягкую глину. Изъ нея же начали дѣлать свистки и рыболовныя грузила.

Тѣмъ не менѣе главный, если такъ можно выразиться, центръ тяжести культуры и благосостоянія племени находился въ стадахъ рогатаго скота. Въ нихъ заключалось все богатство поселенцевъ,—ихъ одежда и пища, не требовавшія для своего добыванія ни тѣхъ трудовъ, съ какими было связано земледѣліе, ни тѣхъ опасностей, какія представляла охота. Благодаря собакѣ, вѣрному другу человѣка, первобытный пастухъ чувствовалъ себя несравненно спокойнѣе, зная, что при первомъ приближеніи волка или инаго хищника чуткій песъ заранѣе дастъ объ этомъ знать.

Наконецъ, въ лицѣ жены вождя, этой первой знахарки, народная медицина, представляющая собою и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ едва-ли не единственную, зачастую весьма проблематичную помощь въ болѣзняхъ,—получила тогда довольно значительное развитіе. Всевозможные амулеты, давшіе начало современнымъ «симпатическимъ средствамъ», играли и тогда уже немаловажную роль, и каждый воинъ заботился объ обезпеченіи себя въ этомъ отношеніи.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ измѣненія, какія произошли въ жизни нашихъ старыхъ знакомыхъ, подъ вліяніемъ сліянія съ короткоголовыми. Но само собою понятно, что это —только, такъ сказать, внѣшняя сторона этого вліянія, которое въ дѣйствительности было

несравненно глубже. Оно сказывалось нестолько даже въ отношеніи улучшенія матеріальнаго быта племени, сколько въ тѣсно связанномъ съ нимъ духовномъ перерожденіи и развитіи каждаго изъ членовъ племени. Только очень поверхностному наблюдателю могло казаться, что, несмотря на новыя, внесенныя коротко-головыми начала, въ которыхъ воспитывалось молодое поколѣніе племени, оно могло все-таки оставаться тѣмъ же, чѣмъ были его отцы и дѣды.

Превращеніе первобытнаго человѣка изъ охотника въ скотовода по преимуществу произвело во всемъ его жизненномъ строѣ такой громадный переворотъ, вся важность котораго можетъ быть сознана только при довольно тщательномъ анализѣ новыхъ условій существованія. Тѣмъ не менѣе даже и тѣ нѣсколько соображеній, которыя невольно являются при сопоставленіи жизни охотника и скотовода, могутъ уже до нѣкоторой степени служить основаніемъ для оцѣнки перемѣны, происшедшей въ первобытныхъ обитателяхъ мѣстности, занимаемой въ настоящее время Москвою.

Съ тѣхъ поръ, какъ стада рогатаго скота стали украшать сосѣдніе съ поселеніемъ луга, и воздухъ началъ оглашаться ихъ мычаніемъ и блеяніемъ, совершился на первый взглядъ, быть можетъ, незначительный, но въ сущности великій переворотъ во всей жизненной обстановкѣ и даже самомъ направленіи интересовъ первобытнаго человѣка. Охота, сопряженная со столькими смертельными опасностями, перестала уже служить единственнымъ источникомъ существованія. Теперь не нужно было отправляться, Богъ вѣсть куда, изъ дому, чтобы добывать необходимую для пропитанія дичь, а, стало быть, должна была образоваться

жетъ явиться какой-нибудь новый врагъ, который будетъ непрочь воспользоваться прекрасными жилищами и годами накопленнымъ богатствомъ племени. Поэтому нужно было всегда быть готовымъ съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свою свободу и собственность отъ возможныхъ съ чьей-бы то ни было стороны покушеній.

Правда, со времени соединенія племенъ сила ихъ удвоилась и представляла теперь уже довольно внушительную единицу, тѣмъ не менѣе, это не должно было служить поводомъ къ безпечности. Воинственность племени отъ этого тоже не могла пострадать, такъ какъ даже въ настоящее время, въ вѣкъ просвѣщенія и развитія идей гуманности, милитаризмъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями, царитъ неограниченно въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ цивилизаціи,—до того еще живучи въ человѣкѣ его кровожадные инстинкты. Чего-же было ждать отъ первобытнаго дикаря, едва перешедшаго изъ грубаго состоянія охотника къ болѣе мирному и обезпеченному положенію скотовода? Напротивъ, если, благодаря измѣнившемуся образу жизни и непосредственному вліянію короткоголовыхъ, наши доисторическіе земляки стали миролюбивѣе и мягче нравомъ, зато въ нихъ возрасла любовь къ своему насиженному гнѣзду, расширилось сознаніе личной собственности и усилилось чувство довольства своимъ положеніемъ вмѣстѣ съ рѣшимостью отстоять его, во что-бы то ни стало. Въ виду такого настроенія племени оно сосредоточило главное свое вниманіе на обезпеченіи себя въ достаточномъ количествѣ хорошимъ оружіемъ, на случай столкновенія съ непріятелемъ.

До сихъ поръ, правда, несмотря на относительно довольно отдаленныя экскурсіи нѣкоторыхъ воиновъ, ни

разу еще не было встрѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ присутствія человѣка въ окружности по крайней мѣрѣ шести, семи дней пути; но это, конечно, не давало еще повода быть совершенно спокойнымъ, какъ относительно того, что и дальше не должно встрѣтиться никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья, такъ и въ отношеніи невѣроятности появленія какихъ-нибудь новыхъ пришельцевъ.

И дѣйствительно, вскорѣ нѣсколько воиновъ, которые вздумали однажды спуститься внизъ по рѣкѣ значительно дальше того разстоянія, на которое удалялись ихъ предшественники, открыли слѣды небольшихъ бродячихъ семей-общинъ. Онѣ направлялись приблизительно въ ту сторону, гдѣ находилась наша деревня. Строго говоря, въ этомъ не было ничего угрожающаго, такъ какъ жалкіе и немногочисленные номады не могли быть опасными для поселенія. Но воины, отвыкшіе отъ зрѣлища людей чужихъ племенъ, были порядочно встревожены и тотчасъ же повернули домой, съ цѣлью предупредить своихъ о появленіи враговъ. Однако, пріѣхавъ домой, они убѣдились, что тамъ уже знали о появленіи кочевниковъ въ разныхъ мѣстахъ неподалеку отъ деревни.

Эти бѣдные люди казались дикарями даже въ сравненіи съ нашими первобытными москвичами. Оружіе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ дубинъ, булыжниковъ, привязанныхъ къ деревяннымъ рукояткамъ и игравшихъ роль молотовъ, изрѣдка каменнаго, самой грубой работы, топора и острыхъ кусковъ кремня вмѣсто ножей. Немудрено, что съ такимъ оружіемъ имъ нелегко было охотиться, а приходилось большею частью довольствоваться кореньями, ягодами, птичьими яйцами,

раковинами, червями и т. п. Случалось, конечно, убивать и какого-нибудь крупнаго звѣря, но подобный случай составлялъ уже до нѣкоторой степени выдающееся событіе. Жили эти жалкіе кочевники или, вѣрнѣе, бродяги—лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, изрѣдка лишь въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей или въ дуплахъ деревьевъ, а зимою—въ разсѣлинахъ скалъ, пещерахъ или даже землянкахъ, очень близкихъ къ норамъ. Могли-ли, спрашивается, эти бѣдняги быть хоть сколько-нибудь опасными столь сильному и сравнительно цивилизованному племени, какимъ являлись наши москвичи? Конечно, нѣтъ. Наткнувшись неожиданно на поселеніе, которое, при всѣхъ его первобытныхъ несовершенствахъ, произвело, однако, на нихъ впечатлѣніе несравненно болѣе сильное, чѣмъ даже видъ громаднаго города на современнаго крестьянина, никогда изъ своей деревни не выѣзжавшаго,—бѣдные номады не только не помышляли о какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствіяхъ, но только и думали о томъ, какъ-бы скорѣе по добру, по здорову убраться изъ этого опаснаго сосѣдства. Болѣе всего поразили ихъ въ нашихъ поселенцахъ домашнія животныя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тутъ имъ приходилось видѣть мирно и покорно расхаживавшими такихъ страшныхъ животныхъ, какъ быкъ, вепрь, съ которыми жалкіе лѣсные бродяги осмѣливались вступать въ бой лишь при совокупныхъ усиліяхъ цѣлой общины-рода! Когда же совершенно неожиданно показался вблизи ихъ всадникъ на красивомъ конѣ, то ужасу ихъ не было границъ. Съ криками бросились они всѣ безъ оглядки отъ этого страшнаго о двухъ головахъ чудовища, имѣвшаго, кромѣ четырехъ ногъ, еще и руки...

Молодой сынъ вождя, пытавшійся было догнать несчастныхъ дикарей, принужденъ былъ вскорѣ оставить эту мысль, увидѣвъ ихъ скрывающимися въ лѣсу, гдѣ о преслѣдованіи на лошади нечего было и думать.

Съ тѣхъ поръ воины, отправлявшіеся на болѣе или менѣе продолжительную охоту, не разъ видѣли то здѣсь, то тамъ небольшія группы бродячихъ дикарей, которыя всегда обращались въ бѣгство. Преслѣдованія охотниковъ оканчивались обыкновенно неудачно, потому что бѣдные дикари, вѣроятно наученные горькимъ опытомъ, едва только замѣчали въ отдаленіи людей чужаго племени, какъ тотчасъ же обращались въ поспѣшное бѣгство и скоро исчезали изъ виду. Правда, собаки находили слѣды бѣглецовъ очень скоро, но догнать ихъ все-таки ни разу не удалось. Преслѣдованіе затруднялось лѣсистою мѣстностью, пересѣченною многочисленными, часто совершенно непроходимыми болотами. Лошадей, которыхъ наши первобытные москвичи имѣли еще очень немного, они не брали съ собою на охоту. Впрочемъ, врядъ-ли и онѣ что-нибудь здѣсь помогли-бы.

Эти постоянныя неудачи начинали съ каждымъ днемъ ожесточать воиновъ противъ несчастныхъ номадовъ. Порою злоба противъ этихъ осторожныхъ, неуловимыхъ дикарей доходила до того, что, попадись въ это время одинъ изъ нихъ въ руки преслѣдователей, не сдобровать-бы ему, несмотря на строгій приказъ вождя не дѣлать никакихъ насилій надъ номадами. Послѣдній руководился при этомъ желаніемъ завязать съ ними мирныя сношенія и даже, если окажется возможнымъ, заключить съ ними оборонительный союзъ на случай появленія какого-нибудь болѣе сильнаго врага.

по указанію воина, принесшаго извѣстіе, можно было видѣть долго отыскиваемыхъ дикарей, вождь далъ знакъ остановиться. Онъ слѣзъ съ коня и пошелъ неслышными шагами къ опушкѣ лѣса, оканчивавшейся обрывомъ. Лошадь сама слѣдовала за своимъ хозяиномъ, но, увидѣвъ, что послѣдній легъ на землю и сталъ ползти по травѣ, умное животное остановилось и не шло далѣе. Молодой человѣкъ подползъ къ обрыву и сталъ смотрѣть внизъ на долину, гдѣ протекала одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ и въ поминѣ, и вмѣсто которыхъ теперь текутъ какіе-то жалкіе ручейки. Только слабые слѣды прежняго русла, которыхъ поверхностный взглядъ, пожалуй, даже и не замѣтитъ, обыкновенно свидѣтельствуютъ о древнемъ величіи подобныхъ ручейковъ.

Слѣдя за движеніями расположившихся невдалекѣ дикарей, которыхъ было человѣкъ двадцать пять—тридцать, считая женщинъ и дѣтей, вождь обдумывалъ планъ нападенія. Безопасный спускъ въ долину былъ возможенъ въ этомъ мѣстѣ только по дну оврага, находившагося влѣво шагахъ въ двухстахъ отъ дикарей; а между тѣмъ, чтобы захватить ихъ въ плѣнъ, нужно было, отрѣзавъ отъ рѣки и не давая, такимъ образомъ, побросаться въ воду, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Задача была трудная. Къ счастью, оба берега рѣки были покрыты высокою травою, надъ которою мѣстами возвышались небольшіе кустики. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія вождя, и онъ рѣшилъ воспользоваться имъ для приведенія своего плана въ исполненіе. Дѣло въ томъ, что такъ какъ дикарей можно было съ нѣкоторою вѣроятностью на тѣхъ обойти, и то только ползкомъ, съ одной лишь

лѣвой стороны, и, стало быть, они могли не только

«Молодой человѣкъ подползъ къ обрыву»...

броситься въ рѣку, но также убѣжать вправо, — то, очевидно, нельзя было дѣйствовать прямо, а приходи-

лось прибѣгнуть къ хитрости. Планъ молодаго вождя основывался, съ одной стороны, на пугливости дикарей, съ другой—на невозможности убѣжать изъ долины въ лѣсъ иначе, какъ по дну того же оврага, которымъ разсчитывалъ спуститься нашъ отрядъ.

Когда молодой начальникъ убѣдился, что мѣстность вполнѣ благопріятствовала его плану, онъ осторожно вернулся къ нетерпѣливо ожидавшимъ его товарищамъ и объяснилъ имъ, какимъ образомъ онъ разсчитывалъ захватить кочевниковъ въ плѣнъ. Планъ его былъ одобренъ всѣми, и тотчасъ же было приступлено къ его выполненію. Шесть человѣкъ, осторожно спустившись внизъ, беззвучно стали ползти въ высокой травѣ, направляясь къ тому мѣсту берега рѣки, гдѣ она дѣлала небольшой заворотъ, пользуясь которымъ, воины разсчитывали незамѣтно переплыть рѣку. Извиваясь подобно змѣямъ, ползли они по травѣ, совершенно скрывавшей ихъ движенія. По временамъ они на короткое время останавливались и затѣмъ опять ползли. Оставшіеся въ лѣсу смотрѣли на товарищей съ высоты обрыва и волновались при каждомъ движеніи группы номадовъ. Прошло съ четверть часа, а можетъ быть и болѣе, такого томительнаго ожиданія. Наконецъ, воины благополучно доползли до берега и тихонько погрузились въ воду.

Тѣмъ временемъ оставшіеся, расположившись по обѣимъ сторонамъ оврага, попрятались за кустами; на краю обрыва оставался одинъ только вождь, который слѣдилъ за происходившимъ внизу. Вотъ уже воины доплываютъ до противоположнаго берега, вотъ они скрываются въ лозникѣ, вотъ опять ползутъ по травѣ, направляясь къ той точкѣ, которая приходилась на-

противъ мѣста расположенія дикарей... Вдругъ одинъ изъ послѣднихъ привсталъ и, прикрывъ глаза рукою отъ солнца, началъ всматриваться въ одно мѣсто за рѣкою. Издали не было слышно, сказалъ-ли онъ что нибудь окружающимъ, но всѣ они тревожно зашевелились. Тогда, боясь, что весь планъ нападенія можетъ быть разстроенъ, вождь знакомъ подозвалъ къ себѣ двухъ воиновъ и приказалъ имъ забѣжать, насколько возможно быстрѣе, вправо отъ дикарей, а въ случаѣ, если-бы тѣ вздумали бѣжать въ ту сторону,—закричать оттуда, что есть мочи.

Тѣмъ временемъ люди, бывшіе за рѣкой, почти уже успѣли подползти къ назначенному мѣсту. Одинъ изъ нихъ, желая опредѣлить, много-ли еще осталось ползти, слегка приподнялъ голову надъ травою. Этого незначительнаго движенія было вполнѣ достаточно, чтобы встревоженные дикари обратились въ бѣгство. Въ первое мгновеніе эти бѣдные люди заметались въ стороны, не зная еще, куда бѣжать, но, когда находившіеся за рѣкой враги, увидѣвъ себя открытыми, поднялись на ноги и съ криками бросились къ берегу, потрясая оружіемъ, то несчастные номады побѣжали къ оврагу. Впереди были мужчины, которые, не имѣя никакой ноши, могли двигаться несравненно быстрѣе, между тѣмъ какъ женщины тащили на себѣ дѣтей. Нѣкоторыя изъ нихъ несли сразу по два ребенка, потому что иначе дѣтямъ нельзя было поспѣть за старшими. Сзади всѣхъ бѣжалъ тотъ самый дикарь, который первый замѣтилъ подозрительныя движенія за рѣкою. По всѣмъ признакамъ, это былъ предводитель. Быстрымъ взглядомъ осматривалъ онъ окружающую мѣстность, готовый при первой опасности подать сигналъ тревоги.

Но впереди все казалось спокойно. Оврагъ, пологое дно котораго было покрыто желтоватымъ наноснымъ пескомъ, поросъ съ боковъ мелкими кустами и высокою травою; мѣстами росли здѣсь небольшіе дубки, а надъ ними простирали свои вѣтви старыя деревья. По мѣрѣ углубленія въ лѣсъ, оврагъ становился все уже, бока его отложе, а деревья гуще, и, наконецъ, онъ совсѣмъ сравнивался съ окружающимъ пространствомъ.

Дикари достигли уже почти половины длины оврага. Они собирались уже подняться наверхъ и скрыться въ лѣсу. Вдругъ бѣжавшій сзади вождь ихъ издалъ отрывистый гортанный возгласъ: причиною тревоги былъ слѣдъ ноги на пескѣ, неосторожно оставленный однимъ изъ воиновъ, отправившихся за рѣку. Въ то же время немного впереди вождя номадовъ шевельнулся кустикъ, и небольшой камень скатился сверху.

Услышавъ сигналъ, всѣ дикари остановились, готовые броситься назадъ. Еще одинъ тревожный, нѣсколько отличный отъ перваго крикъ, и вся ватага побѣжала назадъ, слѣдуя за своимъ вождемъ. Но было уже поздно. Со всѣхъ сторонъ устремились на нихъ воины, въ одинъ мигъ окружившіе бѣдныхъ номадовъ. Засвистѣли арканы... Но вождь дикарей успѣлъ все-таки избѣгнуть грозившаго ему плѣна. Увидѣвъ воина, старавшагося отрѣзать ему путь отступленія, онъ схватилъ валявшійся тутъ же на пескѣ большой булыжникъ и бросилъ имъ въ загородившаго дорогу. Ловко пущенный камень, отъ котораго воинъ не успѣлъ увернуться, ударилъ его съ такою силою въ грудь, что свалилъ съ ногъ, сломавъ даже ключицу. Перепрыгнувъ черезъ сраженнаго врага, дикарь пустился бѣжать по оврагу, а потомъ повернулъ вправо вдоль берега рѣки.

Между тѣмъ съ остальными дѣло было проще,— все обошлось даже безъ кровопролитія. Не успѣли мужчины, что называется оглянуться, какъ руки ихъ были туго затянуты арканами, а сами они чрезъ мгновеніе лежали на землѣ, связанные и обезоруженные. Только одинъ дикарь, на котораго петля аркана была неловко заброшена, успѣлъ отъ нея освободиться и началъ защищаться дубиною. Но на него сразу навалилось трое воиновъ, которые сбили его съ ногъ и начали вязать. Не имѣя другаго оружія кромѣ зубовъ, потому что на столь близкомъ разстояніи дубина потеряла уже значеніе, дикарь пустилъ ихъ въ ходъ, защищаясь также ногами. Это обозлило нападавшихъ, и они жестоко избили бѣднягу.

Что же касается женщинъ, то, лишившись защитниковъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, и не думали сдаваться. Защищаясь съ энергіею отчаянія, кто чѣмъ могъ — зубами, ногтями, палками, камнями, — онѣ были далеко нелегкою добычею. Защита была настолько упорна и отчаянна, что при ней нѣсколько грудныхъ ребятъ оказались задушенными. Но въ концѣ-концовъ жены дикарей подверглись участи своихъ мужей, которые лежали связанными. Дѣтей постарше тоже связали, но одинъ мальчикъ успѣлъ какъ-то вырваться и побѣжалъ. Кто-то изъ воиновъ пустилъ ему въ догонку стрѣлу, которая, попавъ бѣдному маленькому дикарю въ спину, положила его на мѣстѣ. Это была единственная пролитая кровь...

Когда происходила эта схватка, бѣжавшій дикарь успѣлъ отдалиться на довольно большое разстояніе. Молодой вождь, который въ первое время за толпою боровшихся мужчинъ и женщинъ не замѣтилъ бѣгства

одного изъ номадовъ, увидѣлъ удаляющуюся фигуру послѣдняго только въ то время, когда тотъ поворачивалъ уже направо. Крикъ досады вырвался изъ груди молодаго начальника. Судорожнымъ движеніемъ поднесъ онъ костяной свистокъ къ губамъ и издалъ рѣзкій свистъ. Раздалось радостное ржаніе заждавшейся лошади, и она подбѣжала къ своему хозяину. Онъ вскочилъ на нее и помчался вслѣдъ за бѣжавшимъ. Въ первое время, по дну оврага, ѣзда была затруднительна, потому что мѣшала неровная почва, изрѣзанная глубокими рытвинами, но потомъ, когда оврагъ кончился и молодой вождь выѣхалъ на ровный берегъ рѣки, то конь понесся очень быстро. Но дикарь былъ уже далеко, и кто могъ знать, не удастся-ли ему встрѣтить другой оврагъ, которымъ онъ проникнетъ въ лѣсъ? А тамъ о преслѣдованіи нечего было-бы и думать. Вдругъ впереди раздались неистовые крики. Дикарь моментально остановился. Онъ не имѣлъ времени опредѣлить, откуда они неслись, тѣмъ болѣе, что самихъ кричавшихъ не было видно. Для него одно лишь было ясно, что впереди были враги, на другомъ берегу рѣки тоже видны были бѣжавшіе параллельно съ нимъ воины. Нужно было бѣжать назадъ. Но,—о, ужасъ!—сзади на него несется какое-то чудовище... Что дѣлать? Глаза дикаря безнадежно скользнули по отвѣсной стѣнѣ праваго берега рѣки. Вдругъ, на свое счастье, аршина на два надъ землею онъ увидѣлъ небольшой выступъ въ песчаной стѣнѣ, а надъ нимъ еще аршина на два—на три свѣшивались корни деревьевъ. Дикарь бросился къ спасительному мѣсту. Съ ловкостью обезьяны вскарабкался онъ на выступъ и началъ протягивать руки къ корнямъ, но они были слишкомъ высоко... А чудовище,

между тѣмъ, приближалось. Уже слышался его храпъ... Бѣдный дикарь попытался карабкаться на стѣну, но песокъ осыпался и запорашивалъ глаза. Пальцы несчастнаго впивались въ мягкую почву, не находя упора. Бѣдняга цѣплялся за стѣну ногами, руками и даже зубами, но не могъ удержаться. Еще-бы только подняться ему хоть на четверть аршина!.. Онъ съ отчаяніемъ озирался на приближавшагося всадника, казавшагося ему какимъ-то невиданнымъ, страшнымъ существомъ, которое, однако, очевидно принадлежало къ тѣмъ удивительнымъ, непобѣдимымъ людямъ, о которыхъ ему приходилось слышать отъ другихъ такихъ же, какъ онъ самъ, номадовъ... Еще разъ подпрыгнулъ дикарь, но, не доставъ корней, только оторвалъ глыбу песку, совсѣмъ засыпавшаго ему одинъ глазъ. А всадникъ уже былъ саженяхъ въ двадцати, уже онъ размахивалъ арканомъ, готовый набросить его на ослѣпленнаго пескомъ дикаря, уже тотъ въ отчаяніи думалъ, какъ-бы подороже продать свою жизнь... Вдругъ онъ увидѣлъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ оторвалась песчаная глыба, обнажился новый корень. Бѣдняга, потерявшій уже надежду на спасеніе, схватился обѣими руками за тонкій корень и началъ карабкаться. Раздался зловѣщій звукъ, указывавшій на непрочность этой единственной поддержки... Но въ то время, когда корень, не выдержавъ, оборвался подъ тяжестью тѣла, дикарь успѣлъ схватиться одною рукою за слѣдующій. Едва удерживаясь на одной рукѣ, онъ торопливо цѣплялся за постоянно обрывавшіяся мелкія мочки. Вотъ, вотъ онъ не удержится... Изнемогая отъ усталости, онъ уже слышитъ за спиною храпъ лошади, учащенное дыханіе всадника, свистъ размахиваемаго въ воздухѣ аркана, который долженъ сорвать бѣднягу внизъ

съ трехсаженной высоты... Онъ напрягаетъ послѣднія силы, стараясь притянуться, но его ноги болтаются въ воздухѣ, не находя опоры. Въ его ушахъ уже раздается зловѣщій свистъ летящаго аркана, и крѣпкая петля послѣдняго вотъ-вотъ готова обвить шею... Но какъ разъ въ этотъ моментъ нога находитъ точку опоры, и несчастный успѣваетъ притянуться. Арканъ ударяется въ спину и соскальзываетъ. Не то проклятіе, не то крикъ досады вырвался изъ сжатыхъ губъ преслѣдователя, когда онъ убѣдился, что промахнулся, не разсчитавъ неожиданнаго поднятія дикаря. Быстро подтянувъ къ себѣ арканъ, вождь опять бросаетъ его, но уже поздно... Крикъ врага словно придалъ изнемогавшему силы, онъ быстро добрался до того мѣста, гдѣ берегъ становился покатымъ, и пополъзъ на четверенькахъ. Петля аркана безвредно скользнула по ногѣ и упала на землю, подобно мертвой змѣѣ. Молодымъ вождемъ овладѣла ярость. Не помня себя, онъ схватилъ лукъ и готовъ уже былъ спустить стрѣлу, но въ это самое мгновеніе дикарь скрылся за земляным бугромъ. Всадникъ отъѣхалъ немного назадъ въ надеждѣ увидѣть оттуда бѣглеца, но, къ счастью послѣдняго, изнеможеніе, которое овладѣло имъ, заставивъ пролежать нѣсколько минутъ безъ движенія, спасло его. Молодой вождь, не видя лежавшаго за корнями дерева, поскакалъ вдоль берега, крича находившимся невдалекѣ наверху двумъ воинамъ, чтобы они перехватили бѣжавшаго въ лѣсу. Этотъ крикъ привелъ дикаря въ себя. Успѣвъ еще немного отдохнуть, онъ сталъ на четвереньки, чтобы не дать себя замѣтить приближавшимся врагамъ, и началъ такимъ образомъ перебѣгать, подобно четвероногому животному, отъ куста къ кусту, прячась за деревья. Но, увидѣвъ двухъ

мена верхомъ мягкости, вызывало недоумѣніе не только въ конвоирахъ, которые никакъ не могли понять, почему имъ запрещаютъ избить того или иного изъ побѣжденныхъ дикарей, но даже и сами плѣнные, которые, быть можетъ, ожидали быть похороненными въ желудкахъ побѣдителей, не могли не удивляться такому необычно гуманному для того времени обращенію.

Впрочемъ, эти бѣдные люди едва-ли были способны даже къ особенно сильному удивленію. Они шли, понуривъ голову, безъ всякаго выраженія на лицѣ, не произнося ни слова. Только изрѣдка мать успоконвала безпокойнаго ребенка какимъ-то хриплымъ звукомъ, сопровождаемымъ слабымъ пинкомъ. На привалахъ, когда имъ давали мясо, они жадно на него набрасывались и ѣли сырымъ, вовсе даже не думая подражать своимъ побѣдителямъ, жарившимъ его на угольяхъ.

Слѣдующая ночь застала путниковъ въ лѣсу. Они расположились на небольшой полянѣ. Плѣнники лежали внутри круга со связанными руками и ногами. Часовые дремали. Вдругъ одному изъ нихъ почудилось, будто неподалеку отъ него раздался слабый шорохъ. Не измѣняя положенія, онъ сталъ всматриваться въ темноту ночи, но ничего не было видно. Рѣшивъ, что это пригрезилось ему во снѣ, воинъ опять началъ дремать. Прошло съ четверть часа. Отъ одного изъ стволовъ ближайшихъ деревьевъ тихонько отдѣлилась тѣнь и, согнувшись, стала пробираться къ спящимъ. Это былъ вождь помадовъ, который все время слѣдилъ за движеніями враговъ, въ надеждѣ какъ-нибудь улучить минуту, чтобы освободить хоть кого-нибудь изъ товарищей; но до сихъ поръ со стороны побѣдителей не было сдѣлано никакой оплошности, которою можно

бы воспользоваться для цѣлей освобожденія. Стоя
ь за кустомъ, отбрасывавшимъ густую тѣнь, ди-
соображалъ, какъ ему поступить. Одинъ часовой,
дно, спалъ, потому что даже слышался его вну-
льный храпъ, за то другой только дремалъ и могъ
минутно проснуться. Номадъ держалъ въ одной рукѣ
шой камень, а другою сжималъ свою дубину, ко-
ю онъ поднялъ по удаленіи враговъ съ того мѣста,
онъ обронилъ ее, карабкаясь на отвѣсный песчаный
гъ. Ему сильно хотѣлось пустить камнемъ въ го-
у дремавшаго часового, но боязнь, что ударъ мо-
ъ не положить его на мѣстѣ и вызвать тревогу,
иновила дикаря отъ убійства. Не желая, однако, бро-
ъ камень, онъ положилъ его за поясную перевязь и
алъ тихонько подкрадываться къ тому мѣсту, гдѣ
ѣнные ближе всего лежали къ краю. Глаза дикаря
покойно бѣгали по спящимъ воинамъ, а рука его
дорожно сжимала дубину. Приблизившись на нѣсколько
говъ къ цѣли и дрожа отъ волненія, онъ еще болѣе
гнулся, на подобіе того, какъ это дѣлаютъ кошки,
отовясь къ прыжку. И дѣйствительно, сдѣлавъ ги-
антскій скачекъ черезъ крѣпко спавшаго воина, смѣ-
лый дикарь схватилъ перваго попавшагося ему совсѣмъ
вязаннаго товарища и, взбросивъ его къ себѣ на плечи,
обирался такимъ же порядкомъ убѣжать. Но крикъ
столь неожиданно разбуженнаго и не понимавшаго, въ
чемъ дѣло, еще соннаго номада разбудилъ всѣхъ спя-
щихъ. Правда, все это сдѣлалось почти мгновенно, од-
нако и этого незначительнаго времени было достаточно,
чтобы наэлектризованные постоянными опасностями воины
повскакивали со своихъ мѣстъ. Къ счастью смѣлаго
дикаря, они сразу не успѣли еще вполнѣ придти въ

вые сидѣли спиною къ кострамъ и прикидывались дремавшими. Оружіе и арканы были у нихъ на-готовѣ. Остальные воины, хотя и спали,—впрочемъ, не всѣ,—но, какъ говорится, однимъ только глазомъ, готовые ежеминутно вскочить на ноги. У каждаго изъ нихъ былъ въ рукѣ арканъ. Оба вчерашніе часовые еще задолго до того времени, когда ихъ товарищи улеглись спать, ушли съ бивуака и не возвращались.

Ночь была темная. Проходилъ часъ за часомъ, а ожидаемаго нападенія дикарей все нѣтъ какъ нѣтъ. Уже небо начинало слегка свѣтлѣть. Верхушки деревьевъ какъ будто принимали болѣе опредѣленныя очертанія. Отъ поднявшагося свѣжаго вѣтерка, заставившаго листья деревьевъ затрепетать, по тѣлу спящихъ пробѣгала дрожь. Еще полъ-часа, и на востокѣ покажется розоватый отблескъ, предвѣщающій разсвѣтъ, а между тѣмъ самый бдительный осмотръ окрестностей не могъ до сихъ поръ открыть никакихъ признаковъ присутствія дикарей. Уже часовымъ не было большаго труда притворяться дремлющими, а спавшіе однимъ глазомъ воины давно закрыли и другой. Утомленіе начало овладѣвать самыми бдительными... Вдругъ до слуха одного изъ лежавшихъ у самого края воина долетѣло словно трепетаніе листьевъ осины. Онъ едва замѣтно приподнялъ голову и сталъ вглядываться въ темноту ночи. Но ничего не было видно, кромѣ небольшого кустика. Однако, странное дѣло, вѣдь, кажется, его прежде не было... Съ другой стороны бивуака тоже почудился какой-то едва, едва слышный шелестъ... Потомъ одному часовому показалось будто съ ближайшаго дерева спустилась какая-то тѣнь, въ другомъ мѣстѣ тоже самое... Онъ улыбнулся и наклонилъ еще ниже голову, словно не имѣя силъ бороться

явилась сзади фигура, бывшая однимъ изъ провинившихся часовыхъ, загородила дорогу убѣгавшему, и не успѣлъ онъ свернуть въ сторону, какъ арканъ обвилъ уже его тѣло...

Тѣмъ временемъ съ другой стороны бивуака дѣло было нѣсколько иначе. Вождь помадовъ, желая отвлечь отъ себя вниманіе враговъ, подползъ съ другой стороны довольно близко къ ихъ стану и ждалъ того момента, когда товарищъ броситься впередъ. Если послѣднему удастся безнаказанно овладѣть однимъ изъ лежавшихъ плѣнниковъ, то и самъ предводитель предполагалъ, не теряя времени, сдѣлать тоже. Въ противномъ случаѣ онъ рѣшилъ выждать, когда воины погонятся за его товарищемъ, а онъ тѣмъ временемъ броситься къ плѣнникамъ.

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Хотя воины ожидали нападенія двухъ человѣкъ, но, когда поднялся въ одной сторонѣ шумъ, они невольно обратили туда вниманіе. Воспользовавшись этимъ, вождь дикарей въ одно мгновеніе очутился у плѣнниковъ и схватилъ одного изъ нихъ. Но... всѣ они на этотъ разъ были связаны арканомъ вмѣстѣ. Убѣдившись въ невозможности отдѣлить схваченнаго плѣнника отъ остальныхъ его товарищей, дикарь моментально бросилъ свою ношу и устремился назадъ въ лѣсъ. Это было сдѣлано настолько быстро, что, не слѣдя за нимъ сзади второй изъ жаждавшихъ искупить свою вчерашнюю вину воиновъ, то на этотъ разъ дерзость предводителя помадовъ осталось-бы безнаказанною. Но свистнулъ арканъ, брошенный воиномъ, и дикарь почувствовалъ на себѣ петлю его... Тѣмъ не менѣе чрезвычайно быстрое движеніе по направленію державшаго арканъ не дало ей затянуться. Дикарь

Въ полдень воины вернулись домой. Все племя высыпало имъ навстрѣчу. Крики радости и удивленія привѣтствовали возвратившихся и ихъ добычу. Плѣнныхъ перевезли на островъ, гдѣ находилась резиденція вождя племени и куда по сигнальному рогу собрались всѣ люди вокругъ жертвеннаго камня. Связанные дикари были приведены сюда же. Ожидали вождя. Наконецъ онъ появился въ сопровожденіи своего сына.

Нѣкоторые изъ старыхъ воиновъ, помнившіе грандіозное кровавое жертвоприношеніе, происходившее послѣ удачно отраженнаго нападенія на поселеніе, думали, что и теперь не обойдется безъ человѣческихъ жертвъ. Но они ошиблись. Вождь ограничился закланіемъ двухъ телятъ и благовонными куреньями.

Возблагодаривъ божество такимъ вещественнымъ образомъ за счастливо окончившуюся экспедицію, вождь приказалъ развязать предводителя дикарей. Тотъ смотрѣлъ на окружающихъ, недоумѣвая, что съ нимъ будутъ дѣлать. Горѣвшій огонь порядочно смущалъ его. Въ лучшемъ случаѣ, онъ разсчитывалъ подвергнуться участи принесенныхъ въ жертву телятъ, но болѣе склонялся къ тому, что будетъ съѣденъ. Глаза его угрюмо глядѣли по сторонамъ. Если-бы не такая густая толпа, онъ не прочь-бы былъ попытать счастья въ бѣгствѣ.

— Я знаю, что ты храбрый воинъ,—началъ вождь племени.—Ты не побоялся одинъ проникнуть въ станъ враговъ, чтобы вырвать изъ рукъ ихъ хоть одного изъ своихъ товарищей... Но мы не враги вамъ... Мы будемъ вашими друзьями ...

Дикарь смотрѣлъ на вождя, очевидно, ничего не понимая изъ его словъ. Эти люди, принадлежавшіе, повидимому, къ автохтонамъ страны, не могли понимать

пришельцевъ. Къ тому же даже на ихъ собственномъ языкѣ врядъ-ли можно было выразить мысли, высказанныя вождемъ. Этотъ языкъ былъ до крайности неразвитъ. Онъ состоялъ преимущественно изъ короткихъ междометій, не требовавшихъ особенной гибкости органа рѣчи. Въ зависимости отъ этого бугорки, служащіе для прикрѣпленія мускуловъ языка, были на черепахъ этихъ людей едва замѣтны.

Видя, что дикарь не понимаетъ его словъ, вождь сталъ объяснять свои миролюбивыя намѣренія знаками. Наконецъ, тотъ повидимому понялъ. Только въ его головѣ, весьма, впрочемъ основательно, возникалъ вопросъ: «зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было и нападать на насъ, вѣдь мы никого не трогали?» Но этого сомнѣнія онъ, конечно, не былъ въ состояніи выразить словами.

Для того, чтобы совсѣмъ разсѣять подозрѣнія дикаря, вождь приказалъ развязать и остальныхъ плѣнныхъ. Затѣмъ принесли значительное количество мяса, раковинъ, орѣховъ и т. п.; вождь взялъ большой кусокъ говядины и протянулъ номаду. Тотъ нерѣшительно взялъ его и сталъ разрывать на части, желая раздѣлить между всѣмъ своимъ племенемъ. Но вождь приказалъ раздать и другимъ по куску мяса. Тогда дикарь сталъ съ жадностью пожирать свою долю. Остальные продукты были раздѣлены съ соблюденіемъ той же справедливости.

Когда дикари насытились, что, нужно замѣтить, произошло нескоро, потому что они долго голодали, а во время плѣна ихъ тоже почти нечѣмъ было кормить,— то вождь подалъ предводителю номадовъ довольно хорошій кремневый топоръ-молотъ. Тотъ смотрѣлъ на оружіе съ недоумѣніемъ, не понимая, что съ нимъ дѣлать.

Когда же ему, наконецъ, объяснили, что это подарокъ для него, то радости дикаря не было границъ. Онъ прыгалъ, хохоталъ, гладилъ оружіе рукою, что-то бормоталъ, не то обращаясь къ топору, не то разговаривая самъ съ собою. Но вдругъ его лицо внезапно омрачилось. Онъ смущенно смотрѣлъ на своихъ товарищей, которые ничего не получили, и не зналъ, какъ ему поступить. Вождь понялъ причину этой внезапной перемѣны настроенія дикаря и приказалъ выдать и остальнымъ по топору, но только похуже отдѣлкою. Всѣ были чрезвычайно довольны, выражая свой восторгъ самымъ бурнымъ образомъ. Было принесено еще нѣсколько дротиковъ, ножей и лукъ. Показавъ употребленіе этого оружія, вождь роздалъ его дикарямъ, причемъ предводителю послѣднихъ достался ножъ и лукъ съ нѣсколькими стрѣлами. Острія ихъ, предназначенныя для охоты, отличались отъ боевыхъ тѣмъ, что ихъ можно было вынимать изъ раны, между тѣмъ какъ послѣднія устраивались такимъ образомъ, что вынимались только послѣ разширенія раны.

При надѣленіи номадовъ подарками не были забыты и женщины. Имъ дали по простенькому ожерелью изъ раковинъ и т. п. Такимъ образомъ, всѣ были удовлетворены.

Тогда вождь приказалъ племени разступиться и показалъ номадамъ знаками, что они свободны.

Едва только путь для нихъ открылся, какъ всѣ они устремились къ рѣкѣ. Никто ихъ не преслѣдовалъ. Побросавшись въ воду, вся эта орава дикарей переплыла рѣку и стала потомъ смотрѣть съ берега на островъ, гдѣ осталось только нѣсколько женщинъ, которымъ маленькія дѣти помѣшали послѣдовать примѣру това-

рицей, и предводитель номадовъ. Послѣдній въ первое мгновеніе тоже бросился убѣгать, но, не добѣжавъ нѣсколькихъ шаговъ до берега, остановился и обернулся назадъ. Тогда, приказавъ двумъ воинамъ перевезти дикарокъ въ большой пирогѣ на другой берегъ, вождь подошелъ къ предводителю номадовъ и сталъ объяснять ему знаками миролюбіе островитянъ.

Тѣмъ временемъ воины перевезли женщинъ черезъ рѣку. Едва только пирога стукнулась о берегъ, какъ онѣ повыскакали изъ лодки и быстро скрылись въ лѣсу, куда уже попрятались и остальные дикари. Предводитель номадовъ слушалъ вождя островитянъ, не спуская, однако, глазъ со своего племени; потомъ, убѣдившись въ его безопасности, онъ издалъ какой-то непонятный для его собесѣдника звукъ и бросился въ воду. Что означалъ этотъ возгласъ, въ точности сказать нельзя было, но, надо полагать, въ немъ выражалось нѣчто вродѣ прощальнаго привѣтствія.

Черезъ нѣсколько дней съ того берега, куда удалились дикари, раздался громкій крикъ и показалась группа номадовъ. Они что-то принесли съ собою и, сложивъ на берегу, удалились. Оказалось, что было принесено нѣсколько штукъ оленей, одинъ молодой кабанъ и три зайца. Еще черезъ недѣлю появилась опять дичь, ягоды, коренья и т. п. Островитяне, въ свою очередь, что-нибудь стали класть взамѣнъ. Такимъ образомъ завязались примитивныя торговыя сношенія. Вскорѣ, когда номады перестали очень дичиться, то вождь племени постарался объяснить имъ, что хорошо было-бы, если-бы они могли доставлять кремень и т. п. матеріалы для выдѣлки оружія. Черезъ нѣкоторое время, дѣйствительно, было принесено много разныхъ породъ камней.

Такъ продолжалось все лѣто и осень. Зимою номадовъ не было видно, а на весну они опять появились, возобновивъ торговыя сношенія. На слѣдующую зиму дикари уже не уходили, и стали выкапывать свои землянки невдалекѣ отъ нашей деревни, а черезъ нѣсколько лѣтъ здѣсь образовалось уже цѣлое зимнее поселеніе номадовъ, такъ какъ многія родственныя племена, слѣдуя примѣру своихъ сородичей, также стали избирать это мѣсто для зимовки. Нѣкоторыя изъ нихъ оставались здѣсь даже круглый годъ, постепенно дѣлаясь, такимъ образомъ, осѣдлыми.

Таковы были результаты мудрой и великодушной политики вождя племени, который оказалъ громадную пользу не одному только своему народу, но и всему человѣчеству, приведя жалкихъ бродячихъ дикарей въ нѣкоторое соприкосновеніе съ высшею культурою. Правда, послѣдніе, строго говоря, скоро превратились въ фактическихъ рабовъ нашихъ островитянъ, - но даже и отъ такого положенія дѣла цивилизація все-таки выигрывала. Если же принять во вниманіе, что въ тѣ времена, когда культурная разница между господами и рабами была еще очень незначительна и, стало быть, тяжесть рабства не могла быть очень велика, а по отношенію къ нѣкоторымъ рабамъ можно было даже сказать, что жизнь ихъ на свободѣ была значительно тяжелѣе,— то и съ точки зрѣнія гуманности новое положеніе, номадовъ не должно было внушать опасеній.

Только съ переходомъ человѣчества на слѣдующую, высшую ступень культурнаго развитія, наступившимъ, впрочемъ, еще нескоро, а именно, со времени побѣды земледѣлія надъ скотоводствомъ, рабство стало значительно тяжелѣе, и эта тяжесть постепенно все увели-

чивалась. Обработка почвы, трудъ чрезвычайно тяжелый при тогдашнемъ несовершенствѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, всецѣло сдѣлалась достояніемъ рабовъ. Свободный человѣкъ безъ крайней необходимости не находилъ нужнымъ взваливать на себя эту трудную работу.

Такимъ образомъ трудъ, который служилъ до сихъ поръ почвой, на которой постоянно соприкасались господа и рабы, сдѣлавшись неодинаковымъ для тѣхъ и другихъ, послужилъ источникомъ взаимнаго отчужденія. Съ тѣхъ поръ, потерявъ возможность опредѣлять на самихъ себѣ тяжесть работы, господа стали руководиться уже одною лишь личною выгодою въ опредѣленіи урока. Со временемъ разность работъ послужила основаніемъ для разграниченія ихъ на чистую и нечистую или черную, которая для свободнаго была унизительна. Изъ этого уже нетрудно видѣть тотъ путь, по которому дошло человѣчество до возмутительнаго принципа раздѣленія «черной и бѣлой кости».

XV.

Работа вѣковъ.

Протекли вѣка. Много народовъ съ востока, юга, юго-востока и даже запада прошло черезъ мѣсто теперешней Москвы. Разныя причины заставляли ихъ двигаться въ томъ или иномъ направленіи. Однихъ гнала война съ болѣе сильными племенами, другихъ опасное сосѣдство могущественнаго властолюбиваго народа, третьихъ желаніе найти лучшія пастбища и т. д.; но были и такія

причины массовыхъ переселеній, корень которыхъ остается до сихъ поръ загадочнымъ. Только тщательное изученіе условій существованія извѣстнаго народа, въ связи съ данными психологіи массъ и сравнительнымъ изученіемъ аналогичныхъ явленій народовъ во времена доисторическія, можетъ дать ключъ къ ихъ пониманію.

Какими-бы, впрочемъ, причинами ни обусловливались эти массовыя передвиженія народовъ, но нельзя не замѣтить, что, благодаря имъ, цивилизація въ концѣ концовъ все-таки много выиграла, и даже, можетъ быть, безъ нихъ она не скоро-бы еще достигла теперешняго своего развитія. Каждый народъ, былъ-ли онъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ, вносилъ свою долю въ общую сокровищницу культурныхъ пріобрѣтеній. Съ каждымъ днемъ и годомъ племена, сливавшіяся другъ съ другомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтали и сами вносили новыя культурныя начала, способствуя, такимъ образомъ, общему движенію прогресса.

Посмотримъ же, что сталось по прошествіи вѣковъ съ мѣстностью, первоначально занятою маленькимъ племенемъ стараго вождя.

Тамъ, гдѣ теперь гордо возносятся великолѣпные дворцы, публичныя зданія, палаты богачей, гдѣ взлетаютъ къ небу величественныя главы церквей, съ ихъ блестящими на солнцѣ куполами, гдѣ раздаются голоса милліона народа, съ кипучею дѣятельностью, гдѣ гудятъ колокола, сзывая народъ воздать хвалу Тому, Чье имя служитъ силою и утѣшеніемъ страждущаго въ борьбѣ съ жизнью и собственными мученіями, Чье имя является поддержкою любви, справедливости и гуманнаго отношенія ко всему человѣчеству, постепенно распространялось даже на все живое,—тамъ за много вѣковъ до

настоящаго времени съ неменьшею относительною гордостью возвышались лучшіе образцы тогдашняго зодчества, била своя жизнь ключемъ, неслись молитвы къ божествамъ... Но какая разница между теперешнимъ обращеніемъ къ Богу и молитвою доисторическаго человѣка! Вмѣсто мольбы о ниспосланіи намъ силы прощать обиды и злодѣянія ближняго раздавались громкіе призывы божества къ кровавой мести, просьбы о ниспосланіи на голову врага всевозможныхъ напастей, вмѣсто горячихъ слезъ умиленія и благодарности лилась кровь невинныхъ жертвъ...

На пространствѣ пяти—шести десятинъ на возвышенномъ берегу Москвы было расположено нѣсколько десятковъ жилищъ, которыя окружалъ двойной земляной валъ высотою около двухъ и болѣе саженъ. Кругомъ вала былъ вырытъ глубокій ровъ и, сверхъ того, имѣлся еще высокій деревянный частоколъ. Входомъ въ городище служило двое крѣпчайшихъ воротъ, расположенныхъ на разныхъ концахъ его. Посрединѣ этого, сильно по тому времени укрѣпленнаго, поселенія находился большой жертвенникъ, устроенный изъ большихъ камней и глины. Невдалекѣ отъ него располагались полукругомъ деревянные и глиняные идолы, передъ каждымъ изъ которыхъ было устроено по небольшому алтарю. Работа этихъ идоловъ была очень грубая, а выраженіе лицъ строгое или свирѣпое. Но все же это были произведенія уже чистаго искусства. Художникъ умышленно придалъ имъ то выраженіе, какое считалъ наиболѣе соотвѣтствовавшимъ представленію о природѣ божества, какъ существа грознаго.

Само собою понятно, что самый лучшій художникъ могъ-бы очень мало сдѣлать безъ нужныхъ для ра-

боты орудій, инструментовъ, или при крайнемъ ихъ несовершенствѣ, какимъ они отличались въ эпоху палеолитическую и даже неолитическую. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ успѣлъ втеченіи вѣковъ сдѣлать едва-ли не самый замѣтный шагъ впередъ. Хрупкій, трудно поддающійся обработкѣ камень смѣнила бронза, удачный сплавъ металловъ, отличающійся большими достоинствами. Изъ нея приготовлялись самые разнообразные предметы—топоры, ножи, кинжалы, долота, мечи, серны, наконечники стрѣлъ и копій, браслеты, булавки, запонки и т. д. Всѣ эти вещи дѣлались очень изящно и часто снабжались разными украшеніями, большею частью состоявшими изъ различныхъ характерныхъ комбинацій прямыхъ и кривыхъ линій.

Приготовлялись эти предметы всѣ безъ исключенія помощью отливки, которая производилась тремя способами. Для самаго совершеннаго и наиболѣе изъ нихъ употребительнаго пользовались пластичностью воска, изъ котораго дѣлали модель предмета, при помощи пальцевъ, деревянныхъ лопаточекъ и т. п. Эту модель облѣпляли смѣсью глины съ коровьимъ навозомъ, который потомъ отъ дѣйствія жара сгоралъ, оставляя въ глинѣ поры. Черезъ нихъ выливался расплавившійся воскъ, на мѣсто котораго, черезъ особое отверстіе, въ форму вливали расплавленный металлъ. Для предметовъ болѣе грубой работы употребляли деревянныя модели, которыя вдавливали въ мокрый песокъ, и въ образовавшуюся въ немъ, такимъ образомъ, форму наливали расплавленную бронзу. Не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣсто деревянныхъ моделей могли употреблять готовыя каменныя орудія, чѣмъ, помимо пережи-

ганія, и можно объяснять сходство многихъ бронзовыхъ орудій съ каменными. Это сходство одно время, какъ извѣстно, служило даже источникомъ сомнѣній древности каменныхъ орудій. Наконецъ, по третьему способу бронзовыя вещи отливались въ двухстворчатыхъ каменныхъ или металлическихъ формахъ, которыя хотя и не давали возможности приготовленія сложныхъ предметовъ, за то могли годиться для приготовленія нѣсколькихъ вещей.

Такимъ образомъ очевидно, что мало-мальски порядочной работы оружіе требовало для своего приготовленія массы труда; если же принять во вниманіе, что наши москвичи сами его не дѣлали, а получали изъ другихъ странъ, то нетрудно понять, что предметы изъ бронзы должны были быть очень дороги, а потому для хозяйственныхъ нуждъ употреблялись по прежнему камень, кость, рогъ и т. п. матеріалы, которые еще нескоро были вытѣснены изъ употребленія металлами.

Кромѣ бронзы, правда, въ очень еще незначительномъ количествѣ наши доисторическіе обитатели Москвы получали съ юга и желѣзо, которому со временемъ было суждено вытѣснить красивую, но дорогую его соперницу бронзу.

Одновременно со введеніемъ въ употребленіе металловъ въ глиняномъ производствѣ произошелъ, если и не столь крупный, то, во всякомъ случаѣ, очень важный шагъ впередъ: первобытный человѣкъ изобрѣлъ гончарный кругъ и додумался до придѣлыванія къ сосудамъ ручекъ, вмѣсто прежнихъ отверстій. Съ тѣхъ поръ керамика получила вполнѣ прочное основаніе. Изъ числа различныхъ предметовъ изъ глины слѣдуетъ

«Льняныя ткани были принадлежностью вождей и изъ семействъ»...

реннемъ имъ инструментѣ вродѣ флейты, да еще разсчитывать доставить своею музыкою удовольствіе возлюбленной красавицѣ,—можетъ, строго говоря, быть названъ дикаремъ? Развѣ такой человѣкъ, который, спустивъ стрѣлу, обратилъ вниманіе на звукъ, издаваемый при этомъ тетивою, съ цѣлью воспользоваться имъ для инструмента, близкаго къ балалайкѣ, съ ея тихими звуками, далеко не соотвѣтствующими нашему понятію о шумной музыкѣ дикарей,—заслуживаетъ оскорбительнаго названія дикаря? — Нѣтъ, никоимъ образомъ! Это уже, если и дикарь, то стоящій на порогѣ цивилизаціи и готовый воспользоваться ея гостепріимствомъ. Занятіе музыкой въ одиночку предполагаетъ уже довольно высокое музыкальное развитіе и потребность эстетическихъ наслажденій.

Съ другой стороны, нашъ первобытный москвичъ имѣлъ уже довольно выработанныя понятія о личной собственности и, что всего важнѣе, пытался выразить его въ формѣ примитивнаго письменнаго доказательства. На стрѣлахъ, копьяхъ и т. п. оружіи до-историческаго человѣка описываемой нами эпохи мы встрѣчаемъ знаки въ видѣ перекрещенныхъ черточекъ, уголковъ, сочетаній эллиптическихъ, разнаго эксцентрицитета, фигурокъ, полумѣсяцевъ, точекъ и т. д. Въ этихъ знакахъ, представляющихъ собою зачатки не только письменности, но даже и юридическихъ письменныхъ документовъ, сказывается уже начало индивидуализма.

Впрочемъ, что касается первыхъ попытокъ графическаго изображенія идей и событій, то въ этомъ отношеніи наши первобытные москвичи могли представить и болѣе безспорные образчики своей письменности. Когда охотникъ желалъ извѣстить оставшихся дома

товарищей о результатѣ охоты и не имѣлъ возможности никого послать кромѣ собаки, то онъ отправлялъ съ нею настоящее письмо, написанное на кускѣ коры. Если нужно было, положимъ, сказать, что пятеро охотниковъ съ двумя собаками убили медвѣдя, то на корѣ

Сиди подъ развѣсистымъ деревомъ, человѣкъ наслаждался игрою на дудкѣ»....

это событіе изображалось приблизительно такимъ образомъ: рядомъ съ фигурою лежащаго медвѣдя ставилось пять вертикальныхъ большихъ и двѣ малыхъ черточки. Въ случаѣ, если одинъ изъ охотниковъ бывалъ раненъ, то одна большая черточка ставилась наклонно, если же при этомъ происходилъ и смертный случай, тогда клалась еще и горизонтальная черточка. Несмотря на

крайнюю простоту подобнаго рода идеографическихъ знаковъ, представляющихъ собою первый лепетъ человѣческой письменности, чтеніе ихъ требовало уже довольно значительнаго развитія, такъ какъ въ нихъ не было того постояннаго условнаго элемента, который дѣлаетъ процессъ чтенія для насъ почти автоматическимъ.

Подъему общаго уровня умственнаго и эстетическаго развитія нашихъ первобытныхъ москвичей въ значительной степени способствовало и то обстоятельство, что съ сильно распространившимся въ ту эпоху рабствомъ вся черная работа, которая такъ притупляетъ умственныя способности человѣка, всецѣло стала удѣломъ рабовъ. Ихъ же работѣ были обязаны наши первобытные обитатели Москвы и тѣми обширными нивами, которыя увеличили матеріальное благосостояніе племени, служащее, какъ извѣстно, однимъ изъ благопріятнѣйшихъ условій для духовнаго развитія человѣка. Изобрѣтеніе въ это время жернововъ, явившихся однимъ лишь шагомъ впередъ по отношенію прежняго способа перетиранія зеренъ между камней,—сдѣлавъ изготовленіе хлѣба болѣе быстрымъ и легкимъ, тоже послужило нѣкоторымъ, хотя и слабымъ импульсомъ къ желанію увеличить число засѣянныхъ полей.

Такимъ образомъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, протекшіе вѣка оказали на доисторическихъ обитателей Москвы самое благотворное вліяніе.

XVI.

Жертвоприношеніе.—Торговля.—Заключеніе.

Было ясное весеннее утро. Солнце всходило надъ горизонтомъ, озаряя собравшуюся передъ главнымъ жертвенникомъ толпу народа. Впереди всѣхъ на особо устроенной возвышенной площадкѣ стоялъ высокій мужчина среднихъ лѣтъ. Это былъ вождь племени. Лицо его, обрамленное русою бородою, было строго, но довольно красиво. Нѣсколько удлиненная голова его прикрывалась соболиною шапкою; одежда состояла изъ грубой льняной ткани, а ноги были обуты въ желтые кожаные сапоги. На поясѣ висѣлъ желѣзный мечъ, а въ рукѣ была прекрасно отдѣланная, переходившая изъ рода въ родъ начальническая булава. Рядомъ съ вождемъ, но немного позади его, стояло нѣсколько человѣкъ болѣе важныхъ воиновъ племени. Большинство ихъ, подобно остальнымъ людямъ племени, имѣло бронзовое оружіе, хотя у нѣкоторыхъ можно было также замѣтить и желѣзныя орудія.

Посрединѣ круга, образованнаго толпою народа и воинами, которыми въ то время были далеко уже не всѣ взрослые способные носить оружіе мужчины, — стоялъ величественный сѣдобородый старецъ, жрецъ племени. Уже изъ того, что послѣднимъ былъ не вождь, а особое лицо, видно, насколько подвинулись наши первобытные москвичи на пути общественнаго развитія. Жизнь ихъ сдѣлалась несравненно сложнѣе. Это были уже не охотники, а люди, стоявшіе на переходной сту-

пени отъ скотоводства къ земледѣлію, и притомъ гораздо ближе къ послѣднему. Они имѣли обширныя торговыя сношенія съ самыми отдаленными странами. Съ юга и юго-востока получали они бронзовое и желѣзное оружіе и орудія, всевозможныя украшенія изъ морскихъ раковинъ, золота и серебра и т. п., разные предметы вродѣ, напримѣръ, гребней, бритвенныхъ ножей и т. п., служившіе къ поддержанію тѣла въ чистотѣ и опрятности. Съ запада, отъ моря, получался кромѣ того янтарь и стеклянные бусы. Сѣверъ давалъ мѣха, камень для хозяйственныхъ орудій. Впрочемъ, послѣдній, доставлявшійся большею частью въ отдѣланномъ видѣ, шелъ, строго говоря, со всѣхъ сторонъ.

Сложность жизненныхъ условій была причиною возникновенія раздѣленія труда и спеціализаціи нѣкоторыхъ профессій. Одни, оставаясь дома, занимались земледѣліемъ, другіе пасли стада, третьи,—скитаясь постоянно по лѣсамъ,—доставляли дичь, ловили рыбу. Лучшіе воины, на обязанности которыхъ лежала защита племени отъ враговъ, постепенно стали образовывать собою нѣчто вродѣ привиллегированнаго, ничѣмъ не занятаго сословія. Изъ людей, постоянно отправлявшихся въ экспедиціи съ цѣлями торговыми и пріобрѣвшихъ въ нихъ большую опытность, съ теченіемъ времени начало вырабатываться, такъ сказать, вооруженное купечество, которое, по справедливости, пользовалось среди своихъ едва-ли не наибольшимъ уваженіемъ.

Естественно, что съ развитіемъ культуры, которое неразрывно связано съ духовнымъ перерожденіемъ, должны были развиться и религіозныя потребности первобытнаго человѣка, необходимость удовлетворенія которыхъ вызвала появленіе особыхъ лицъ, исключительно

занятыхъ религіозными требами. Монополизируя эту область духовной стороны человѣка, жрецы являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и профессіональными знахарями, предсказателями исхода сраженій, разныхъ предпріятій и т. п. Они же взяли на себя трудную обязанность умилостивленія божествъ и истолкованія воли послѣднихъ. Сообразно съ такимъ далеко немаловажнымъ значеніемъ жрецовъ для первобытнаго человѣка, вліяніе ихъ на народъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось. Съ волею жреца, который могъ по произволу такъ или иначе истолковать желаніе божества, предсказать счастливый или неудачный исходъ затѣваемаго предпріятія, приходилось считаться даже самому вождю, который старался ладить съ жрецомъ или, по крайней мѣрѣ, избѣгать съ нимъ столкновеній.

Въ описываемое утро предстояло выступленіе отрядовъ, отправлявшихся въ разныя стороны съ торговыми цѣлями. Въ тѣ времена торговля велась не отъ имени отдѣльныхъ лицъ, а цѣлымъ племенемъ, которое снаряжало особые торговые отряды; поэтому, передъ выступленіемъ послѣднихъ, приносились богамъ умилостивительныя жертвы, послѣ чего старались узнать ихъ волю и окончательный исходъ экспедиціи.

Народъ стоялъ въ молчаніи, ожидая начала жертвоприношенія. Обернувшись къ восходившему солнцу, жрецъ что-то шепталъ и простиралъ къ нему руки. Такъ протянулось около четверти часа. Наконецъ, окончивъ свою тихую молитву, старецъ подошелъ къ главному, самому большому идолу и зажегъ небольшой костеръ на его алтарѣ. Потомъ, взявъ изъ костра небольшую горящую головню, онъ сталъ зажигать огни и на остальныхъ жертвенникахъ. Когда пламя разгорѣлось, жрецъ вы-

нулъ изъ особаго хранилища пучки ароматическихъ травъ и сталъ бросать ихъ въ костры. Все это дѣлалось медленно, торжественно и сопровождалось какимъ-то таинственнымъ шопотомъ. По временамъ жрецъ бросалъ въ огонь куски смолы. Дымъ, клубясь, возносился къ небу, окутывая идоловъ своею едва проницаемою пеленою. Старецъ взошелъ на громадный костеръ, воздвигнутый надъ среднимъ жертвенникомъ, и сталъ громко произносить какія-то никому непонятныя заклинанія. Окончивъ ихъ, онъ показывалъ видъ, будто къ чему-то прислушивается. Потомъ, выждавъ нѣкоторое время, онъ снова начиналъ свои заклинанія. Наконецъ, громко прокричавъ троекратно какое-то слово, жрецъ замолкъ. Тишина была полная. Всѣ затаили дыханіе. Казалось, если-бы не трескъ и шумъ горящихъ огней, можно-бы было, закрывши глаза, подумать, что находишься не среди множества людей, а въ какомъ-то мертвомъ царствѣ. Вдругъ жрецъ поднялъ руку кверху и наклонилъ голову на сторону, словно стараясь уловить чей-то отдаленный голосъ.

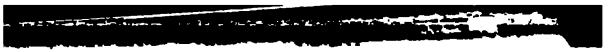
— Боги требуютъ кровавой жертвы! — громко произнесъ, наконецъ, онъ.

Каждымъ изъ присутствующихъ овладѣлъ невольный трепетъ при мысли о возможности выпаденія на него жребія. Человѣческія жертвы были не только въ тѣ времена, но и впослѣдствіи вовсе не рѣдки, хотя для нихъ выбирались обыкновенно плѣнные. Но бывали и исключенія. Случалось, что, питая къ кому-либо вражду, жрецъ нарочно такъ подстраивалъ, что врагъ приносился въ жертву божеству. Иногда же, въ случаѣ внезапной смерти или даже послѣ продолжительной болѣзни какого-нибудь значительнаго лица, въ которой

врачебное искусство жреца оказывалось несостоятельнымъ, онъ объявлялъ, что причиною ея былъ кто-нибудь изъ нелюбимыхъ имъ членовъ племени. Въ такомъ случаѣ мнимый виновникъ смерти покойнаго долженъ былъ слѣдовать вмѣстѣ съ другими жертвами на погребальный костеръ... Сомнѣнія въ вѣрности заключеній жреца, если и возникали въ очень немногихъ болѣе интеллигентныхъ людяхъ, то, во всякомъ случаѣ, были крайне рѣдки, масса же слѣпо вѣрила имъ. Впрочемъ, для жреца не было большаго труда, при помощи какого-нибудь «чуда», опровергнуть въ глазахъ народа всякія даже самыя основательныя подозрѣнія.

Теперь, когда жрецъ объявилъ о кровавой жертвѣ, у всѣхъ невольно возникло представленіе о человѣческой, хотя, въ дѣйствительности, желая сказать, что боги не удовлетворились одними ароматическими куреніями, жрецъ употребилъ выраженіе «кровавый» для внушенія лишь большей серьезности и торжественности религіозной церемоніи. Такому впечатлѣнію словъ жреца способствовало и то обстоятельство, что всѣмъ было извѣстно о предполагаемомъ принесеніи въ жертву нѣсколькихъ быковъ, овецъ, телятъ и т. п. животныхъ, для сожженія которыхъ былъ посреди̇нѣ, на главномъ жертвенникѣ, воздвигнутъ громадный костеръ; стало быть, говорить объ этомъ, казалось-бы, нечего, а потому наэлектризованнымъ опасностью присутствующимъ на церемоніи лицамъ невольно показалось, что боги требуютъ человѣческой жертвы. Такого-то именно эффекта своихъ словъ и ожидалъ жрецъ.

Обведя стоявшую въ напряженномъ ожиданіи толпу своимъ пронзительнымъ взглядомъ, подъ которымъ душа каждаго затрепетала, онъ сказалъ вполголоса нѣсколько



еще одного быка, но, увидѣвъ двухъ своихъ собратьевъ лежащими на землѣ и почуявъ запахъ крови, животное замычало и, неожиданно метнувшись въ сторону, вырвалось изъ рукъ прислужниковъ. При этомъ одинъ изъ нихъ едва не попалъ на рога испуганнаго быка. Но скоро его опять поймали, и кровь его обагрила жертвенный костеръ. Такимъ образомъ были умерщвлены всѣ животныя, назначенныя въ жертву богамъ.

На облитый кровью и скользкій костеръ взошелъ окровавленный жрецъ и снова сталъ произносить никому непонятныя слова. Потомъ, обождавъ отвѣта боговъ, старецъ объявилъ, что они довольны жертвою и обѣщали счастливый исходъ экспедиціи.

Сойдя внизъ, жрецъ махнулъ рукою, и мертвыя туши поволокли на костеръ, который со всѣхъ сторонъ подожгли. Пламя съ трудомъ разгоралось, встрѣчая сопротивленіе со стороны массы крови, но вскорѣ оно взяло верхъ, и костеръ запылалъ. Воздухъ огласили радостные клики племени, которое расходилось по домамъ, спѣша закончить приготовленія къ отправленію воиновъ въ отдаленный походъ.

Еще костеръ горѣлъ яркимъ пламенемъ, по временамъ лишь заслоняясь клубами дыма, а уже отрядъ конныхъ воиновъ, подъ начальствомъ четырехъ предводителей, раздѣлившись на двѣ неравныя части, выѣзжалъ черезъ сѣверныя и южныя ворота, провожаемый громкими криками остающихся. Въ то же время отъ берега рѣки отдѣлилось нѣсколько большихъ, наполненныхъ вооруженными людьми лодокъ, которыя направлялись въ сѣверо-восточныя страны.

Южный отрядъ скоро раздѣлился на три части, изъ которыхъ каждая направилась въ особую сторону, а сѣверный—поѣхалъ на сѣверо-западъ.

Эта послѣдняя экспедиція имѣла характеръ нѣсколько отличный отъ южныхъ и сѣверо-восточной. Въ то время, какъ тѣ, направясь въ мѣста, заселенныя сильными племенами, имѣвшими иногда даже непосредственныя сношенія съ южными, юго-западными и восточными культурными народами: греками, этрусками, финикіянами и др., представляли собою мирные, чисто торговые отряды, — сѣверная экспедиція была отправляема преимущественно съ цѣлями грабежа и насилій. Съ югомъ велись, по возможности, безкровныя торговыя сношенія, сѣверъ же, заселенный болѣе дикими народами, чѣмъ даже наши москвичи, служилъ ареною безпеременной эксплуатаціи менѣе культурныхъ племенъ, по отношенію къ которымъ самыя даже возмутительныя насилія считались явленіемъ вполнѣ нормальнымъ. Всѣ эти народы, принадлежавшіе къ финскому племени, находились еще въ томъ періодѣ развитія, когда камень составлялъ главный матеріалъ для оружія и орудій. Жили они большею частью въ пещерахъ, естественныхъ или искусственныхъ. Изъ домашнихъ животныхъ имѣли двѣ породы собакъ, крупную и маленькую. Эти мелкіе народцы вели жизнь охотниковъ и звѣролововъ и не имѣли понятія о скотоводствѣ, а тѣмъ болѣе земледѣлія. Наши москвичи и другія смежныя племена, стоявшія на болѣе высокой ступени культурнаго развитія, въ худшемъ случаѣ вели съ ними очень выгодную мѣновую торговлю, получая взамѣнъ своихъ непомѣрно дорого цѣнимыхъ вещей изъ бронзы, серебра и т. п. громадное количество мѣховъ, меду, воску, орѣховъ и т. д. Всѣ эти предметы въ свою очередь отправлялись на югъ, откуда получались вмѣсто нихъ всевозможныя богатства высоко-культурныхъ странъ.

Но само собою понятно, что по отношенію къ сѣвернымъ дикимъ народцамъ наши москвичи рѣдко прибѣгали къ столь, по ихъ мнѣнію, невыгодному способу

«Финны жили въ пещерахъ»...

торговли. Въ большинствѣ случаевъ они обходились безъ мѣны, пользуясь однимъ лишь правомъ сильнаго. Попытки сопротивленія обиженныхъ кончались обыкновенно очень печально, и пришельцы уводили съ собою плѣнныхъ, которые являлись въ такихъ случаяхъ но-

сильщиками своего же прежняго имущества, захваченнаго побѣдителемъ.

На сѣверо-востокѣ, въ областяхъ, смежныхъ съ Ураломъ, жили племена финскаго и тюркскаго происхожденій, отличавшіяся довольно высокой культурою. Земледѣліе и металлургія находились у нихъ въ цвѣтущемъ, относительно, состояніи. Съ ними наши москвичи вели торговыя сношенія на началахъ болѣе мирныхъ, получая оттуда главнымъ образомъ хлѣбъ и отчасти мѣха, которыми эти племена вели обширную торговлю съ купцами, пріѣзжавшими въ Бѣлое море изъ Западной Европы.

Но и среди этихъ культурныхъ племенъ буйный нравъ нашихъ московскихъ «купцовъ» иногда прорывался. Миролюбивыя наклонности сѣверо-восточныхъ земледѣльцевъ служили слишкомъ незначительною гарантіею безопасности, а ихъ богатства были источникомъ соблазна для воинственныхъ пришельцевъ. Послѣдніе сплошь и рядомъ нападали на туземцевъ и разграбляли ихъ имущество.

Такъ жили наши доисторическіе обитатели Москвы. Протекли еще вѣка. Древнее городище не разъ было срываемо и снова возобновлялось различными двигавшимися черезъ это мѣсто взадъ и впередъ племенами, которыя постоянно воевали другъ съ другомъ, заключали перемирія, союзы и совершенно сливались между собою. Это сліяніе начало, съ теченіемъ времени, дѣлаться явленіемъ болѣе общимъ, постепенно сталъ образовываться одинъ народъ, связанный родственностью происхожденія, и, наконецъ, со времени призванія князей, получившій прочное государственное устройство. Однако въ немъ не было еще дѣйствительнаго всеобщаго

связующаго элемента, который-бы объединилъ отдаленныхъ обитателей Москвы, Кіева и Новгорода въ одно цѣлое. Но вотъ, на югѣ начала загораться заря христіанства. Туманы и облака язычества поднялись ему на встрѣчу, стараясь заслонить собою лучи восходящаго

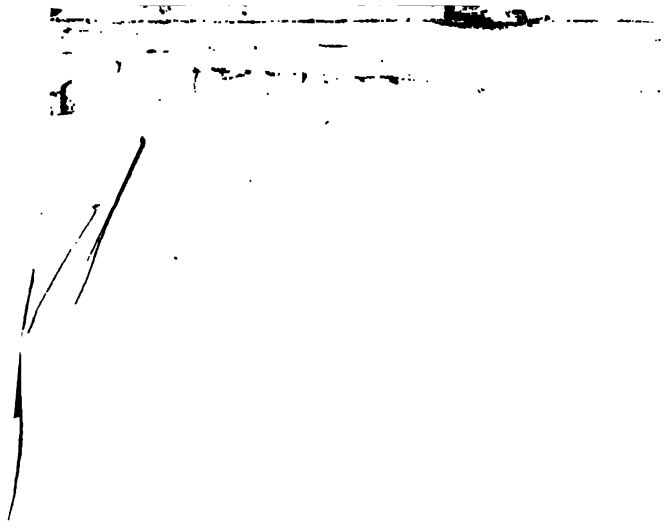
«Они преклонили свои колѣни предъ деревяннымъ крестомъ»...

солнца; но недолго длилась эта борьба мрака со свѣтомъ. Вскорѣ сумракъ началъ рѣдѣть, и лучи солнца стали распространяться, проникая все дальше и дальше сквозь туманную завѣсу язычества. Правда, полдневный часъ еще не насталъ, но уже недалекъ былъ тотъ моментъ, когда свѣтило христіанства засіяетъ полнымъ блескомъ надъ землею...

Какъ-бы то ни было, но, когда нашъ сѣрый мужичекъ, почувствовавъ себя православнымъ, преклонилъ колѣни передъ простымъ деревяннымъ крестомъ.—это было моментомъ безсознательнаго признанія единства всего русскаго народа. Еще шагъ, и идея православія, сдѣлавшись шире, поглотится идеей христіанства, этимъ символомъ духовнаго братства всѣхъ народовъ, всего человѣчества...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Лѣсная драма	3
II. Привалъ племени. Ночь	9
III. Похищеніе женщинъ. Похороны	17
IV. Бѣгство. Пещера	31
V. Зимнія работы. Поселеніе на островѣ	45
VI. Нравы и обычаи. Ревность	62
VII. Семейная драма	72
VIII. Собственность. Страшная казнь	79
IX. Жертвоприношеніе. Тревога	97
X. Нападеніе враговъ. Благодарственное жертвоприношеніе	104
XI. Дочь вождя. Соединеніе племенъ	118
XII. Вліяніе короткоголовыхъ. Номады	123
XIII. Экспедиція	134
XIV. Прибытіе плѣнниковъ на островъ и ихъ освобожденіе	151
XV. Работа вѣковъ	161
XVI. Жертвоприношеніе. Торговля. Заключеніе	171



„Природа и Люди“

учный (для семейнаго чтенія и самообразованія) журналъ

Полный томъ за 1894 годъ.

себѣ 840 стр. текста и болѣе 300 рисунковъ.

прочимъ, напечатано: Бабочка-обличительница. Разсказъ
и. Романъ въ 3 ч. Н. Н. Соколова.—Катастрофа на Чер-
лилипуты. Романъ А. Бленара.—Мертвыя озера. Очеркъ
океана. Разсказъ Жюля Верна.—Сонъ ученаго. Разсказъ
вѣкъ. (Взглядъ въ состояніи гипноза на будущее). Раз-
худ. Ассатурова).—Храмъ науки. Повѣсть I. I. Ясин-
о (съ 6 рис.). Очеркъ Ив. Святскаго —Братья-богатыри.
спедиціи Н. Н. Ашинова въ Абиссинію). Юрія Каза-
рія одной экспедиціи Ф. Г. — Заяія. Разсказъ В. Же-
ездпахъ (съ 6 рис.). С. Фалькенгорста.—Деревенскіе
Мелехинскаго. — Изъ песковъ Судана. Путешествіе
А. В. Елисѣева (съ 21 рис. художн. Чичина).—Исторія
с.).—Исторія человѣческаго жилища. Очеркъ О. Под-
еркъ В. Потоцкаго (съ карт. и 11 рис.).—Матабелы
карт. и 7 рис.). Очеркъ Б. Потоцкаго. — Новый
лярныхъ странъ. Очеркъ. — О современномъ положеніи
Елисѣева.—Орочоны. Очеркъ А. Я. Максимова (съ 2 рис.).—
(съ 4 рис.).—Поѣздка за мамонтами.—Путешествіе въ цар-
съ 2 рис.). В. Семенова.—Семь церквей Апокалипсиса (съ 3 рис.).
ской.—Вѣра въ свѣтопредставленіе (съ 2 рис.). — Гдѣ въ вос-
онедѣльникъ? (съ карт.). Е. А. Предтеченскаго. — Градъ (съ
Унжина.—Загадочный міръ (съ 2 рис.). Е. А. Предтеченскаго.—
же. — Небесныя явленія. Его же. — Вторичныя ложныя ощу-
аго. — Вѣрить или невѣрить? Экскурсіи въ область таинствен-
віе; II. Пророческіе сны; III. Дѣйствительное и мнимое. Очерки
Душевныя эпидеміи. Очеркъ Ив. Святскаго. — Какъ узнать ха-
Этюдъ Г. Ф—та. I. Опредѣленіе характера по чертамъ лица
рис.).—Обманы зрѣнія (съ 20 рис.). Очеркъ В. Вуринскаго.—
(съ рис.). Очеркъ Н. Павловича.—Какого цвѣта вода? Очеркъ
Парашюты (съ 2 рис.). Очеркъ А. Потапенко.—Первый баро-
0-лѣтія барометра) (съ рис.). Ф. Гр.—Первые пароходы (съ
нжина.—Первые электрическіе телеграфы (съ рис.).—Первый
Гр. Ф—та.—Рабочія силы будущаго.—Сила и ловкость на-
—Тигровая охота въ Индія (съ 3 рис.). Г. Шуберта.—Чело-
ы (съ 2 рис.). К. Фламмаріона. — Эстетика въ мірѣ живот-
тига.—Какую температуру можетъ вынести человѣкъ? Е. В.—
лѣзней. Д-ра М. Альсберга.—Чувство осязанія. Гр. Ф—та.—
віе электрическаго тока (съ 3 рис.). Ф. Унжина.—Физіоло-
агина. I. Основы питанія. II. Пищевареніе.—Волшебныя
іоминіатюра. Д. Чекаловича.—Говорящіе часы (съ рис.).—
Н. В.—Непроницаемый панцырь Дове (съ рис.).—Новый
Плавающій городъ (съ рис.). А. Потапенко. — Простой
-Ручное огнестрѣльное оружіе (съ 15 рис.). Очеркъ В.—
(съ 4 рис.).—Сахаръ (съ 4 рис.). Ф. Т—ва.—
с.). Г. Полозова. — Электрическіе часы (съ рис

брошюрованнаго тома, съ приложенія
плетѣ **5** руб.
фунт. (въ переплетѣ за 10 фунт.)

дъ *П. П. С*

ремянная ул.

ПОЛЕЗЬАЯ БИБЛІОТЕ

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 50 КОП.

Первые обитатели Москвы—разсказъ
изъ временъ сѣдой старины. *В. Бит-
нера*. 184 стр. (съ 18 рис.).
Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки
Абиссиніи). *Ф. Волина*. 128 стр. (съ
15 рис.).
Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исто-
рія и описаніе замѣчательныхъ статуй,
начиная съ древнѣйшихъ временъ). Е.
Лебазейль. Перев. съ франц. *Г.* 224 стр.
(съ 33 рис.).
Чудеса полярнаго міра. (Исторія путе-
шествій.—Природа. — Жизнь и нравы
обитателей). Е. Лебазейль. Перев. *Е.
Костко*. 168 стр. (съ 35 рис.).
Вокругъ свѣта на велосипедѣ. *Т. Сти-
венса*. Перев. съ англ. Части 1 и 2 (двѣ
книги) 184+172 стр.
Письма изъ Африки. Генриха Сенке-
вича. Перевелъ *И. Круковскій*. 271 стр.
(съ 26 рис.).
Джонъ-Булль и его колоніи. (Очерки
изъ путешествій по колоніямъ Англіи).
Макса О'Релля, переводъ съ англійск.
Л. Богдановича. 148 стр.
Астрономъ-любитель. Руководство къ
ознакомленію съ небесными явленіями
и ихъ наблюденіямъ. Сост. дѣйств. чл.
Русск. Астров. Общ. *Е. Предтеченскій*.
200 стр. (25 рис. и черт.).
Астрономія въ вопросахъ и отвѣ-
тахъ.—Г. Парвиля. Перев. подъ ред.
проф. *С. Глазенапа*. 104 стр (съ
20 рис.).
Микроскопъ и телескопъ. Зюршеръ и
Маргелэ. Перев. и дополн. *Н. Сент-
скій*. 140 стр. (съ 42 рис.).
Міры дѣйствительные и воображае-
мые. Соч. Камилла Фламмаріона. Пере-
велъ *Ив. Сентскій*. 192 стр.
Начало и конецъ міра. Ш. Ришара.
Перев. и дополн. *Н. Сентскій*, 184 стр.
Жизнь земли. — Очеркъ популярной
геологіи. Профессора Ф. Пуше. Перев. и
доп. *Н. Ламина*. 164 стр. (съ 30 рис.).
Жизнь въ морѣ. К. Келлера. Переводъ
Вл. Шацкаго, подъ ред. проф. *А. Н. Ни-
кольскаго*. Части 1 и 2 (двѣ книги).
108+192 стр.
Драгоцѣнные камни. Составилъ *Ив.
Сентскій*. 184 стр. (съ 38 рис.).
Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.
Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск.
изданія, *Н. Голицова*. Часть I. Буденни-
чества Каліостро. — Магнетизеры-мис-
тики. — Электро-біологія. — Стучащіе
духи. 224 стр.

Исторія чудеснаго въ но[вѣйшее время.]
Л. Фигье. Часть II. ...
люди. — Отвѣчающіе у[мы] ...
щіеся столы и медіумы. ...
Подъ водою. — Истор[ія] ...
дѣла и подводнаго плава[нія] ...
Переводъ подъ редакціе[й] ...
неніями *Гр. Ф—та*, 120 ...
рисунк.).
Чудеса гипнотизма. ...
менное положеніе воп[роса] ...
жѣ.—Очеркъ *В. Битне[ра]* ...
6 рис.).
Пять внѣшнихъ чув[ствъ] ...
Обработалъ и дополни[лъ] ...
152 стр. (съ 20-ю рис[.]) ...
Первая помощь пр[и] ...
людьми.—Общедосту[пное] ...
дачи помощи до пр[ибытія] ...
по проф. Эсмарху, ...
и др. — д-ръ мед. ...
45 рис.).
Научныя развлеченія (Собр[аніе] ...
физич. опытовъ)—д-ра В. ...
128 стр. (съ 104 рисунк.).
Домашняя лабораторія. (Р[уководство] ...
къ ознакомленію съ основа[ми] ...
Ф. Федо. Перевелъ и дополн[илъ] ...
мина. 160 стр. (съ 37-ю рис[.]) ...
Самоучитель фотографіи. ...
практика фотографическ[ой] ...
Ф. Даллей. Перев. подъ ре[д.] ...
скаго. 244 стр. (съ 2. рис.). ...
Гальванопластика. Об[щедоступное] ...
практ. руководство для лю[бителей] ...
Глазолова. 64 стр. (съ 7 рис.) ...
Электричество въ домаш[немъ быту] ...
Руков. для любит. электро ...
Н. Доовковскій. 194 стр. (съ ...
Чудеса растительнаго міра. ...
Ѳ. Медвѣдевъ. 148 стр. (съ 3.. ...
Комнатное цвѣтоводство ...
Медвѣдевъ. 1.. стр. (съ 56 р[ис.]) ...
Горшковое комнатное пло[доводство] ...
Сост. *Ѳ. Медвѣдевъ*. 40 стр. ...
Рыболовъ-любитель. (Жи[знь] ...
и разведеніе прѣсноводны[хъ] ...
Общедоступное практическ[ое] ...
ство. *Ѳ. Песковъ*. 180 стр. (...
Прѣсноводный акваріумъ. ...
Т. Богдановъ. 65 стр. (съ 14 ...
Спортъ во всѣ времена ...
велъ *Гр. Ф—та*. 200 стр (с...
Домашній обиходъ. (Сбор[никъ] ...
товъ и рецептовъ по всѣмъ ...
домашняго хозяйства).—Сост...
184+XIX стр.

Гг. иногородніе выписывающіе изъ книжнаго склада П. П[. Сойкина]
(Стремянная, 12), за пересылку не платятъ.

...6., 8 Авг. 1896 г. Тип. П. П. Сойкина, Стремян[ная] ...